

ИНСТИТУТ ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЧЕРНОМОРСКО-КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА
Армавирский государственный педагогический университет
Научно-педагогическая Кавказоведческая Школа В.Б. Виноградова

ГЕВОРК МЕЛИК–КАРАГЁЗЯН

**Делегация Армянского Национального
Совета в Германию
и в союзные с ней страны в 1918 году**

ВОСПОМИНАНИЯ

Москва – Ереван–2017

Печатается по решению Института политических и социальных исследований
Черноморско-Каспийского региона
и семинара научно-педагогической
Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова
(Армавирский государственный педагогический университет)

Под редакцией доктора исторических наук, профессора,
Заслуженного деятеля науки Кубани, Действительного члена (академика)
Международной академии информатизации
и Общественной академии наук, культуры и образования Кавказа
С.Л. Дударева

Мелик-Карагёзян Геворк. Делегация Армянского Национального Совета в Германию и в союзные с ней страны в 1918 году. – М.: Русская палатка, 2017. – 160 с.

ISBN 978-5-93165-412 -6

Книга воспоминаний бывшего комиссара по призрению солдат и их семей в правительстве Закавказья в 1917–1918 гг. В своих записках автор рассказывает о своих переговорах по поводу судьбы Армении с новым правительством России, а так же об участии в составе делегации Армянского Национального Совета, которая вела переговоры в Берлине с целью добиться воздействия Германии на Турцию, наступавшую тогда на Закавказье, угрожая физическому существованию армянского населения края.

Книга посвящена жене автора – Марии Мелик-Каракозовой. Публикация подготовлена внуком автора Михаилом Вермишевым по материалам личного архива Г. Мелик-Карагёзяна.

Для историков, а также всех, интересующихся историей Армении.

ISBN 978-5-93165-412 -6

© Вермишев М.К. 2017
© Захаров В.А. 2017

	Об авторе	4
1	Политическая ситуация в Закавказье в 1917–1918 гг.	5
2.	Отъезд	13
3.	Пребывание в России	21
3.1.	В Московском Армянском Комитете	35
3.2.	Встреча с Троцким	48
3.3.	В ЦК партии народной свободы	59
3.4.	Встреча с Ф.И. Родичевым	65
4	На пути в Германию	69
4.2.	Проезд через Псков-Двинск	76
5	Встречи и переговоры в Берлине	82
5.1.	Первый меморандум	93
5.2.	Второй меморандум	100
5.3.	Собеседование в Рейхстаге с лидерами фракций	101
5.4.	Встречи с общественными деятелями	105
5.5.	Приём у заместителя министра иностранных дел	117
5.6.	Поездка в Груневальд	125
5.7.	Ответ Министерству иностранных дел	129
5.8.	Встречи в Берлине 16–18 мая 1918 г. Третий меморандум	135
6.	Впечатление от Германии военного времени	142
	Захаров В.А. Первая армянская республика	144

Об авторе

ГЕВОРК МЕЛИК-КАРАГЕЗЯН (ГЕОРГИЙ ПАВЛОВИЧ МЕЛИК-КАРАКОЗОВ) – армянский общественно-политический деятель. Родился в 1873г. в Эривани. Окончил Тифлисскую классическую гимназию, Берлинский университет и Брюссельскую консерваторию. Был редактором газеты “Аршалуйс”, журнала “Кавказский вестник” (1903–1905 гг.), газеты “Мшак” (1920 г.). Автор ряда публикаций по армянскому вопросу.

Являлся членом Закавказского комитета партии Народной свободы (кадетской), а с 1918 г. – членом ЦК Армянской народной партии.

В 1917–1918 гг. занимал пост комиссара по призрению солдат и их семей в правительстве Закавказья (ЗАКОМ-е).

В 1918–1919 гг. был министром народного образования и искусств Республики Армения, являлся активным участником организации Ереванского университета и Государственной картинной галереи Армении.

В апреле – мае 1918 г. в составе делегации Армянского Национального Совета вёл переговоры в Берлине с целью добиться воздействия Германии на Турцию, наступавшую тогда на Закавказье, угрожая физическому существованию армянского населения края.

В 1921–1933 гг. работал в финансовых и научно-просветительских организациях Закавказья и Армении. Умер в 1940 году и похоронен в Тбилиси.

Публикация подготовлена внуком автора Михаилом Вермишевым по материалам личного архива Г. Мелик-Карагезяна.

Политическая ситуация в Закавказье в 1917–1918 гг.

После Октябрьского переворота в России “Особый Закавказский Комитет Временного правительства, как орган Всероссийского правительства в Закавказье, естественно должен был подать в отставку. Юридически “Особый Закавказский Комитет” (ОЗАКОМ), быть может, вправе был бы продолжать свое существование, поскольку общественное мнение в Закавказье устами всех политических партий здесь (кроме большевиков) считало смену власти в России результатом незаконного захвата ее со стороны большевиков. Но это возможно было бы только при условии, если бы ОЗАКОМ имел в это время реальную власть в крае и пользовался популярностью. На самом деле ни было не того, ни другого.

С первых же дней приезда из Петрограда членов ОЗАКОМА каждый из них сделался как бы представителем и адвокатом интересов своей нации в коллегии ОЗАКОМА. Так, Джафаров – для татар, Пападжанян – для армян, и Чхенкели – для грузин. Вследствие этого, положение В.А. Харламова, человека русского возглавлявшего ОЗАКОМ в качестве председателя, было весьма затруднительным, и голос его имел постольку значение, поскольку он мог опираться на Совет рабочих и солдатских депутатов, который как высший общекраевой революционный орган проводил вненациональные и общегосударственные принципы.

Что Закавказье, даже в первый период общереволюционного подъема, не представляло из себя единого целого, видно из того, что очень скоро под боком ОЗАКОМ и общереволюционных органов – Советов образовались Национальные советы: Грузинский, Армянский, Татарский (Азербайджанский). Эти национальные советы, чем дальше тем больше, становились средоточием национальных интересов и политики в крае, и тем самым, подрывали положение ОЗАКОМА. Кроме того, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и образовавшийся из них Краевой Центр, как бы в миниатюре копируя то положение, которое создавалось в Петрограде между Временным правительством и Советами, стягивали власть в свои руки, парализуя власть ОЗАКОМА, который с переходом всего авторитета власти и национального представительства в Краевой Центр и национальные советы лишился всякого общественного фундамента, а с утверждением большевистского правительства во внутренней России совершенно повис в воздухе.

В таких обстоятельствах естественно возникли две проблемы – организация новой правительственной власти в крае и защита фронта, покинутого общероссийскими войсками. Первая проблема была разрешена учреждением местными революционными и общественными организациями 24 ноября 1917 г. нового правительства, названного Закавказским Комиссариатом (ЗАКОМ), члены которого назывались комиссарами. В том факте, что закавказская общественность в эту эпоху не решалась правительство Закавказья называть Советом министров и членов его – министрами, несомненно, сказывалось чрезвычайно еще сильное моральное, политическое и идеологическое тяготение краевых политических организаций к России. Тогда никому и в голову не приходило (кроме, быть может, наиболее националистических элементов и, главным образом, среди грузин и туркофильствующих татар) порвать навсегда с Россией. Образование Закавказского правительства было выражением сознания необходимости и права создать свое правительство, раз пало общероссийское, без закономерной замены его другим и проникнуто было убеждением, что положение вещей, установившееся в России благодаря Октябрьской революции, представляет из себя явление временное и, следовательно, не предопределяющее отрыв Закавказья от остальной России.

Другая проблема – проблема фронта, напрашивалась сама собой в силу инстинкта физической самозащиты на самостоятельное разрешение силами самого населения Закавказья.

Я не знаю, какие царили в военных кругах и в кругах революционных организаций Закавказья мнения в отношении вопроса войны с Турцией и ее союзниками независимо от намерений новой русско-большевистской дипломатии, но несомненно, что в первый период после Октября и до Брестского мира в общественных кругах Закавказья сильно давал себя чувствовать взгляд, что Закавказье, как часть России, хотя и покинутое общегосударственными войсками и даже перед опасностью новодения края турецкими войсками, не вправе самостоятельно решать вопросы войны и мира, касающиеся общегосударственного фронта России. Много труда пришлось потратить, чтобы пробить брешь в этом умонастроении, доказывая, что необходимо отличать технические вопросы о защите края от принципиального – об отношении его к России как к общему отечеству.

Для иллюстрации этих настроений я могу указать на сильные дебаты, которые имели место в заседаниях Закавказского Комитета партии Народной свободы в Тифлисе¹. В целях постоянной и наилучшей осведомленности по текущим событиям члены президиума Комитета обяза-

---

¹ Первое организационное собрание партии Народной свободы в Тифлисе состоялось 19 марта 1917 г. в здании, где сейчас находится “Палас-отель”. Созвано оно было Г. М. Тумановым, который и председательствовал на собрании. В Закавказский Комитет вошло ядро бывшего общественного клуба. На собрании присутствовали два бывших члена Государственной Думы: Татаринов и Тер-Петросян.

ны были по отдельным животрепещущим вопросам дня делать доклады на открытых заседаниях Комитета. На одном из них (это было за месяц до заключения Брестского мира и в разгар ультиматумов турецкого командования на Кавказском фронте) было высказано мнение, что Закавказье, покинутое общегосударственными войсками, командованием и отрезанное от России, вправе самостоятельно разрешать с Турцией вопросы войны и мира по аналогии с правом коменданта крепости, осажденной врагом и отрезанной от всего государства, решать участь крепости по собственному усмотрению. При этом всеми признавалось, что вследствие методического наступления турецкой армии на Закавказье через оголенный фронт для края создавалось очень серьезное положение. Однако, несмотря на это в открывшихся прениях чувствовалась чрезвычайная неясность и нерешительность в формулировке вопроса: что же делать? В Комитете партии было немало русских. Принимая во внимание, что нашествие турецких войск далеко не в одинаковой степени угрожало армянам и русским (а также грузинам), эта разница давала свое отражение и во взглядах, высказывавшихся по этому вопросу в Комитете. Если русские, а с ними и некоторые армяне на первый план выдвигали необходимость согласования внешней политики Закавказья с остальной Россией, даже в эту роковую минуту, исходя из голого принципа целостности российского государства, большинство армян настаивало на необходимости более реальной и трезвой политики (без изменения в корне российской ориентации), т.к. продвижение турецких войск через оголенный фронт, как факт реальный, ставил конкретный вопрос: угодно ли во имя формального принципа единства российской политики армянам Закавказья разделить судьбу турецких армян, т. е. физически погибнуть, грузинам и русским в той или иной степени пострадать и вообще всему краю перенести все ужасы турецкой оккупации².

Позволю себе сказать о своем личном взгляде на вещи. Начиная с 1900 г. в течение двух десятилетий мне не раз приходилось по разным основаниям высказываться в печати по армянскому вопросу в широком смысле этого слова, и я всегда был того мнения, что судьба армянского народа не только в России, но и в Турции неразрывно связана с судьбою России, и что вне коренного изменения восточной политики России и усвоения ею принципа федеративного строя государства я не видел возможности разрешения внутренних и внешних проблем Армении, несмотря на все соблазны, пускавшиеся иностранными государствами.

Даже после образования в Закавказье демократических республик, а именно в 1920 г. я, начиная с первого номера возобновленной под мо-

---

² Теперь уже известно, что опоздай английский генерал Алленби своими удачными операциями в Сирии против турок на три недели, турки, не будучи вынужденными стянуть к Сирии свои военные силы, осуществили бы свой план вторжения в Закавказье значительными силами и, надо полагать, покончили бы здесь с российскими армянами, чтобы раз и навсегда ликвидировать кошмарный для них армянский вопрос.

ей редакции газеты “Мшак”, в ряде статей доказывал необходимость для закавказских демократических республик поступиться своим “суверенитетом” и войти в федерацию с Россией.

Но всё это, конечно, не могло помешать, а наоборот, элементарный здравый смысл требовал того, чтобы население края, лишенное общегосударственной защиты (независимо по чьей вине), само организовало свою самозащиту – военную, дипломатическую и всякую иную. Таково было императивное требование момента, особенно в отношении армянского населения в массе своей находившегося под угрозой физического уничтожения.

Турецкие войска методически продвигались к Закавказью и шаг за шагом укреплялись на занимаемых позициях, делали устами их главнокомандующих самые лицемерные предложения закавказкой власти о заключении то перемирия, то мира. Из обмена телеграммами и нотами видно, что сами турецкие верхи не знали, что предпочесть, – признать Закавказье, как неотъемлемую часть России, или же отделившимся и уже независимым государством? В первом случае закавказская власть обязана будет принимать условия, разрабатывавшегося тогда в Бресте проекта мирного договора, второе же толкования развязывало бы Турции руки, освобождая её от обязанности удовлетвориться границами, которые предпишет ей Брестский договор и открыло бы возможность максимального продвижения вглубь Закавказья. В дальнейшем эта дилемма ещё более осложнилась, и Турция, решив для себя программу-минимум в Бресте на общероссийской основе, стала явно домогаться не только отделения Закавказья от России, но и добиваться распада единства Закавказской республики на составные национальные части, предвидя в этом возможность осуществления своей программы-максимум.

Перед лицом грозной опасности и в этих юридических хитроspлечениях, надо признаться, Закавказский Сейм (впервые созванный 10 февраля 1918 г.) и национальные советы являли жалкую картину. Путаясь и спотыкаясь на каждом шагу, дрожа перед надвигавшейся опасностью, боясь мести со стороны “Северного колосса”, Закавказское правительство не сумело организовать защиту края, несмотря на значительные военные припасы, оставленные здесь русской армией и, как выяснилось после, незначительность турецких военных сил. Но в то время, как последние были организованы, объединены и руководились единой волей, закавказская “демократия” в лице Сейма, правительства, национальных советов и партий занята была бесконечными словопрениями, взаимными упреками, уговариваниями и бездейственными призывами. Она металась между противоречивыми национальными интересами и, что совершенно было недопустимым – гласным обсуждением сокровенных вопросов политики и военной тактики во всех высших органах власти. Турецкое главное командование прекрасно информировалось через своих агентов и тюрских делегатов-муссаватистов, принимавших участие в этих органах, обо всём происходящем и, как говорится, по нотам без-

ошибочно и без риска осуществляла план своего безостановочного продвижения. Изданные впоследствии документы и сочинения, касающиеся этого периода, открывают перед нами самую плачевную картину полной политической беспомощности тогдашних руководящих партий, над которой, надо полагать, не раз посмеивались турецкие дипломаты и военные.

Чем успешнее развивались для турок события на Кавказском фронте (вернее они продвигались, почти не встречая сопротивления), тем больше обнаруживалась номинальность власти Закавказского Сейма и правительства, разнородность и даже резкие противоречия национально–политической ориентации основных закавказских народностей. Закавказские татары недвусмысленно жаждали прихода турок, грузины колебались, выбирая между дипломатией и войной, армяне же, зная, что никакого примирения и мира между ними и турками после всего, что произошло с ними в Турции, быть не может, находились в лихорадочном возбуждении от сознания полного своего одиночества и смертельной опасности.

Все эти настроения бродили, оформлялись в национальных советах, в которых с течением времени и стал биться настоящий пульс политической жизни края. Импульсивность национальных переживаний, вызванных исключительными событиями, умерялась несколько в закавказских краевых органах – в Сейме, Советах, но больше всего, если не ошибаюсь, в ЦК общероссийских социалистических партий – эсдеков и эсеров. Но переломляясь в последних через призму единства краевой демократии, эти переживания и выдвигаемые ими военно-политические задачи не получили в них того единодушного, а главное, действительного разрешения, которое только и могло бы организовать и объединить все силы сопротивления для обороны края. Наоборот, несмотря на зачастую очень энергичное осуждение сепаратистских и всяких партикулярных тенденций и благородные призывы к единству в борьбе (например, со стороны Ир. Церетели и др.) узконациональные страсти делали свое разрушающее дело, парализуя закавказскую государственную власть. Ясно, что при таком положении вещей, для турецких военных было слишком соблазнительным продвижение вглубь Закавказья, т.к. это явилось бы не только блестящим актом реванша против России, которая в течении двух веков отторгала от Турции область за областью, но и реализовало бы панисламистские и пантюранские планы Энвера, Талаата и К°.

В такой атмосфере всё сознание необходимости защиты фронта сосредоточилось на армянах, – и географически и политически они должны были принять первый удар наступающего врага, это был вопрос жизни и смерти. Для грузин, проживающих глубже в крае и не обременённых историческими отношениями с турками, продвижением турецких войск было вопросом тактической проблемы: не лучше ли сговориться с турками, чем из-за армян ввязываться в прямую борьбу с ними. Те же

из грузинских руководящих лиц, которые полагали, что необходимо, во что бы ни стало, предотвратить путем военного сопротивления наше ствие турецких войск, в своем понимании ограничивали это сопротивление границами Грузии и насколько оно необходимо было самой Грузии. Только незначительная часть руководителей социал–демократической партии во главе с Церетели, и то не всегда, отстаивала интересы “всей закавказкой революционной демократии.”

Позиция татар (муссаватистов) была прямо противоположна позиции армян. В Сейме и в высших межпартийных сферах, прикрываясь общими тогда крылатыми фразами “о борьбе за завоевания революции против феодальной Турции, а иногда совсем не прикрываясь, муссаватисты всегда вели разрушительную работу, очищая путь турецким войскам и предательски ведя себя во время мирных переговоров с Турцией в Трапезунде и Батуме. Всеми чувствовалась их двусмысленная позиция и та игра, которую они вели в интересах “близкого по крови и религии государства”. Однако в закавказских организациях говорить об этом громко долго не решались, боясь поставить точку над «i» и тем расстроить вконец и без того расшатанное единство закавказской демократии.

Сознание чрезвычайно шаткого положения внутри и тревожного на фронте вызывало исключительно возбужденное состояние в армянских массах, обществе, партиях и в воинских отрядах. Армяне развили большую деятельность по формированию национального воиска. Агитация, сбор средств, принудительное самообложение армянского населения, гнетущее сознание изолированности, царившее в Армянском Национальном Совете и в то же время ожесточенная его борьба с Грузинским и Азербайджанским национальными советами за руководящее положение в закавказских правительственных органах в целях использования их для обороны (финансы, провиант, вооружение, дипломатия) – все это происходило в состоянии крайнего возбуждения, торопливости и беспокойства. Все армянские организации, общество и печать всячески старались поднять грузин и татар на дело борьбы и обороны края. Но большая часть этих усилий разбивалась об инертность грузин, находившихся в отличных от армян условиях и сопротивление татар. Между тем, комплектование армянских воинских частей при всей энергии, которая вкладывалась в это дело, в частности, со стороны доминирующей партии Дашнакцутюн, протекало в атмосфере подавлявшего всех сознания почти безнадежности всего этого предприятия³.

---

³ Помню, вначале 1918 г. на одном большом собрании общественных армянских организаций, состоявшемся в доме армянского епархального начальника под председательством А. Агароняна, известный Андраник выступил с речью, оказавшейся пророческой. В сильных выражениях он подробно описывал пути, по которым турецкие войска (находившиеся в это время еще далеко от бывшей русской границы – т.е. линии Сарыкамыша) ворвутся в Закавказье и наводнят собою армянские области. Помню, как после каждого абзаца он говорил: “Вы будете изрублены”. Он предсказывал, что турки через Караглис и Дилижан проберутся к Баку, что на самом деле и осуществилось. В его речи чувствовался военный, прекрасно ориентировавшийся в топографии края.

После четырехлетней мировой войны армяне-солдаты общероссийского войска, а также добровольческих отрядов естественно были утомлены. С уходом же русского войска в связи с революцией с турецко-персидского фронта в них должен был сказаться и упадок воинского духа. Уничтожение всего армянского населения в Турции, ставшее уже бесспорным и общеизвестным фактом, в корне подкашивало весь нравственный смысл старых добровольческих отрядов. К этому чувству бессмысленности и одиночества присоединялось сознание, которое разделялось всем армянским населением, что приближающиеся турецкие войска будут вести беспощадную борьбу не на жизнь, а на смерть, ибо, как уже показали случаи столкновений с ними на передовых линиях (таким было, по крайней мере, тогда распространенное мнение), турки уничтожали всех попадавших к ним в плен армян, сохраняя жизнь пленным не армянам. Такая психология не могла не отразиться на мобилизации армянской армии. Армянские общественные организации, в частности партия “Дашнакцутюн”, делали крайние усилия, чтобы поднять дух масс, рекрутов, найти денежные средства, снаряжение, сформировать правильные войсковые части. Во главе новой армянской армии (корпуса) Армянским Национальным Советом был поставлен генерал Фома Иванович Назарбеков.

Я не знаю⁴ насколько эта наша национальная армия с военной точки зрения была на высоте своего назначения в эти трагические дни 1918 г. далеко не лишённые, надо признать, моментов высокого подъёма и блестящих дел, когда предоставленная самой себе, и, имея в тылу враждебные элементы, она отражала натиск турецких войск, проникавших в Русскую Армению. И не зная, не буду касаться этого вопроса. Однако, придавая слишком большое значение роли руководящей личности, в особенности в критические эпохи, я не могу не остановиться на личности Главнокомандующего армянской армии.

Когда вспыхнула мировая война, военные чины командного состава всех рангов, бывшие в отставке, были вызваны на действительную службу. В их числе был призван, также находившийся в отставке, генерал Ф.И. Назарбеков, живший вдали от всяких общественных и национальных дел.

Тогда ему было, вероятно, около 60-и лет. Мне говорил тогда же А.И. Хатисов, бывший тифлисский городской голова, что когда он выразил наместнику удивление, что такие старики призываются в армию, наместник сказал: “А что делать? Людей нет. Укажите других⁵”. Вскоре, однако, действия Назарбекова на персидском фронте показали, что он

---

⁴ Почти с первых же дней мобилизации армянских частей до окончания войны с турками в пределах Армении я, как член делегации в Германию, был вне Закавказья.

⁵ Здесь необходимо оговориться. В 1918 г. Назарбеков производил впечатление, несмотря на свой возраст, прекрасно сохранившегося, бодрого мужчины. Хатисова, как и всех тогда, удивляло, что в армию вызываются отставные военные такого возраста, как Назарбеков. Это объяснялось, конечно, нехваткой офицерских кадров.

далеко не заслуживал такого отношения. Многие военные люди, приезжавшие с фронта в Тифлис, говорили мне (возглавлявшему тогда один из тифлисских городских комитетов помощи лицам, пострадавшим от войны), что генерал Назарбеков имел в действующей армии репутацию человека долга, воина храброго и хладнокровного военачальника, притом снискавшего всеобщую любовь и уважение в армии. Характеристикой его может служить также то, что, кажется, это был единственный или один из немногих генералов, который в течение всей кампании ни разу не приезжал в Тифлис в “отпуск” под тем или иным предлогом. Насколько мне известно, он зарекомендовал себя с отличной стороны и в сферах Главного Кавказского Командования. Из немногих армянских генералов имя Назарбекова было в то время наиболее уважаемым и вызывающим доверие и, естественно, что, когда Армянскому Национальному Совету необходимо было назначить кого-нибудь в Главнокомандующие армянской армией, Назарбеков бросился в глаза, как наиболее подходящий, с достаточным авторитетом и тактом, дававшим надежду, что он сумеет ладить с прочими армянскими генералами и импонировать хамоватым хмбапетам.

Наскоро организованный штаб Назарбекова находился в Тифлисе на Бебутовской улице, здании 3-й женской гимназии. В первые же дни, когда он устраивался здесь, я посетил его. Еще тогда и после, вплоть до своей смерти, он неоднократно говорил мне, что армяне устали, не хотят воевать, что из такого материала трудно организовать боеспособную армию и потому у него мало уверенности, что можно приостановить продвижение турецких войск. Он так часто повторял эти слова и тогда и после (и надо полагать не только мне), что, очевидно, они не были случайны и исходили либо из глубокого убеждения, либо из-за упреков за неудачные результаты. Но сам собою напрашивается вопрос, – должен ли он был при таком скептицизме брать на себя столь ответственную роль – организатора и Главнокомандующего национальной армией? Но я заметил тогда же, что он не честолюбив и не цеплялся за высокие назначения. В таком случае мне оставалось сделать вывод, что им руководило исключительно сознание долга перед народом и, коль скоро, Национальный совет в столь критический момент вверял ему организацию и водительство армии, он счел себя обязанным принять это поручение. Если это так (а с течением времени я в этом убедился), то в этом была его гражданская доблесть, но в тоже время, может быть, и ...историческая вина.

Лично я думаю, что для того бурного и рокового периода требовался военачальник иного калибра, темперамента, склада характера и даже, быть может, возраста. Назарбеков был опытным генералом регулярной, уже организованной старой русской армии. Но для того, чтобы спешно скомплектовать новую национальную армию на развалинах проигранной мировой войны, повести ее против испытанных турецких сил, наводивших ужас на армянское население по понятным причинам одним своим

приближением, бороться с честолюбием и своеволием прочих генералов и с капризами хамоватых и зазнавшихся хмбапетов, вдохнуть в войско, общество весь народ новую энергию и отвагу, вызывать энтузиазм одним своим появлением, требовался вождь более экспансивный и изобретательный с громадной деятельной энергией, решительный и способный следовать велению своего здравого инстинкта, даже наперекор высшей закавказской власти, барахтавшейся перед лицом грозного врага в бесконечных колебаниях и словоизвержениях, в атмосфере безволия и предательства. Спросят, а где же было взять такого человека и был ли среди высших армянских офицеров человек более подходящий, чем Назарбеков? Не знаю. Возможно, что и не было.

Но революция и момент рождают вождей и, может быть, такого следовало искать непременно не среди кадровых военных, а среди тех, которые особенно подавали надежды своими талантами, энергией и организаторскими способностями. Такому должна была быть в этот период вверена диктаторская власть и вокруг него, как это бывает в революционных армиях, вскоре образовалась бы целая плеяда способных деятелей. Только под руководством такого вождя роковые 1917–1918 годы увенчались бы лучшими результатами, чем теми, которых добился несчастный армянский народ, спасший свои остатки, несмотря на воистину героические его подвиги на той убогой территории, которая наполнена оккупированная Турцией, называлась Армянской республикой.

Мысли, высказанные здесь, ни в малейшей степени не могут умалять уважения, которым, по справедливости пользовался покойный Ф.И.Назарбеков в глазах всех. Назарбеков сделал все, что было в его силах и способностях при тогдашних условиях, при бездействии двух остальных национальных армий и при его принципах корректного подчиненного государственной власти военачальника. Но он не учел того, что когда государственная власть расшатана, безвольна и находится в состоянии распада, выполнение задач исторического момента требует самостоятельного выступления на историческую арену человека, которому вверена судьба народа.

2. Отъезд

Тифлис, 26 февраля 1918 г.

Сегодня я пришел на службу почти к концу дня. (Я был тогда закавказским комиссаром призрения солдат и их семей.) Секретарь сказал мне, что из Армянского Национального Совета звонил мне Аветис Агаронян (председатель Совета) и просил зайти к нему, как только я явлюсь. В три часа я был у Агароняна. Армянский Национальный Совет находился тогда на углу Ново-Бебутовской и Ермоловской улиц в доме Амбарцума Меликова. Приняв меня в своем кабинете, приказав никого не впускать к нему и даже заперев дверь на ключ, он обратился ко мне с

таинственными словами. Агаронян сказал, что у него есть просьба ко мне. Выполню я ее или нет, она должна остаться в секрете. Такое вступление меня очень озадачило и даже встревожило. После данного мною слова, он сказал:

– Ты должен поехать в Берлин.

Трудно описать до какой степени я был поражён! Правда, Германия уже не воевала с Россией, но она ещё воевала, и воевала со всем ожесточением с бывшими союзниками России. Я невольно улыбнулся и спросил:

– Как в Берлин?! Что ты говоришь?

Агаронян объяснил, в чем дело. Положение фронта против Турции почти безнадежное, народ устал от войны и не верит в успешность сопротивления. Политическое положение в крае шаткое. После ухода русских войск татары в тылу помогают туркам, грузины воевать не будут. Руководитель Грузинского Национального Совета заявил ему, Агароняну, что грузины своих войск не дадут для противодействия туркам, идущим со стороны Турецкой Армении и ограничатся защитой грузинских границ. Таким образом, всё армянское население края с армянскими беженцами из Турции предоставлено своей судьбе. Остаётся только одно – обратиться к могущественным союзникам Турции, чтобы они, как государства христианские и культурные, оказали на неё давление и тем предотвратили вторжение турецких войск в пределы Закавказья и неизбежное истребление армянского населения. На мой вопрос, – а как относятся к этому военные представители бывших союзных России держав в Тифлисе, Агаронян ответил, что никаких препятствий с их стороны нет, что и английский и прочие представители не скрывают, что их страны никакой военной помощи на закавказском фронте оказать не могут, что тем самым они признают трагическое положение армян, причем один из них даже заявил ему: “*Sauvez vous, comme vous pouvez*”⁶.

Более того, они ничего не имеют против предложения о командировании делегации в Берлин. Я выразил сомнение в успешности миссии, которая будет возложена на делегацию, ибо трудная задача требовать обуздания appetites Турции, являющейся союзницей Германии, в особенности если они входят в общий военный план Гинденбурга, одним призывом к человеколюбию, не давая никаких существенных компенсаций. На это Агаронян ответил “Ты прав. Всё, что необходимо будет сделать в этом смысле – сделайте, но об этом поговорим позже. Сперва скажи, поедешь?”

Я спросил, кто составляет делегацию и когда надо выехать?

– Два дашнака, из коих один – Джамалян, второго еще не могу назвать. От социал-демократов – д-р Иосиф Бекзаян, от вашей Народной партии – ты. А выехать надо поскорее – сегодня же.

---

⁶ “Спасайтесь сами, как можете” (фр.)

Это предложение и темпы были ошеломляющими, и я не мог справиться с мыслями. Я даже забыл спросить его, кто выдвинул эти кандидатуры. Например, мою. Да и вообще, о делегации не было речи в ЦК Армянской Народной партии. Агаронян просил настойчиво дать ответ. Я обещал ответить через часа три, и на этом мы расстались.

Спустившись по Ермоловской ул. на Головинский пр-т, я встретил у дворца М.И.Пападжанова⁷, который, взглянув на меня, как-то странно улыбнулся. Хотя я был связан словом держать вопрос в секрете, но, конечно, это не могло касаться Пападжанова, состоявшего членом бюро Армянского Национального Совета и председателем ЦК той партии, к которой я принадлежал⁸. После первых же слов для меня было несомненно, что Пападжанов отлично знал, что Агароняном мне будет сделано такое предложение и что это, быть может, даже предварительно было согласовано с ним. Мы пошли по проспекту в сторону Бяратинской ул. Я спросил его, почему выбор остановился на мне, что поехать следовало скорее ему, имевшему за собою стаж государственной деятельности, и, наконец, как члену бюро Армянского Национального Совета.

– Ну что вы говорите. Мне совсем неудобно. Вы только что сами говорили, что поехать сейчас в Германию, союзницу Турции, – это очень щекотливое поручение. Я слишком обременен прошлой государственной деятельностью и более вас связан с Россией. Как бывший член Государственной Думы и будучи еще недавно Зам. Председателя Закавказского правительства. Об этом речи не может быть. А Вы такой нагрузки не имеете. Вы говорите по-немецки, когда в Бюро Национального Совета намечались кандидаты, мы нашли, что Вы очень подходящий человек и хорошо разбираетесь в политических вопросах.

У угла Бяратинской ул. подошел к нам, шедший навстречу С.С. Арутюнов, член ЦК нашей партии. Мы втроем устроили на тротуаре нечто вроде летучего совещания. Тут я сказал, что если ехать не ему, М.И. Пападжанову, то, по крайней мере, С.С. Арутюнову, состоявшему также членом бюро Национального Совета, и что это придает его представительству больший авторитет. На это С.Арутюнов, отвернув вяло голову в сторону, ответил: “Нет, я ехать не могу” и на мой вопрос, – “почему”?, прибавил: “Никак не могу”. И в интонации Арутюнова я почувствовал его представление об этой делегации, как об очень экстравагантной и фантастической затее. Вдруг он сказал:

---

⁷ Бывший депутат Государственной Думы последнего созыва. С 1917г.– член Особого Закавказского Комитета Временного правительства. После ликвидации ОЗАКОМА он уже не занимал официального положения, состоял членом Бюро Армянского Национального Совета и Председателем ЦК Армянской Народной партии.

⁸ Я состоял членом партии Народной свободы (кадетской) со дня организации ее в Тифлисе. Спустя некоторое время я вошел также в организовавшуюся немного позднее, Армянскую Народную партию, сродную кадетской партии. Ввиду этого Центральное Бюро разрешило мне и М.И. Тертеряну одновременно состоять в этих двух политических организациях и в их краевых комитетах.

– Еще вопрос, сумеете ли добраться до Германии. Дороги ведь нет. Все пути закрыты.

Тут мне пришла в голову мысль, что на моих товарищей по партии влиял отвлекающее и этот технический момент. Оба они стали уговаривать меня согласиться на поездку, “чтобы сделать и эту крайнюю попытку ввиду создавшегося очень опасного положения”. Я спросил, каково их мнение о составе делегации?

– Второй дашнак еще неизвестен. Но ничего, Вы вместе с Бекзадяном сумеете перевесить двух дашнаков, – сказал Пападжанов.

Далее я задал вопрос, не находят ли они необходимым обсудить вопрос в Президиуме нашего ЦК, хотя бы для того, чтобы узнать до каких пределов так называемых уступок может пойти представитель нашей партии в делегации? На это оба собеседника ответили, что дело очень спешное и, кроме того, не следует его сейчас разглашать. “Да, наконец, почти половина Президиума уже здесь. Я берусь принципиальный вопрос оформить в Президиуме”, – добавил Пападжанов.

Не дав окончательного слова, я расстался с ними. Семья моя уже сидела за стол, когда я пришел. Я позвал жену в кабинет, затворил дверь и, предупредив, чтобы она не волновалась, сообщил о предстоящей поездке. Мне очень понравилось, что она встретила мое сообщение стойко. А чтобы достойно оценить это, надо знать, какое это было ужасное время анархии, которая всё более и более захлестывала всю Россию. Страшные эксцессы всюду, в особенности в пути, самосуды, разбои и убийства. Солдаты стояли всюду – на тамбурах, на буферах, на ступеньках и лежали на крышах вагонов, и даже локомотивы были облеплены ими, как мухами.

Закавказье было совершенно отрезано от всего Севера. Что там делалось иногда бывало известно благодаря случайным сообщениям по радио из Москвы или по прямому проводу из Ростова. Никто не мог сказать, по какой дороге можно было бы добраться до Москвы. Между Закавказьем и Северным Кавказом на всех путях образовались пробки. Единственный путь представлялся возможным – по Чёрному морю. Но находилась ли его северная часть под властью Советской России или под контролем Германо-Турции тоже никто твердо не знал. При таком положении вещей считалось, что едущие в Россию обрекают себя на самые рискованные случайности. Вот почему я был очень удивлен и в то же время не мог не оценить ответа моей жены на вопрос, как по её мнению, дать Агароняну согласие или нет, когда она сказала:

– Конечно, немного страшно. Но если другим суждено теперь вновь идти на фронт, почему ты должен отказываться от поручения, если оно может принести пользу. Но принесет ли? Я ответил, что сомневаюсь. – Я хочу поговорить с Пападжановым, – добавила она и взялась за трубку телефона. Пападжанов (со слов жены) ответил: Да, я считаю эту поездку очень желательной и скажу больше – необходимой. Затем, попросив меня к аппарату, он стал уговаривать не отказываться, ибо если делега-

ция не состоится, наша партия никогда не освободится от обвинения, что в такой критический момент пренебрегла этим средством. К 7–и часам вечера я известил Агароняна о своем согласии. Решено было, что я выеду на следующий день вечером. Джамалян выезжает сегодня же.

Тифлис, 27 февраля.

Утром я вновь поехал к Агароняну – сговориться относительно нашей миссии. Он несколько раз подводил меня к географической карте, висевшей на стене, но из этого ничего не выходило.

– Вы там посмотрите, на каких условиях Германия и её союзники готовы будут оказывать нам помощь, удержав Турцию, и сделайте максимум возможных уступок, – сказал он.

Но это было очень неопределенно. Неясно было о какого характера уступках может быть речь. Тяжело было даже требовать ясного ответа. Ведь не территориальные уступки имелись в виду? Я не способен был наседать на Агароняна с требованием ясных, категорических указаний, чувствуя, что он не может их дать. В таких случаях, действительно, нельзя по пунктам формулировать мандат. Когда создается положение беспомощного отчаяния, парламентарам обыкновенно не дается точных указаний, – предоставляется их оценке положение и умение, сообразно конкретной обстановке, выговорить наилучшие условия при наименьших жертвах⁹.

Но от этого мне не было легче, ибо я никак не мог себе представить каким образом наша делегация может входить в соглашение с влиятельными государствами при отсутствии почти какой бы то ни было надежды сноситься с Национальным Советом?

Агаронян позвонил во дворец, кажется в ЦК социал-демократической партии, спросить едет ли Бекзадян с делегацией? Ну, к чёрту, к чёрту! – крикнул Агаронян в телефон, узнав, что Бекзадян не едет¹⁰.

– Геворк, значит, ты выедешь сегодня? – спросил он на прощание.

---

⁹ При первых признаках крушения западного германского фронта, когда Верховное союзное командование решило просить перемирия, к маршалу Фошу был отправлен один единственный делегат, известный депутат Рейхстага Эрцберггер (вождь католической фракции). Для того, чтобы видеть в состоянии какой растерянности высших сфер Германии происходила отправка этого делегата и какие были ему даны неопределенные (вернее никаких) полномочия, необходимо прочесть весьма интересные мемуары Эрцберггера. Достаточно ещё указать, что когда в критический момент переговоров, Эрцберггер через курьера запросил мнение канцлера, он получил ответ без его подписи. Что было сделано сознательно? Что же после этого говорить о положении делегирующих и делегатов немощных наций к могущественным государствам?!

¹⁰ Не знаю, говорил ли он с одним из членов ЦК партии или лично с Бекзадяном. Не знаю также, сам Бекзадян не пожелал ехать или это было решение ЦК его партии. В последнем случае нельзя не напомнить, что во второй делегации, отправленной в Германию в конце мая, принимал участие Аршак Зурабян, один из виднейших социал-демократов (“интернационалист”).

Ответив утвердительно, я просил не забыть доставить мне на дом полномочие. Дома усиленно готовились к моему экстренному выезду. Вечером заехал Пападжанов проститься и написал несколько писем. Помню из них только одно – на имя украинского профессора Михайло Грушевского (бывшего члена Государственной Думы) об оказании нам содействия на случай, если мы поедем в Германию через Киев. Письмо начиналось: “Дорогой Миша... и было написано на “ты”. Очевидно, Пападжанов с ним был достаточно близок. Передавая этот пакет, Пападжанов сказал мне:

– Только имейте в виду, Грушевский в глазах большевиков одиозная персона. Смотрите, как бы при обыске Вы не попались¹¹.

Часа за два до отъезда сотрудник Армянского Национального Совета привез мне на автомобиле мандат и распоряжение о выдаче мне для делегации Батумским армянским комитетом 10.000р. (никалаевскими деньгами). Через час я уже прощался с женою и детьми и со всеми родными, приехавшими проститься со мною. Жилец нашего дома, полковник Иванов дал мне солдатскую шинель своего денщика, как “защитный” в эту эпоху наряд. Облачившись в нее, я поехал на вокзал.

Вокзал был полон густой массой народа. В ту пору до того было естественно не покупать билетов, что только сейчас, когда пишу эти строки, я обратил внимание, вспомнив, что я не подошел к кассе, а прямо, с большим трудом пробравшись через огромную серую солдатскую массу, заполнявшую все залы и платформу вокзала, с большим трудом подошел к стоявшему поезду. Пролезть в какой-либо вагон не было никакой возможности, ибо каждый квадратный вершок в них, начиная со ступенек вагонов, был занят и вокруг них стояли солдатские массы, хмурые, роптавшие, обозленные. Заметив один вагон, особо охранявшийся поездной прислугой, и догадавшись, что он должно быть служебный, я кое-как протиснувшись к нему, назвал свою должность (хотя и покинутую с этого дня) закавказского комиссара призрения солдат и их семей¹², а также показал особый мандат, выданный мне ранее от имени Особого Комитета Временного правительства о праве моем ездить во всех поездах – пассажирских, товарных и военных. Возразив, что это вагон высших железнодорожных чинов, охранники были в то же время в нерешительности, не смея препятствовать, «солдатскому комиссару» (о, сила революционных должностей!), тем более, что я не очень ожидал разрешения, и поднявшись в вагон, занял одно просторное купе, где были железная кровать с бельем, умывальник, письменный стол, кресла и всё необходимое.

---

¹¹ Письмо это, как и разные другие бумаги и заметки я вынужден был уничтожить в пути из Севастополя в Москву. В дороге неизвестными лицами часто производились обыски.

¹² Тогда это, кажется, звучало внушительно, чем делегат Армянского национального Совета.

Расположившись в купэ после того, как поезд двинулся, я достал полномочие Национального Совета, чтобы повнимательнее прочесть его. Вот оно. Привожу по-русски.¹³

Армянский Национальный Совет

14 февр. (ст. стиля) 1918 г. 762

Носитель (владелец) настоящего документа г-н Георг Мелик-Карагезиан уполномочен Армянским Национальным Советом вести переговоры с правительством Германии и ее союзников для урегулирования всех вопросов, касающихся политической организации Турецкой Армении, а также и тех, которые проистекают из текущей войны.

Председатель Совета

А. Агаронян

Секретарь Н. Азбальян

Печать.

Написано на сложенном вчетверо полулисте обыкновенной бумаги. Прежде всего, мне не понравилась форма. Мне казалось и кажется, что оно написано не в соответствующей для таких случаев редакции: “Le porteur du present document” – “владелец настоящего документа”, не подходящее выражение – точно паспорт. Но самое главное, что привело меня в недоумение и изумление, так это сам предмет полномочия делегации. Выходило, мы должны были вести переговоры о политическом устройстве Турецкой Армении, в которой уже не было в живых ни одного армянина, которая после занятия её русской армией по праву войны, вновь занималась турецкими войсками. И с кем вести переговоры? С союзниками Турции, нашего злейшего врага! И это в то время, когда Национальный Совет был бы счастлив, если бы турецкие войска остановились у бывшей русской границы и не угрожали бы вторжением в Закавказье, настолько счастлив, что во имя этой, казалось бы маленькой цели, мы были уполномочены сделать “максимум уступок”.

Теперь это кажется совершенной бессмыслицей, возможность которой в настоящее время нельзя понять. Но такие нонсенсы становятся тогда только возможным, когда удастся вникнуть в общее настроение умов эпохи. Что указанная редакция полномочия не есть плод случайного донкихотства, выдававшего его лица, а соответствовала политическому настроению того времени в этом не трудно убедиться, перелистывая хронику событий.

Во всех случаях тогда Армянский Национальный Совет и представители армянских партий в Закавказском Сейме (в особенности партия Дашнакцутюн) при всех сношениях правительства и делегации Закавказского сейма с турецкими представителями втискивали пункт о “самоопределении Турецкой Армении”, который, конечно, приводил в бешен-

---

¹³ Текст подлинника.

ство турок¹⁴ и которого в дальнейших переговорах представители Закавказья больше не повторяли. И если в этот момент, когда жизнь выдвинула главное и исключительно повелительное требование не допускать вторжения турецких войск в Закавказье, армянские политические органы все-таки выдвигали вопрос о Турецкой Армении, то это происходило по инерции, вследствие неспособности умов, в течение десятков лет одержимых этой идеей, внезапно отказаться от нее. Конечно здесь играло роль и требование политического такта в том смысле, что было бы неудобно, если бы Армянский Национальный Совет, как верховный орган армянского народа (в Закавказье) под влиянием момента, ограничил бы задачи национальной делегации требованием, чтобы турки не перешагнули закавказских границ, что дипломатией и историей могло быть расценено как отказ от притязаний на Турецкую Армению. Однако, даже с учётом этих соображений полагаю, что редакция полномочия была правильна и даже...смешна.

Можно было бы согласовать политическое достоинство и требование момента в иной редакции, хорошо продуманной, и если это не было сделано полагаю, ввиду охватившей всех крайней спешки. Я чувствовал какие-то угрызения совести, что не довёл до сведения ЦК партии Народной Свободы, родственной нашей Армянской народной партии, в Президиуме которого я также состоял, о моей командировке. Мысль эта беспокоила меня в течение всего дня до путешествия. Тогда-то я явно почувствовал разницу между обеими этими партиями, по крайней мере по внешнеполитическим вопросам.

Партия Народной Свободы, как общероссийская, стоящая на почве общероссийской государственности, могла отнестись к вторжению турок в Армению и Закавказье несколько иначе, чем Армянская Народная партия. Быть может, она примирилась бы с этим, если бы того потребовали высшие общегосударственные задачи. С этой точки зрения, при ещё не испарившейся романтике "верности союзникам" паломничество в Германию, в эту страну "злого гения" России и Антанты, могло быть признано несовместимым с достоинством России, если не просто "изменой". Иное дело – точка зрения армянская. Это – точка зрения местная, реальная, периферическая в общегосударственном смысле, но превалирующая по существу, т. к. касается физического существования армянского народа. Я не думаю, тем не менее, что местная организация партии Народной свободы стала бы непременно на формальную и бесчеловечную точку зрения, но опять-таки ввиду спешки и неясности наших полномочий, а также необходимости не разглашать пока что нашу поездку, я решил воздержаться от внесения этого вопроса в ЦК партии Народной Свободы. Кроме того, я полагал, что быть может неизбежна

---

¹⁴ Ов. Качазнуни, участник переговоров с турками в Трапезунде, говорил мне, что Реуф-бей сказал ему: "Ну как нам не бояться вас, армян?. В Турции нет более ни одного армянина, а вы все ещё строите планы насчет Турецкой Армении!"

будет постановка этого вопроса в ЦК партии Народной свободы в Москве.

3. Пребывание в России

Батум, 28 февр.–1 марта 1918г.

Вечерний поезд обыкновенно прибывал в Батум утром следующего дня, но прибыл очевидно, значительно позже, ибо едва переодевшись и пообедав, я пошел искать Джамальяна, которого вечером нашел не то в здании театра, не то в кино, где он делал какой-то доклад. Я его застал во время перерыва. Он стоял в зале, опершись о суфлерскую будку. Публика была армянская. Условившись в двух словах о следующем дне, я ушел.

В Батуме – меньшевистская власть. Первым от Батума большевистским портом на севере был Туапсе. В Батумском порту стояло несколько больших пассажирских пароходов, переименованных на революционный лад. В городе чувствовалось возбуждение. Спешно комплектовались, как армянские, так и грузинские воинские части. В Батумском армянском комитете было большое оживление и подъем настроения. По моему впечатлению в грузинских сферах не чувствовались тревога и энтузиазм борьбы. Свежие роты из грузин, только что набранные, которые попадались мне на улице, производили неблагоприятное впечатление (некоторые новобранцы почти в лохмотьях) по поступку и настроению¹⁵. Доминирующую роль в организации армянских отрядов играли, конечно, дашнаки и вообще трудно было определить черту между армянским комитетом и Бюро Дашнакцютюн. Все необходимые "пропуски" для беспрепятственного выезда раздобывал Джамальян, как "революционер". Тогда еще отношения между меньшевиками и большевиками не были так обострены, как после, и удостоверения, выданные Батумским Советом солдатских и рабочих депутатов, имели действия для советских органов. Каждому из нас Батумский С.Р. и С.Д. выдал следующего содержания удостоверение:

Б.С.Р. и С.Д.

17 февр. 18г. Дано сие тов. Георгию Мелик–Каракозову в том, что он с нашего ведома едет в Петроград. Просим революционные власти оказывать ему содействие. Выдано на основании телеграммы комиссаров № 994¹⁶.

Печать

---

¹⁵ Впечатление мое вполне совпадает с мнением А. Чхенкели, председателя делегации Закавказского Сейма, который в своей радиотелеграмме месяцем позже сообщал, между прочим: "... Наши войска ниже всякой критики, подпустили турок совсем близко к Батуму"... или... "Народ не проникнут тревогой за судьбу родины, да об этом ему и не говорилось..."

¹⁶ Для меня по настоящее время остается непонятным, каких "народных комиссаров?" Если запрашивали ЗАКОМ, то члены его не назывались "народными", а просто комиссарами. Быть может запрашивался Совет Народных Комиссаров Северного Кавказа?

С этим документом мы с Джамаляном пошли к одному из пароходов, называвшемуся "Авиатор" (бывший "Николай I") купить билеты. В столовой первого класса парохода, представлявшей картину разрушения (изодранные бархатные сидения, переломанные столы), за одним столом сидело несколько матросов. У них следовало получить билеты. Нам дали одну каюту первого класса на двоих, причём вместо билета на клочке газетной бумаги написали: "получено 60 р., до Новороссийска (с каждого)". Мы заплатили керенками. Почему 60 р., ни больше, ни меньше и кто установил таксу, – неизвестно. Молодой офицер К–ян, у которого я ночевал в первую ночь, держал меня в курсе всех действий, направленных к обороне Батума (как он говорил форты тогда никем не охранялись и туркам, пробравшись ночью в город, ничего не стоило занять их) И вообще о ходе мобилизации национальных войск, он сообщил мне сенсационную вещь, а именно, что за небольшие деньги у матросов зашедших в порт русских военных судов можно купить миноносец и даже крейсер! Как ни экстравагантно было это сообщение, однако в те дни разрухи всё казалось возможным и т.к. у Закавказья тогда не было ни одного военного судна для береговой охраны, я попросил К–яна выяснить насколько все это серьезно. Не знаю, куда он ходил, но к вечеру он подтвердил это сообщение, причем назвал даже суммы: за миноносец около 250 тыс. р. и за крейсер почти вдвое больше. Принимая во внимание всю необычайность переживаемого тогда времени, я тотчас же написал об этом подробно в Тифлис М.И. Пападжанову. Пападжанов и Агаронян довели это дело до сведения правительства¹⁷.

В Батуме Джамалян передал мне один небольшой белый конверт, на котором значилось одно только слово: "т. Сталину". Это было письмо С. Шаумяна. В последнюю ночь, которую мы провели у батумского коммерсанта Мн–яна, я взял один из учебников его сыновей, расщепил надвое переплет, и вложил туда конверт, вновь заклеив раздвоенные части картона. Мне неизвестно содержание этого письма. Быть может, я и не спрашивал об этом Джамаляна в полной уверенности, что в письме этом Шаумян просил Сталина оказать нам содействие. Возможно, что Дашнакцутюн обратился к Шаумяну с этой просьбой.

---

¹⁷ Что информация К. не была выдумкой или пустым слухом, видно из следующего правительственного сообщения Закавказского Комиссариата о крейсере "Король Карл" от 7/20 марта 1918г.: "Закавказский Комиссариат оповещает: крейсер "Король Карл", отвезший мирную делегацию в Трапезунд, вопреки всем условиям и приказаниям Центрфлота, самовольно оставил Трапезунд, лишая делегацию возможности сообщаться с Закавказьем по радио. Прибыв в Батум, крейсер решил совершенно сняться и идти в море. Все остальные военные суда частью ушли, частью намеревались уходить. Несмотря на предложение местных властей остаться в Батуме за солидное вознаграждение в целях обороны Батума и Батумской области. Нам стало известно, что иностранные эмиссары ведут переговоры с отдельными матросами о продаже морского имущества и судов без ведома демократических организаций. Ввиду военных событий, могущих развиваться в Батуме и области и жизненной необходимости для края иметь морскую силу, комендант крепости и революционные организации решили взять в свои руки все военные суда, что и приведено в исполнение без жертв..."

2 марта, 1918 г. Черное море.

2 марта ночью мы выехали из Батума. Батумский порт, быть может и по военным соображениям утопал в полном мраке и не было возможности вечером отличить пароход от берега и воды – все было чёрно. Спотыкаясь, почти на авось, шел я по берегу торопливо по направлению к одному огоньку, который мне казалось был на пароходе, и едва я поднялся по трапу, как пароход дал третий гудок. На пароходе было подавленное настроение. Боялись большевизированной команды (матросы – грозное слово тогда), ибо “Авиатор” был советским судном. Удручающе действовало само неопределенное положение русского судна в Черном море, находящегося как бы под контролем Германии и Турции (через несколько дней мы видели в севастопольском порту знаменитые германские крейсера “Гебен” и “Бреслау”, а также турецкий “Гамидие”). Очевидно, не исключалась возможность нападения, ибо от пассажиров потребовали все люки наглухо закрыть и завесить занавеской. Внутри пароход освещался небольшими керосиновыми лампами, а большей частью – огарками. Среди глубокой ночи мы с Джамаляном поднялись на палубу, на которой не было никакого освещения и никому не разрешалось, даже команде, проходить по ней с горящей лампой. Был полный мрак, шум воды и треск снастей. В таком виде плыл по волнам наш пароход, точно таинственная черная масса, напоминавшая мне “Наутилус” Жюль Верна в те тревожные и роковые дни, когда Советская делегация в Бресте билась в агонии накануне подписания так называемого “мирного договора”.

Утром, поднявшись вновь на палубу, мы заметили, что пассажиров было очень мало, но все избегали встреч, разговоров, знакомств. Точно боялись быть узнанными. На палубе же я заметил группу лиц в солдатских шинелях. Они оказались офицерами, говорили шепотом между собою, сторонились всех, держались вместе и все время лежали под открытым небом. Я так и не узнал, плыли ли они добровольно или были арестованными. Управлялся пароход каким-то коллективом. Часто через полузакрытые окна истоловой первого класса я видел, как в ней заседало собрание матросов, кочегаров и других лиц экипажа, обсуждавших какие-то вопросы и даже такие, как и в какие порты зайти. До прихода в Туапсе мы так и не знали наверняка, повезет ли нас пароход в Новороссийск или нет. На верхней палубе я заметил в капитанской рубке одного седого человека за чтением книги с ногами на столе по-английски. Оказалось, это был капитан парохода, полу-англичанин по происхождению. В течение всего нашего плавания, он оставался в своей рубке, ни во что не вмешивался, точно он и не капитан. Возможно, что он действительно был отстранен от административного управления судном. Для пассажиров на пароходе не было ни обычной кухни, ни вообще какого бы то ни было продовольствия. Давали только кипяток.

Туапсе, 3 марта, 1918 г.

Утром мы прибыли в Туапсе – первый советский порт. Тотчас направились в здание Совета раб. и солд. депутатов, где нам дали одно общее удостоверение:

Туапсинский Сов.

солд. и раб. депутатов.

Удостоверение

19/П 1918 N 54

Дано сие товарищам: Аршаку Джамаляну, Кеворку Мелик-Каракозяну и Карапету Тер Григоряну¹⁸, что они с нашего ведома командированы в Россию по делам Армянского Национального Совета, а потому просим революционные власти оказать им содействие.

Председатель П. Ковалев.

Секретарь Т. Кауль.

Печать

Новороссийск., 4 марта 1918 г.

Вторая остановка была в Новороссийске. Здесь нам пришлось сойти, т.к. "Авиатор" в Севастополь не шёл. В порту стоял пассажирский пароход, о котором говорили, что он пойдет в Севастополь. Но мы в течение нескольких дней то и дело справлялись в "Совете пяти" и, наконец, получили определенный ответ, что он, действительно пойдет в Севастополь. Чтобы получить право плыть на том пароходе, нам пришлось предварительно пройти через целое чистилище "революционных властей". Мы констатировали, что в Новороссийске Армянский Комитет развил большую деятельность по организации армянских отрядов, снабжению и отправке их в распоряжение штаба армянской армии. Меня удивляло, что народ, не имея государственной власти, в порядке моральной воинской повинности, мог организовать войско.

Насколько помнится, местные советские и партийные организации оказывали содействие (например, по снабжению солдатской обувью, по предоставлению мест на пароходе), что указывало на то, насколько в те дни слаба была связь между периферией и центральной властью, которая подписывала тогда с Турцией мир и, во всяком случае, давно подписала перемирие. Накануне выезда из Новороссийска я пошел на заседание новой (советской) городской думы. Я очень жалею, что пропали мои подробные заметки об этом заседании, поразившем меня своеобразностью. Заседание протекало довольно фамильярно. Мне не была неизвестна идеология большевистской муниципальной программы. Но по поводу одного внесенного управой проекта некоторыми ораторами, очевидно, малоискушенными в программных вопросах, высказывались прямо-таки дикие мысли. Под конец вынесли постановление муниципализировать все дома стоимостью свыше 10.000р. Публика на хорах, где был я, очень заволновалась. Один взбешенный домовладелец, стоявший рядом со мной, еврей, стал громко роптать: "...Так, если у меня дом стоит

---

¹⁸ Упомянутый в удостоверении Карапет Тер-Григорян был нами взят в помощь мне, ввиду того что я выехал из Тифлиса больным. Из Москвы мы вернули его обратно.

11.000р., я должен потерять все, а у которого только 10.000р. он сохраняет его. Так он же, значит, будет богач, а я нищий. А если он богаче меня, а я бедный, почему меня обкрадывать? Скажите им, скажите громко, – требовал он от меня. "Почему вы удивляетесь – возразил другой. – Все пушки миноносца все время направлены на Управу. Попробуй они решить иначе". Не знаю, основательно или нет, но тогда об угрожающем "контроле" этого миноносца над Новороссийском действительно говорили.

Чёрное море, 7 марта 1918 г.

Плывем в Севастополь. На этом пароходе плыть было менее приятно. Морьяк, стоявший во главе судового комитета (как и почти все члены комитета), все время был пьян и вел себя грубо и вызывающе. Он то и дело спрашивал нас куда мы едем, зачем и кто такие? На пароходе я впервые в жизни видел радио-камеру, в которой сидел молодой радист, обвешанный наушниками. Я заинтересовался. Оглядываясь, он стал объяснять мне, как ловят условный сигнал, чтобы принять радиogramму. Не помню, как или ещё в Новороссийске, мы узнали, что мир в Бресте уже подписан со сдачей Карса, Ардагана, Батума Турции. Я попросил радиста передать это известие в Тифлис и обещал ему золотую десятирублевку. Он колебался и посоветовал попросить разрешение судового комитета. Я составил текст радиogramмы на имя Армянского Национального Совета и показал ее председателю, когда он шел по палубе. Будучи страшно пьян, и почти не слушая текста телеграммы, он бросил: "Можно, только покороче"¹⁹. Когда мы стали приближаться к Севастополю, председатель судового комитета многим стал чинить препятствия к высадке, также и нам. Пришлось вновь, в десятый раз, доставать и показывать разные удостоверения с просьбой к "революционным к военным властям всяческого содействия", которые, однако, на него сразу не влияли. Вообще мне пришлось убедиться по разным случаям, что мир военных моряков был иным и мало церемонился со всеми прочими военными и революционными организациями.

Севастополь, 8 марта 1918 г.

В Севастополе остановились мы в гостинице, известной ранее под названием "Гостиница Киста", на берегу моря. Гостиница эта очень хорошо охранялась, никаких следов разрушения не было заметно, и даже ресторан работал с очень опрятными скатертями на столах. Первым делом мы установили связи с севастопольским Армянским комитетом, а Джамалян, конечно, и с Бюро Дашнакцутюн. И здесь эти обе организации были интенсивно заняты мобилизацией армянской молодежи и отправкой их в Тифлис. От новых знакомых из армянских кругов узнали

---

¹⁹ Агаронян этой радиogramмы, как он мне сказал по возвращении моем, не получил. Возможно, что радист меня надул.

мы об ужасных событиях, разыгравшихся в этом городе, кажется, за месяца 1,5–2 до нашего приезда. Говорили, что местная революционная власть, зная о готовящемся матросами погроме, хотела даже воспрепятствовать этому, но не могла. Разбившись по группам, матросы будто в одну или несколько ночей побывали в богатых домах, "реквизировали" ("грабь–неделя!") все, что можно было, выводили богатых мужчин на улицу, уводили на расстрел, а некоторых убивали у подъезда же. Масса, мол, таких жертв была вывезена на судах, связана друг с другом и выброшена в море, и что будто "до сих пор (когда мы были там) можно видеть у берегов связанные друг с другом и болтающиеся в воде трупы". Что здесь вымысел, и что правда – не знаю. В городе было много, очень много матросов. Говорили, что их было до 17.000. Думаю, что это очень преувеличено, но, несомненно, их было много, т.к. они всюду бросались в глаза. Так или иначе, наличие значительной матросской массы должно было давать себя чувствовать и давало. В городе было угнетенное и даже немного тревожное настроение. Все избегали мест, где скопилось в кружок несколько десятков матросов.

В гостинице, где мы остановились, жил пресловутый Спиро, кажется, Комиссар Черноморского флота, наводивший ужас на все побережье своими дикими распоряжениями. Позже, когда мы ехали в поезде из Севастополя в Москву, на одной станции присоединилось несколько человек. Это оказались делегаты из Одессы, ехавшие, кажется, на Съезд Советов для ратификации Брестского мира. Один из них, бундовец, говорил, что они имеют назначение просить в Москве о смещении Спиро, который доходил до того, что угрожал "поставить на рейде военные суда и бомбардировать Одессу", если одесситы не исполнят каких-то его распоряжений. Позже, по возвращении в Тифлис, я читал в какой-то газете, что Спиро был смещен и осужден партией за свои "сумасбродства".

В Севастополе надлежало нам решить вопрос, в каком направлении нам ехать дальше. Вопрос этот нас очень беспокоил, так как им разрешалась проблема, как ехать в Германию. Я несколько раз оставлял в номере, всегда отсутствовавшего Спиро, записку на его имя, что хочу переговорить с ним по этому вопросу, но из этого ничего не выходило – он не давал о себе знать. Московское направление для нас было предпочтительнее, потому что в Москве мы могли бы завязать связи с правительственными сферами, а в армянских организациях мы могли бы получить информацию о положении дел, об отношении Советской власти к положению в Закавказье и турецком фронте, а также содействие в наших задачах. Но т.к. не было уверенности, что из внутренней России нам удастся достигнуть германской границы (да мы и не знали, где она проходит), мы не выпускали из своего поля зрения и киевское направление. По этому поводу я несколько раз совещался с высшими организациями в Севастополе – "Ревтрибуналом" и "Центрофлотом". Резиденция последнего находилась на старом броненосце "Георгий Победоносец",

стоявшем в порту. Наконец, мы выехали 11 марта в Москву, последовав совету Центрофлота.

Когда наш поезд остановился через несколько часов у Симферополя, на станции сразу заиграл духовой оркестр. Слышны были также возгласы на армянском языке. Через пару мгновений влетело в наш вагон несколько человек, в числе которых был один молодой священник. Все они были армяне и просили от имени собравшихся на вокзале представителей армянской колонии сделать остановку в Симферополе. Джамалян готовился слезть и вместе с остальными стал уговаривать меня сделать то же самое. Правда в это время у меня была маленькая температура, но она, может быть, и не была бы помехой остановиться, если бы мне не пришла в голову мысль, что встречавшие и приглашавшие были от партии Дашнакцутюн. Из окна я действительно видел толпу народа, среди которой развевалось красное знамя со знакомым дашнакским девизом: "Смерть или свобода". Джамалян обещал не очень задерживаться. Поезд тронулся дальше. Один этот путь, от Симферополя до Москвы, достоин специального описания, так как оно дало бы представление о царивших тогда в пути порядках, настроениях, ожиданиях и опасениях ехавших в поезде пассажиров. Но это завело бы меня очень далеко. Ограничусь констатированием некоторых моментов.

Прежде всего, я должен ответить, что тогда далеко не была безопасна езда по железной дороге, хотя и путь Севастополь-Москва считался наиболее умиротворенным и восстановленным в административном смысле слова. Во всякое время могли произойти обыски, нападения и положение вещей было таково, что было даже опасно слишком добиваться ответа, кто такие и имеют ли право данные лица производить обыски и аресты.

Присоединившиеся к нам на разных станциях пассажиры, в большинстве случаев – члены партий и революционеры разных толков, рассказывали о всех таких случаях на разных путях. Это обстоятельство заставило меня уничтожить дневник, который я вел, начиная с Батума, а также вышеупомянутые письма Пападжанова, сохранив только письмо Шаумяна на имя Сталина. Даже в самом нашем вагоне не было необходимого спокойствия: не вполне доверяли друг другу. Как это бывает всегда, так и здесь между пассажирами постепенно стали устанавливаться более доверчивые и "добрососедские" отношения. Много говорили о Марусе Спиридоновой. Не было недостатка и в курьезах: на одной станции наш поезд задержался, т.к. пассажиры другого поезда, паровоз которого испортился, стали просить нашего машиниста взять их вагоны на прицеп, на что тот склонен был согласиться. Наши пассажиры энергично возражали, боясь, что поезд станет тогда плестись и запоздает. Один

молодой эсер, войдя взбешенный после спора в вагон, совершенно серьезно сказал: "Да этот машинист – "соглашатель какой-то"²⁰!"

Значительно лучше стало, когда мне удалось переместиться в "мягкий" вагон, специально предназначенный для ехавших в Москву делегатов на Съезд Советов, который должен был ратифицировать Брест-Литовский договор (ратифицирован 16 марта). Наблюдая этих еще совершенно юнцов, я удивлялся, что эти "политики" на протяжении всей дороги не высказали ни одного суждения о таком важном историческом факте, как Брест-Литовский договор и все время, почти непрерывно, говорили и спорили о саих микроскопических пунктах их партийных программ. Весьма характерно было такое всепоглощающее увлечение партийными и социальными вопросами и равнодушие, почти безразличие к факту такого огромного политического значения, как Брестский договор!

И я невольно подумал, не является ли эта молодежь, опьяненная социальными идеями, прямой наследницей русской интеллигенции, всегда преисполненной идеями "мирового масштаба", и достаточно равнодушной к "реальной политике"?

Я лежал на своей койке и совершенно не принимал участие в этих спорах и разговорах. Но когда не в силах более удержаться, я высказался по поводу Брестского договора, отдававшего Украину на милость Германии, а Закавказье – Турции, что мы, закавказцы, никогда не согласимся на сдачу Турции таких командных пунктов, как Карс, Ардаган и Батум с их областями, один молодой грузин – большевик, тоже делегат от Батума, заметил мне поучительно:

– Нельзя защищать интересы только своей колокольни!

Когда мы достигли Москвы, я был очень удивлен, заметив на платформе вокзала Джамалаяна – он выехал из Симферополя следующим поездом и, нагнав наш, пересел в него.

Москва, 12 марта 1918 г.

В Москве мои друзья детства, братья Якуловы²¹ устроили меня в богатом особняке (№ 6 Калашниковского переулка), принадлежавшем А. М. Попову, которого я лично до того не знал. В этом доме, кроме самого гостеприимного хозяина, жили тогда братья Якуловы и М. Д. Мандельштам, адвокат, один из лидеров партии Народной свободы. В те дни было много случаев занятия квартир не только правительственными и городскими властями, но и в особенности особняков разными налетчиками, например, анархистами или просто бандитами, называвшими себя так, с которыми тогда, только что переехавшее в Москву правительство, вело беспощадную борьбу. Чтобы спасти особняк от всяких притязаний, Я.Б. Якулов наклеил на дверях разных комнат билетки с надписями: "Стат. Отдел Московского Армянского Комитета" и т.п., и такими фокусами

²⁰ Модное тогда выражение. Так называли легко скатывавшихся на политический компромисс людей.

²¹ Александр и Яков Якуловы – довольно известные в Москве адвокаты.

удавалось отстоять это помещение от лиц, являвшихся туда с разнообразными мандатами,

В Москве мы пробыли долго, к сожалению, слишком долго, целых три недели. Между тем поручение, которое дано было нам Национальным Советом, не допускало такого длительного пребывания. Если наша делегация могла оказать какую-либо пользу армянскому народу, ясно, что каждый день запаздывания означал не что иное, как дальнейшее продвижение турецких войск вглубь Закавказья. Сознание этого никогда не покидало нас, и единственная причина такой задержки заключалась в том, что нам никак не удавалось выяснить, в каком направлении и каким способом передвижения мы могли бы проникнуть в Германию. Чтобы понять, надо вспомнить, какой это был период времени. Прошло всего десять дней со дня подписания договора в Брест-Литовске, и договор этот еще должен был быть ратифицирован²². Следовательно, и фактически, и формально между Россией и Германией еще не были установлены нормальные, мирные отношения. Оба государства не обменялись еще послами, железнодорожная связь не была восстановлена. Были только прекращены военные действия и установлена нейтральная зона. Проезд из одного государства в другое абсолютно отсутствовал. Не было, конечно, ни телеграфной, ни тем более, почтовой связи. Обе страны были друг от друга оторваны. Вот почему, даже в высших правительственных сферах, например, в Комиссариате иностранных дел на все наши настоячивые обращения не могли дать нам никакого положительного совета.

Вследствие этого, мы использовали свое московское "пленение" в различных направлениях, применительно к нашим главным целям. Надлежало прежде всего информировать Московский Армянский Комитет, который был совершенно оторван от Закавказья и не знал, положения вещей в крае и на фронте, стимулировать его деятельность в деле мобилизации людей и средств. Затем было необходимо установить связь с ответственными лицами советской власти для обеспечения её содействия нашим задачам и защиты закавказского фронта. Большую часть времени нашего пребывания в Москве я был болен гриппом, и потому значительную часть этих забот пришлось принять на себя Джамальян, развившему большую энергию. Он же сообщил мне, вскоре после нашего приезда, что вторым представителем партии Дашнакцутюн будет Липарит Назарян.

Московский Армянский Комитет со всеми его организациями находился в доме армяно-церковного прихода. В комнатах, на лестнице и в передней этого дома было всегда много народа: приходили, уходили, говорили, выдавал и амуницию, направляли людей. В заседаниях Комитета мы выступали несколько раз. Джамальян два раза посетил меня во

---

²² Договор в Брест-Литовске был подписан 3 марта в 5 час. 50 минут. 16 марта он был ратифицирован в Москве. 17 марта Германский Союзный Совет, а 18–22 марта рейхстаг единогласно, за исключением независимовцев, приняли мирный договор с Россией.

время моей болезни и рассказывал, что им было сделано. По болезни же я не мог вести дневника в Москве, а потому в описании нашего пребывания в Москве я вынужден опираться на свою память и на сохранившиеся письма к жене. Я делаю выписки из этих писем.

"1918, 18 марта Москва... Мир заключен. Передать тебе впечатления от Москвы, её настроений, обо всем, что здесь слышишь и видишь – невозможно. Одно могу сказать, – интеллигенция, общество здесь пришиблены, убиты. Немцы все более и более приближаются и по всей вероятности захватят Москву. Пользуюсь оказией, чтобы послать тебе это письмо, а также и газеты, из которых ты почерпнешь сведения о жизни в России. По прочтении передай Берберову²³ и Пападжанову..."

"1918, 22 марта, Москва... Развал жизни здесь необычайный. На улицах непролазная грязь, банки не функционируют, масса анархических организаций то и дело врываются в дома и гостиницы, требуя очистить помещение, но не вывозя мебели. Сегодня супруга Н. Абеяна была у меня, прося помощи от таких налетов... Относительно этого, что делается в России, не думайте, что мы здесь в лучших условиях, чем вы. Правда, все-таки в лучших, но не в тех, как может показаться. Почти полная оторванность от юга. Слухи ходят всякие и не знаешь, каким верить? Предполагается, что немцы с Запада (т.е. из Украины) всё вывозят в Германию, и что они хотят юг оторвать от севера, который в будущем году будет форменно голодать. Центральный Комитет партии Народной свободы вынес такую резолюцию, что Россию может спасти лишь единоличная власть в лице монарха или диктатора. Поездка туда²⁴ чрезвычайно затруднена, нам не могут помочь даже народные комиссары, т.к. финляндская граница почти непроницаема..."

"1918, 22 марта, Москва. ...Здесь ужасно всё дорого, дороже, чем в Тифлисе... какая-то вакханалия в воздухе. Трамваи теперь довольно свободны, т.к. нет солдат в городе. Непролазная грязь, сменяющаяся в морозные дни такой гололедицей, что ужас один. Все ходят прямо по льду. Какая–то подавленная жизнь. Масса дам и девиц и интеллигентных людей, продающих газеты. Масса лиц, интеллигентный с виду, несущих непривычную работу. Офицеры, за неполучением жалованья, рады послужить в домовых комитетах. Банки не функционируют. Все они погибнут. Говорят, будто акции Азовско-донского банка (еврейского по составу и капиталу) скуплены Германией. Масса военнопленных в городе. Заходил в "Русские ведомости"²⁵, где просили написать о Закавказье. Я написал им одну статейку о Закавказском Комиссариате и видел корректуру. Продолжать писать не могу, т.к. собираюсь завтра в Питер, да и охоты нет..."

---

²³ Берберов Минас Иванович, известный общественный деятель, член ЦК Армянской народной партии, Государственный Контролер Демократической республики Армении в 1918–1919 гг. Скончался в Эривани в 1919 г. от сыпного тифа.

²⁴ Т. е. в Германию.

²⁵ Известная тогда газета прогрессивного направления.

"1918, 22 марта, Москва... ...Джугашвили-Сталин, народный комиссар по национальным делам обещал также всякое содействие и выдал письменное распоряжение всем Советам, чтобы оказывали содействие армянским дружинам в борьбе против "империалистической" Турции. Им же выдана бумага, в силу коей воспрещается где бы то ни было облагать армянскую буржуазию²⁶, каковую могут облагать только армянские комитеты. Наконец, комиссар по иностранным делам, Карахан, тоже обещал всяческое содействие. Он же сегодня сказал Джамаляну, что проехать границу почти невозможно, т.к. по финляндской границе белогвардейцы не пропускают (но я решил завтра выехать в Питер и обратиться к содействию шведского посла). Однако, я сегодня же встретил одного из сотрудников Московского Грузинского Комитета, который сказал, что он только что идет от Джугашвили – Сталина, у которого был вместе с армянским военным комиссаром (из Московского Армянского Комитета). Сталин, мол, заявил, что помощь Совета Народных Комиссаров Закавказью будет зависеть от того, какой платформы будет последнее держаться и что он снесётся для выяснения этого с Закавказьем. На мое возражение, что нам он ответил совсем другое, сотрудник этот заметил: "К армянам он относится лучше, т.к. Жордания и Чхеидзе не дают ему покоя..."

Джамалян говорил мне, что он был у Троцкого, который сказал, что "следовало бы сделать шум по поводу отдачи целых территорий во власть Турции, и вообще советовал апеллировать к "цивилизованному миру". На просьбу сделать распоряжение о выдаче 10,000 винтовок, находящихся в Ростове и выдаче разрешения приобрести хлеб на 5 млн. р., предложил подать письменное заявление, которое обещал удовлетворить и вообще обещал всяческое содействие для борьбы против "империалистической" Турции, Джамалян ходил и к большевикам-армянам, состоявшим в Комиссариате по национальным делам: Вагану Теряну, Аванесову, Прошяну и др. Когда я спросил его, как они относятся к нашей миссии и к положению на Кавказском фронте, он ответил, быть может, шутя: "если и грозит армянскому делу опасность, то только от этих лиц в Национальном комиссариате". Наконец, от одного из народных комиссаров (не помню какого) удалось получить ценное распоряжение – "всем, всем, всем", чтобы нигде не препятствовали проезду армянских эшелонов, направляющимся на Кавказский фронт.

Мера эта была вызвана доходившими до нас слухами, что в пути некоторые местные советские власти чинили этому препятствие или, как сообщал нам по прямому проводу Амо Оганджян, один из дашнакских лидеров, в 1920 г. премьер-министр Армении, из Ростова "...у ростовской большевистской власти два совершенно противоречивых распоря-

---

²⁶ Вызвано это было, насколько сейчас помню, случаем в Ростове и Нахичеване – на Дону, где армянская буржуазия облагалась с двух сторон – большевиками и Армянским Комитетом. Если такое распоряжение со стороны Сталина действительно имело место, то, очевидно, в результате ходатайства Джамаляна и армянских кругов в Москве.

жения от одного и того же большевистского комиссара – в одном говорится – ни в коем случае не пропускать армянских эшелонов, в другом – пропускать..." Чрезвычайно затрудняло наши действия отсутствие сведений из Закавказья и невозможность установить с ним телеграфную связь. Помнится, раз только сообщили по прямому проводу из Ростова, что удалось, наконец, установить связь с Тифлисом по прямому проводу. 22 марта Джамалян должен был переговорить с Агароняном. Не помню, удался ли этот разговор? По самому животрепещущему вопросу, что делается на турецком фронте, как протекают переговоры с Турцией, в Москву доходили случайные и непроверенные сведения, иногда и из иностранных газет.

Между тем данные о том, в чью сторону фактически и дипломатически клонятся события в Закавказье, имели для нас, для той позиции, которой мы должны были бы держаться при переговорах в Берлине, решающее значение. Эта безвестность парализовала и нас, и Московский Армянский комитет, в котором мы не раз выступали, не имея возможности вплотную подойти к этому кардинальному вопросу. Между тем именно потому, что в Тифлисе мы не получили от Армянского Национального Совета хотя бы мало-мальски конкретных указаний, в Московском Армянском комитете мы имели единственную оставшуюся возможность подвергнуть нашу позицию до проблемы так называемой "ориентации", коллективному обсуждению.

Цель была ясна, – добиться вмешательства Германии, дабы она не позволила Турции вторгаться в пределы Закавказья. Но во имя каких интересов Германия должна была бы оказать также давление на своего союзника, даже если допустить, что занятие Закавказья турецкими войсками не диктовалось военными задачами Германии и ее союзников²⁷? Требование, чтобы Турция не вступала в закавказские области, могло бы опираться, во всяком случае, на обязательное признание с нашей стороны передачи ей Карса, Ардагана и Батума. Но хотя при нашем выезде из Тифлиса формальное требование Турцией себе этих пунктов, еще не было известно (и не могло быть известным, т.к. произошло позже, 2 марта), мы знали точку зрения не только Армянского Национального Совета, но и всех общественных и руководящих политических кругов Закавказья: Всякие уступки, которые будут сделаны в Брест-Литовске со стороны советской делегации, тем более, в отношении Закавказья, народы последнего не считают для себя обязательными, т. к. переговоры в Брест-Литовске происходят без участия представителей Закавказья. Но твердо стать на эту позицию мы тоже не могли, так как тем самым открыли бы Турции право со своей стороны заявить, что в таком случае и она не считает для себя обязательным ограничиться занятием

---

²⁷ После нашего возвращения из Германии в Тифлис, при встречах моих с генералом фон-Крессом (командующим немецкими военными силами в Закавказье) он неоднократно высказывался в том смысле, что наступление турок вглубь Закавказья вытекает из необузданного честолюбия Энвера-паши.

только Карса, Ардагана и Батума. При какой обстановке имело место согласие советской делегации в Бресте на уступку Турции этих важнейших пунктов, мы узнали в Москве, в Наркоминделе, где мне показали копию телеграммы, которую Карахан отправил в Тифлис 2 марта, т.е. накануне подписания Брест-Литовского договора. Вот ее содержание:

«Сравнительно с ультиматумом 11 февраля новое предложение содержит ультимативный срок. Ввиду этого, а также вследствие отказа немцев прекратить до подписания договора военные действия, мы решили подписать договор, находясь в обсуждении его и по подписании выехать. Самое серьезное ухудшение условий 21 февраля: отторжение от России округов Карса, Ардагана и Батума под видом самоопределения».

Эта телеграмма была получена в Тифлисе 2 марта в 4 час. 30 мин. дня, когда мы уже были в Батуме и, следовательно, она нам была неизвестна. До какой степени сложно было положение, легко убедиться из того, что за несколько недель до заключения Брестского мира, Турция в лице Главнокомандующего турецкими военными силами на Кавказском фронте, Вехиб-паши предложила правительству "независимого" Закавказья для заключения мира выслать своих представителей. 29 февраля, когда мы уже были в Батуме, Закавказский Сейм решил начать переговоры, приняв "основные условия". А 14 марта, т.е., когда Брестский мир давно был уже подписан, и мы уже были в Москве, мирная делегация Закавказского Сейма оказывается начала переговоры с турецкой делегацией в Москве. Все эти факты нам не были известны.

Конечно, в истории военно-дипломатических сношений немало случаев, когда после отбытия делегации происходили события, существенно менявшие обстоятельства, а также соотношение сил на фронте. Но для того, чтобы делегация в таких случаях могла быть на высоте своего назначения, необходимо, чтобы она в той или иной степени была в курсе событий и имела какую бы то ни было связь со своим правительством. Мы были совершенно лишены и того, и другого. Но трудность нашего положения не ограничивалась этим. Необходимо иметь в виду, что так или иначе, внешнюю политику проводил Закавказский Сейм и если бы даже мы были в курсе его политики, неизбежно должен был возникнуть вопрос, – на каком формальном основании мы выступаем перед Германией и ее союзниками с точки зрения Армянского Национального Совета, когда защита интересов всего закавказского населения (а, следовательно, и армянского) принадлежит единственно правомочному органу – Закавказскому Сейму?

Таков был трудно преодолимый переплет фактических и юридических моментов, в котором находилась наша делегация. Не удивительно, что мы чувствовали себя в крайне щекотливом положении и были предоставлены как бы своему инстинкту и пониманию, которые должны были руководить нами, если не для приспособления наших шагов к ежедневно менявшейся в Закавказье конъюнктуре, нам неизвестной, то во

всяком случае для того, чтобы уловить ту общую линию политики, которая диктовалась несомненно фактом безудержного стремления турок продолжить свое продвижение, чтобы занять Закавказье. Поэтому перед нами, во всяком случае передо мной, при общей неопределенности всех контуров положения и при данной нам общей директиве, тем или иным способом спасти от гибели армянский народ, всё время неотступно стоял вопрос, до каких пределов мы вправе пойти в своих уступках для достижения возложенной на нас задачи? И вот, таким образом, мы сталкивались лицом к лицу с тяжелой проблемой политической "ориентации", тяжелой как по существу, так и по форме. Но "бытие определяет сознание", и потому проблема эта носилась в воздухе, у всех на устах были эти слова "новая ориентация", но в чём она заключается, и как надо ее осуществить – все избегали вплотную подойти к этому вопросу.

Для того, чтобы углубиться в эту проблему, необходимо было каждому пробить в самом себе, в собственной психологии брешь, что было очень трудно, ввиду привычной вековой российской ориентации армянского народа. С другой стороны, все чувствовали, что при резко изменившихся обстоятельствах, когда тот самый организм – Россия, малюсенькую часть которой составлял армянский народ, стал спиной к союзникам, и, повергнутый бронированным кулаком Германии, пал перед ней, армянскому народу необходимо изменить своё внешнее положение, тем более, что ему, сверх общей с Россией судьбы, предстояло выдержать еще борьбу с сильным и кровожадным врагом. Так и моему уму всё время в неясных очертаниях представлялась неопределенная по содержанию "новая" ориентация. Чувствовалась потребность обмена мнениями с теми или иными национальными организациями. Я не знаю, велись ли Джамаляном такого рода беседы в Московском Комитете его партии? Мне, отчасти вследствие длительной болезни в Москве, не приходилось подвергать обсуждению этот вопрос с лицами, принадлежавшими к моей, Армянской Народной Партии.

Мысль о том, чтобы поставить его на обсуждение Московского Армянского Комитета, приходила нам в голову не раз. Но щекотливость вопроса, боязнь непримиримых трений и, наконец, сомнение в праве разрешать его в национальном комитете, имеющем местное значение, удерживали нас от этого шага. Так, все точно сговорившись, избегали его твердой и конкретной постановки, хотя и все чувствовали его неизбежность, ибо после поражения России в Брест–Литовске, стало ясно, что единственной тогда реальной силой, которая была способна ограждать армянское население в Закавказье, была Германия. Вследствие этого и мысль, иногда инстинктивно, направлялась туда. Позволю себе привести несколько мест из моих писем жене, из которых видно, что вопрос о германской ориентации в разных местах всплывал независимо от нас и до нашего приезда.

Москва, 20 марта, 1918г. ...

Скажи Пападжанову, что та ориентация, о которой мы с ним говорили, здесь в колонии (т.е. в московской армянской) совершенно самостоятельно и без каких бы то ни было намёков с нашей стороны рассматривается, как аксиома.

Москва, 25 марта 1918 г...

К сожалению, письмом нет возможности поставить вас в известность, каковы перспективы нашей миссии. Скажу только, что идея, которую мы должны осуществить, носится в воздухе, и к ней силою вещей, приходят самостоятельно все. И Коля²⁸ мне говорил по телефону (по-армянски) то же самое. Положение союзников²⁹ весьма критическое и в скором времени разыграются, вероятно, решительные события.

И вот еще несколько строк из одного письма, которые указывают, что вопрос о германской ориентации возник не только у армян, но и у самих немцев.

Москва 28 марта 1918г...

Скажи Пападжанову, что те, к кому мы едем³⁰, сами предложили начать переговоры, чтобы мы целиком и полностью приняли их сторону. Тяжелый и роковой вопрос!

3.1. В Московском Армянском Комитете. О политической ориентации армян.

Как-то раз, по завершении заседания Московского Армянского Комитета (на котором председательствовал И.Г.О.) после доклада Дкамаляна о его переговорах со Сталиным, Троцким и другими, члены Комитета, собравшись в кружок, довершали как бы обсуждение разных вопросов. Вдруг один сказал: "Давайте все-таки поговорим, что же делегаты будут говорить в Берлине?" Этим был дан сигнал к неофициальному обсуждению злополучного вопроса об ориентации. Так как мнения стали высказываться недостаточно определенно, то же самое лицо сказало (фамилии не помню): "...Интересно, узнать прежде всего мнение самих делегатов," – и он взглянул на меня, как бы в ожидании ответа. Тут я высказал вполне определенно, что я того мнения, что во-первых, народ, оторванный от всего государства и даже покинутый им, вправе решать судьбу свою, как ему заблагорассудится и во-вторых, что если народу этому угрожает опасность уничтожения (по примеру армян в Турции), он вправе, а руководители его политики обязаны не останавливаться ни перед какими средствами, и избрать тот путь, который может для него

---

²⁸ Н.Х. Калантаров – тогда присяжный поверенный в Петрограде.

²⁹ т.е. Антанты.

³⁰ т.е. немцы. Написано так из осторожности.

оказаться спасительным, даже если этот путь пойдет вразрез с интересами этого государства, в которое входил армянский народ.

– А это не будет изменой России? – дал кто-то реплику.

– Какой России?– вмешался раздраженно Д–в, – той, которая будучи в значительно менее стесненном положении, чем мы, пошла на все требования Германии и даже Турции и которая уступила врагу чуть ли не половину России – Украину?

– А что в этом хорошего? Ленин – не Россия, и идти по стопам Ленина мы не можем, – заметил первый. Мне показалось возражение до того формальным и близоруким, что захотелось самому ответить на него, но Д–в опередил меня.

– Быть может история скажет, что Ленин оказался наилучшим русским патриотом. Ведь он ясно видел, что не было никаких сил сопротивляться натиску Германии, ибо так называемый фронт был чистой фикцией.

– Вот вы встречаетесь с советскими вождями. Обвиняют они нас, армян? – обратился И. Г. О. – с вопросом ко мне и Джамаляну. Джамалян ответил, что они отлично знают, куда и зачем мы едем и никакого упрека нам не делают, отдавая себе отчет, в каком трагическом положении находятся армяне. Если не ошибаюсь, именно тут Джамалян сказал, что когда Ленину стало известно о нашей командировке, он, проведя рукой по лбу, сказал: "Да, плохо вышло с армянами. Пусть, конечно, едут." Кто-то заметил тут, что Липарит Назарян (третий член нашей делегации) находившийся тогда в Петрограде, вел там переговоры с кем-то о германской ориентации и что на днях он ожидается в Москве. Приедет и расскажет, в чем она заключается. И.Г.О. предложил, чтобы один из членов нашей делегации сделал обстоятельный доклад на заседании Московского Армянского Комитета по вопросу о необходимости изменения ориентации армянского народа в связи с изменившимися условиями. "Пора же, наконец, выбраться из одних кулуарных разговоров", – добавил он. Джамалян предложил, чтобы доклад этот делал я. Я согласился.

Через несколько дней состоялось заседание Московского Армянского Комитета, на котором я выступил с письменным докладом. Он остался при мне. Я позволю себе привести его целиком. Быть может, как сжатый исторический очерк политической ориентации армянского народа он пригодится кому-нибудь в будущем.

Известно, что как только Турция в последнюю мировую войну стала на сторону срединных держав, ориентация трех главных народов Закавказья определилась также. Азербайджанские татары в течение двух десятков лет распропагандированные панисламизмом и пантюркизмом³¹

---

³¹ О панисламистском движении среди бакинских татар много собралось материала и в канцелярии пресловутого генерала Ширинкина в первые годы наместничества графа Воронцова-Дашкова. Эти материалы тем более ценны, что в то время считалось противоестественным говорить о существовании панисламистского движения и этим "наговаривать" и

не смея публично выражать своих симпатий, бесспорно, сочувствовали Турции, желая ей победы. В штабе Кавказской армии имеется богатый секретный материал, обнаруженный после революции 1917 г., о разветвленной агентуре, которую имела Турция среди азербайджанских татар.

Грузинский народ в массе, на основании вековых традиций, был на стороне христианской России. В грузинском же обществе, т.е. в интеллигентских слоях народа положение складывалось сложнее. Крайние националистические элементы строили свои давнишние мечты о поражении России, о независимости Грузии путем отторжения её от России и доходили до установления связей с первых же дней войны с Турцией и Германией. Сама Германия в лице правительства и общественно-политических кругов, прекрасно учтя значение центробежных сил в многоплеменной России, с первых же дней стала проявлять особое внимание к застрявшим в Германии русским "инородцам", особенно к тем, которые принадлежат к народам, населяющим пограничную полосу России, в то время как к коренным русским она применяла крутые меры, даже издеваясь над ними.

По мере развития событий, в особенности после февральской революции, с провозглашением лозунга "самоопределения народов", позиция грузинских националистических кругов вполне определилась и укрепилась. Считая себя выразителями интересов грузинского народа, эти круги находили, что национальные чаяния могут быть осуществлены при помощи Германии и её союзников, в частности Турции³².

Кроме того, т.к. чаяния армян в отношении Турецкой Армении давно уже приобрели место в международной политике, эти грузины имели ввиду судьбу Грузии втолкнуть в международную политику, чтобы на случай победы срединных держав, сделать её предметом обсуждения и договора мирной конференции. И так как все эти расчеты могли быть основательны при внутренней катастрофе или внешнем поражении России, естественно они ждали и того и другого.

Иначе смотрели на вещи социалистические партии Грузии, принадлежавшие к РСДРП или к партии социал-революционеров. Я, кажется, не ошибусь, если скажу, что эти организации, РСДРП и партия эсеров, не держались "пораженчества" и планировали обновление России путем общего выступления революционной демократии после войны, вследствие этого и все национальные ответвления этих общерусских социалистических организаций, держась общей платформы и тактики, не

"натравливать" администрацию на "братский" народ. Мне удалось конспиративно переписать за одну ночь обширный секретный доклад Ширинкина заместнику о панисламизме в Закавказье и о связи его с идеологами в Константинополе. Доклад Ширинкина имеется в моем архиве.

³² Весьма знаменательно, что именно в годы мировой войны в грузинском обществе вошло всюду турецкое приветствие "Салям". До сих пор грузины-интеллигенты любят приветствовать друг друга этим словом. Маленький, но характерный факт, на который не обращено внимание.

только отгораживались от сепаратистских стремлений националистов, но и подавляли такие же тенденции, вспыхивавшие порой и в их среде. То же самое можно сказать и о грузинских социалистах, с той только оговоркой, что они ненадолго удержались на этой интернациональной платформе. Вопреки ожиданиям грузинских националистов из всех партий падение царизма имело своим последствием ещё большую спайку между социалистическими и демократическими элементами народов России, и в промежуток между отречением царя и премьерно Октябрьской революцией всякое настойчивое возбуждение национальных вопросов – независимости и автономии – расценивалось революционной демократией, как подрыв и измена делу революции. Только Октябрьская революция, имевшая своим последствием отделение Закавказья от России и связанное с ней оголение фронта, отказ России от войны и, наконец, сокрушительная победа Германии на мирной конференции в Брест-Литовске, все эти моменты совершенно выпукло выдвинули необходимость для Закавказья определить свое государственное положение.

Течение событий лило обильную воду на мельницу грузинского национализма, захватывавшего всё более и более широкие круги общества и разные слои народа, тем более, что с разрывом связей между Закавказьем и Россией, стала формальной, связь между социалистическими партиями Грузии и России, а с заключением Брест–Литовского договора, нанесшего удар Закавказью, связь эта окончательно оборвалась. Затем угрожающее, безостановочное продвижение турецких войск в пределы Закавказья окончательно расшатало, а под конец и порвало до того еще державшийся общий фронт армянской и грузинской революционной демократии. Выступление Германии на юге России, успехи турецких войск в Закавказье послужили благодарной почвой для расцвета националистических стремлений грузин и в закулисной политике наиболее яркого представителя грузинского социал-национализма, – министра иностранных дел Чхенкели, а также с провозглашением независимости Грузии 26 мая 1918г. получила окончательное оформление германская ориентации грузин. И вся эта ломка в ориентации совершалась не в тяжелых психологических муках, ибо грузинское общество за последние полвека достаточно было распропагандировано публицистикой, что Россия вероломно поступила с Грузией, безоговорочно присоединив её к российской короне вопреки договору 1801г.

Гораздо сложнее положение армян. Армяне также в течение веков смотрели на Россию, как на свою единственную реальную покровительницу против турко-монголов и вообще против ига мусульманства. Но в его одинаковом с грузинами историческом тяготении к России, армяне имели на своей стороне и большую давность и большую интенсивность. Причинами этого служили, как более ранняя потеря Арменией своей государственной независимости (на несколько веков раньше грузин), так и несравненно большая вкрапленность армянского населения в тюрко-монгольские массы. Это тяготение армянского народа росло и крепло в

течение последней четверти всего 19 века, вопреки национальным притеснениям, вызванным после Александра II и отмены Кавказского наместничества и руссификаторской национальной политикой Александра III и Николая II под лозунгом "Россия для русских". Если не считать небольшой группы лиц представленной в указанном периоде в так называемой "консервативно=клерикальном" направлении армянской публицистики (той группы, которая уверяла, что только в рамках турецкой государственности армяне смогут сохранить свое национальное лицо, ибо Россия, сохраняя армян физически и обогащая их, в то же время денационализировала, растворяя их в себе).

В общем и целом армянское общество в России спасение турецких армян (а их судьба и была всегда на первом плане армянской политической мысли, начиная с 70-х годов) обуславливало присоединением армянских вилайетов в Турции к России, если образование из них под гарантией России или держав автономной области неосуществимо. Такой взгляд считался неразрывно связанный с "прогрессивным" направлением, т.к. такое направление армянской общественной мысли главным своим источником имело прогрессивные идеи русского общества, и т.к. не подлежало сомнению, что Россия, чем дальше, тем больше вовлекалась в семью цивилизованных европейских народов и была страной роста и будущего, а Турция во всех отношениях представляла обратную картину, естественно, что передовое армянское общество (не говоря уже о народе) не могло сделать иного выбора между Турцией и Россией. Но такой ориентации армян пришлось пережить серьезные испытания.

Отношение, проявленное Россией, после ущемившего её интересы и самолюбие Берлинского конгресса, к освобожденной ею же Болгарии, реакционная политика внутри страны и притеснения инородцев, и, наконец, определенное настроение в правительственных и патриотических сферах России – ни в какую "освободительную" войну больше не втягиваться, – все это толкнуло армянскую молодежь в Закавказье к другой мысли, а именно, что турецкие армяне могут спастись от уничтожения самозащитой и освободиться революционным путём, полагаясь на свои собственные силы. Эта идея, черпавшая свое оправдание в примере болгарского этнического движения (в 1876 г.) и послужила основанием к учреждению армянских революционных организаций "Гнчак" и "Дашнакцутюн", почему-то, очевидно для пушей "радикальности" окрестившееся в "социалистические". Ненавидя Турцию, эти армянские социал-революционеры сами должны были отречься от самодержавной России, тем более от России Александра III, преследовавшей своих же армян.

Не имея никакой внешнеполитической программы и игнорируя всякую конъюнктуру международной политики, новые вершители армянских судеб устремили свои взоры на Англию, как на страну наибольшей по-

литической свободы и цивилизации³³. Эти революционные организации, а за ними и все армянское общество, вследствие враждебного отношения русского правительства к армянскому вопросу в Турции, втянутое в это движение, установили как бы новую ориентацию – английскую. Но эта ориентация не была противоположна российской и не исключала последней: она была частным случаем, касалась только Турецкой Армении, совершенно не затрагивая вопросов Русской Армении. Она была побочной, имела своей целью – осуществление обещанных Турцией по Берлинскому трактату реформ. Руководители русской политики и публицистики правого лагеря не поняли или не желали понять, что армяне бросили умоляющие взоры на Англию вследствие полной безучастности и враждебности России к положению турецких армян³⁴.

Великие армянские погромы в Турции 1894–1896 гг. и отказ Англии, где произносилось представителями правительства столько громовых речей действовать в решительную минуту, создало в армянском обществе состояние полного оцепенения: турецкий деспот, вековой русский “освободитель” и “великая страна свободы и цивилизации” – Англия, оказались стоящими друг друга. Англия отступила перед твердым заявлением России (Франции), что она не допустит никакого иного, кроме морального давления на султана и премьер Солсбери заявил, что “английские броненосцы не могут подняться на армянские горы...”³⁵ В сознании полного своего поражения и бессилия, и не видя никаких иных путей для поиска нового покровителя турецких армян, армянская политическая мысль стала невольно обходить нависшую на её совести тяжёлую проблему устройства Турецкой Армении, и несколько лет после это-

---

³³ “Я редко испытывал затруднения, когда старался убедить интеллигентных армян в неосуществимости автономной Армении. Но мне никогда не удавалось убедить кого-нибудь из них, что образ действий Англии и других держав относительно выполнения обязательств, принятых ими на себя в силу трактатов, представлял что-нибудь, кроме эгоизма, завистливого соперничества и позора”. “Армянский кризис и владычество турок” Фр. Грин. См.: “Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1896 г.” стр.276.

³⁴ Возможно, что такое отношение со своей стороны было обусловлено тем, что армянские революционные комитеты всё время паноса “северного медведя”, первые связали свои надежды с Англией. А Россия, конечно, вовсе не желала, чтобы реформы были осуществлены благодаря вмешательству не её, а Англии, её соперницы на Востоке. Так одно следствие переплеталось с другим.

³⁵ В мае 1895 г. в Тифлис приехал после путешествия по Турции английский корреспондент (он же профессор Харьковского университета) Эмиль Диллон, прославившийся сразу разоблачениями о Сасунской резне. Накануне своей смерти (12 мая ст. ст.) отец мой написал ему письмо, которое я вместе с Амбарцумом Аракелянном и д-р Агасаряном доставили ему в гостиницу Ориант. Далее привожу отрывок из моих воспоминаний за 1895 г. Когда зять мой спросил, думает ли он, Диллон, что из поставленного “вопроса” (армянского) выйдет что-нибудь, Диллон ответил: “Я сам задавал себе этот вопрос и очень боялся за судьбу армян. Но, когда после Росбери премьером стал лорд Солсбери (консерватор), я посетил его и спросил, следовало ли нашему правительству подымать вопрос об армянских реформах, если оно не уверено, что доведет дело до конца? Солсбери ответил, что поднят был вопрос не им, а либеральным министерством, но сам Солсбери доведет его до конца, уверенный в успехе”.

го наступило в печати и обществе мёртвое затишье при всеобщем обвинении наших революционных комитетов в гибели 300.000 армян³⁶.

Новая постановка этого вопроса требовала предварительной основательной критики, что "произошло" или что было "наделано". Но такая публичная критика стала невозможной вследствие главным образом того террора, который проводили гнчакисты и дашнаки в отношении всех "ретроспективных" критиков их политики и "подвигов". Немалую роль играла тут странная установка, считавшаяся тогда непререкаемой вообще во всей идеологии публицистики в России, что не этично критиковать революционные подпольные организации, если они не имеют возможности защищаться в легальной печати. Таким образом, всякая попытка такой критики глохла в своём зародыше.

Что можно сказать о политическом сознании и моральной ответственности общества, руководившего этим бездушным и гнилым принципом, отдававшим судьбы целого народа интересам партии!? 1896–1905 годы были для армянского народа годами летаргии, разочарования и озлобления, сменявшихся одно другим. Конфискация имущества армянских церквей в 1904 г., которым содержались все армянские школы, всполошила весь армянский народ и на этот раз, по моему мнению, очень глубоко потрясла его привычное тяготение к России. "Безработные" в течение истекшего десятилетия армянские революционные комитеты (Дашнакцутюн и Гнчак), хотя и томились своим бездействием, тем не менее вначале гнушались вмешательства в "клерикальное" дело (церковные имущества!), но стихийный подъем всего народа против царского насилия увлек их, и вскоре уже дашнаки и гнчакисты старались опередить друг друга в руководстве национальным сопротивлением.

Непосредственно за этим последовавшие инспирированные властью массовые армянские погромы во всём Закавказье, окрещённые более деликатным названием "армяно-татарских столкновений" окончательно убедили было армянский народ, что рядом с Турцией, злейшим врагом его является Россия. Такой вывод мог бы внести в вековую ориентацию армян на Россию коренное изменение, если бы не русская революция 1905 г. и диаметрально противоположная политике ненавистного князя Голицына, политика нового начальника края, заместника графа Воронцова-Дашкова³⁷.

---

³⁶ Пресловутый дашнакский "посланник" в Париже д-р Иосиф Лорис-Меликов говорил мне в 1892 г. в Париже, что во время его переговоров с известным политиком и публицистом Франсис де Прессансе, "армянофилом", последний сказал об армянском вопросе, что много нужно подготовки, чтобы вновь его поднять. Партии Гнчак и Дашнакцутюн чувствовали на себе негодующие взоры армянского народа. Это повело к тому, что Христофор Микаэлян, один из первейших лидеров Дашнакцутюн, в ряде статей, помещенных в "Дрошаке" в 1896 г. под заглавием "Логика толпы" и с эпитафией "Post hoc ergo propter hoc", попытался опровергнуть все обвинения по адресу его партии.

³⁷ Корреспондент известной итальянской газеты "Коррьере делла сера", Виллари, бывший в конце 1905 г. в Тифлисе и посетивший заместника, говорил тогда мне, что заместитель сказал ему про политику Голицына: "Политика князя Голицына была гибельной".

Эти два фактора вновь воскресили в армянском обществе и народе тяготение к России, а "свободы", добытые революцией 1905г., окрылили армянскую молодежь новыми идеалами, связав ее с российскими революционными и социалистическими организациями. Создалась возможность деятельности на общегосударственной почве. Зиявшие армянские раны стали залечиваться, возбуждение и озлобление утихать и сменяться новым чувством удовлетворения, что, в конце концов, "правда" восторжествовала и что вековая верность армянского народа России, наконец, "оценена". Но вот, спустя некоторое время для армян Турции наступает тоже новая эра. Их, забытых и покинутых, вновь вспоминают, и прежде других хочет помочь им та самая держава, которая в 1895г., вопреки своим "освободительным" традициям, тайно сопротивлялась введению реформ в Турецкой Армении с циничным лозунгом "нам нужна Армения без армян."³⁸

Если Россия так внезапно воспылала любовью к армянам вообще, и к турецким в частности, то по всей вероятности она была побуждаема к тому предвидением возможной в ближайшем будущем войны с тройственным союзом (Германия, Австрия, Италия). Рост влияния Германии на Босфоре, ее Багдадская желдорота, занятие Австрией Боснии и Герцеговины (1908 г.), войны Балканских государств против Турции – все эти моменты являлись как бы предвестником надвигавшейся грозной мировой катастрофы, которая неизбежно должна была бы перекинуться на области азиатской Турции. Чтобы обеспечить себе здесь сочувствие христианского населения (в данном случае армянского), необходимо было благожелательным отношением к нему заставить забыть прошлое, отвлечь его взоры от "Европы", подогреть в нем недоверие к новым правителям Турции – младотуркам, укрепить его экономически и политически и таким образом сделать его надежной опорой на случай войны и проводником дальнейшей политики России на Востоке.

И вот, с исключительной настойчивостью Россия вместе со своими союзниками – Францией и Англией, преодолев сопротивление Турции и держав Тройственного Союза, провела в 1914 г. важную административную реформу для шести армянских вилайетов Турции, примыкающих к русской границе. Этим был завершён весь курс новой политики к армянскому населению, как в Турции, так и в России, и для всего армянского народа, для всех его классов и политических партий российская ориентация (а с возникновением войны, следовательно, ориентация и на союзников России – Англию и Францию) вновь стала единственной, бесспорной и незыблемой. Вспыхнула мировая война 1914 г. Для русского правительства наступил как бы момент пожинать плоды своего "благоволения" к армянам. Устами наместника кавказского Воронцова, мини-

---

³⁸ Началом радикального поворота в малоазиатской политике России является известная депеша русского посла в Константинополе Гирса министру Сазонову. Фридьоф Нансен в своем сочинении "Обманутый народ" так саркастически выражается о начале новой политики России: "Россия, которая к тому времени отыскала свою любовь к армянам..."

стра Сазонова и даже царя были даны, правда, смутные обещания относительно армянской автономии в Турции, делая вид, что оно идёт навстречу настойчивому желанию самих армян, правительство организовало роковые армянские добровольческие отряды, послужившие, по общему мнению, сигналом для младотурок к уничтожению (с весны 1915г.) всего армянского населения в Турции³⁹

Однако, отчасти по инерции добровольческого движения, отчасти вследствие нетвёрдых сведений о трагической судьбе армян в Турции, всё армянское население в России продолжало относиться с энтузиазмом к войне, так же относились и армянские воины в государственных добровольческих отрядах, несмотря на начавшееся явно недоброжелательное отношение к армянам со стороны русского военного командования на Кавказском фронте. Но первые весьма чувствительные разочарования в этот период испытало армянское общество, когда стало известно намерение кавказского начальства об организации в занятых по праву войны армянских вилайетах колонии "Заевфратского казачества".

Однако, самое большое потрясение испытал армянский народ с уходом после 1917г. русского войска с фронта. Но если этот факт мог бы ещё расцениваться, как явление стихийное, безотносительно к армянам, то иное, моральное впечатление должно было произвести возвращение Брест-Литовским договором Турции не только армянских областей, занятых по праву войны, но и сдача, входивших в пределы России важнейших для края и решающих для русской Армении округов – Карса, Ардагана и Батума. Сарказм истории! Этого ли армяне могли ожидать от русской революционной социалистической демократии, всегда утверждавшей, что только с падением царизма и с приходом её к власти, армяне, как и все угнетенные народности, получат свободу самоопределения?

Позиция, занятая грузинами с их пассивным сопротивлением, и активное содействие, проникающим в Закавказье турецкий войскам со стороны азербайджанских татар, довершали картину отчаянного положения армянского населения и бежавшей из Турции армянской массы, которым по географическому положению надлежало принять на себя первые и главные удары от турецкой армии через обнаженный фронт, причём все армяне отлично сознавали, что турки применяют в отношении их ту же политику истребления, которую они провели у себя. Вот то положение, в котором очутились армяне в конце 1917 г.

---

³⁹ Я думаю, что это мнение неправильно. Образование добровольческих отрядов, конечно, бестактно до преступности, и оно могло быть толчком к массовым истреблениям армян. На самом деле младотурки, надо думать, руководствовались другими соображениями: в случае потери своих европейских областей, Турции ничего не оставалось, как и сосредоточиться в своем первоначальном очаге – в Анатолии. А последняя, начиная с 1915г. была под таким сильным давлением русских войск, а армянское население в ней настолько дышало жадной занятии страны русскими войсками, что уничтожение его одновременно парализовало бы всякую помощь с его стороны русской армии и раз и навсегда покончило бы с армянским вопросом, кошмаром, душившим Турцию.

Это было время полной растерянности и, по моему мнению, вынужденного и вымученного энтузиазма, борьбы неорганизованной нации против испытанной турецкой армии. Бесконечные словопрения в Закавказском Сейме о необходимости отстоять общий фронт при фактическом расхождении интересов главных закавказских народов от приближения турок были совершенно бесплодны. Также тщетны были его запугивания Турции "революционной демократией". Представители держав Антанты в Тифлисе заявили о своем бессилии помочь надвигающемуся на край бедствию.

Таким образом, армянский народ был предоставлен исключительно своим собственным силам. Надежда одними армянскими силами предотвратить оккупацию Закавказья турками была очень слаба, тем более при настроениях в татарских массах. Все это повелительно требовало от Армянского Национального Совета принятия всех мер, в чём бы они не заключались, прежде всего для спасения физического существования армянского народа. Какой ценой? Не было ни времени, ни обстановки для обсуждения. Закавказская власть, а с нею вместе и остатки войска на Кавказском фронте в состоянии непонятной атрофии шаг за шагом делали туркам дипломатические и позиционные уступки, и линия фронта, таким образом, всё более и более приближалась к армянским областям.

В этих условиях отправка делегации в Германию была скорее жестом отчаяния, чем более или менее обдуманной мерой. Быстрота, с которой делегация была командирована, диктовалась элементарным инстинктом физического самосохранения, и никто не делал себе иллюзии на счет того, что вопрос шёл не о столкновении двух армий, а об уничтожении армянского населения Закавказья, которое турки считали препятствием их государственной прочности. Поэтому, первейшее жизненное требование – сделать всё, чтобы предупредить такую катастрофу.

Мы так и понимаем нашу миссию. Но именно эти широкие, ничем неограниченные полномочия, весьма тягостны. Не имея никаких официальных доказательств нашего права идти при переговорах на самые крайние средства вроде принятия так называемой германской ориентации, и не имея уверенности, насколько мы могли бы иметь достаточный авторитет для ведения от своего имени переговоров в этой плоскости, мы не знаем, какие собственно конкретные уступки мы могли бы сделать в Берлине, чтобы добиться воздействия Германии на Турцию. Поэтому я считаю желательным подвергнуть этот вопрос обсуждению в Московском Армянском Комитете. На этом я остановился и сел.

– Вы сделали длинное вступление, но до существа вопроса не дошли, – сказал председатель собрания И.Г.О. Последнее-то и важно. Вы, несомненно, вследствие возложенного на вас поручения, больше думали в пути об этом, чем мы. Нам интересно узнать прежде всего ваше мнение, как делегата. В частности, меня интересует, как вы представляете эту "германскую ориентацию?" Мы со всех сторон слышим о ней,

произносим эти слова, но не знаем, в чем она должна выразиться и к чему она обязывает нас, армян?

– Согласен, – ответил я, но я сознательно в виде вступления дал исторический очерк политической ориентации армянского народа, чтобы самому себе и всем, с кем придется обсуждать этот вопрос, было ясно, насколько армянский народ был традиционно верен своей ориентации на Россию, несмотря на иногда очень горькие разочарования, пережитые им. Трудность изменения этой ориентации усугубляется тем, что судьба Турецкой Армении не может разрешиться ни при каких условиях без согласия России, как пограничной державы, и следовательно, отвернуться от России, значило бы собственными руками погубить дело, из-за которого армяне понесли гекатомбы жертв. Кроме того, отвернуться от России означало бы для армян не что иное, как оказаться в тисках Грузии, Азербайджана и Турции, без выхода к морю и с очень сомнительным покровителем – Германией. Армяне чувствуют всё это и потому не решаются непоправимым шагом погубить и себя и идею автономной Армении. Для армян это роковой вопрос. Это вытекает из моего доклада. Но из него не следует, что армянский народ попал в такое положение сейчас, которое требует какого-то нового способа разрешения, ибо помощь от традиционного "покровителя" исключается.

Крайние революционные элементы, в лице большевиков, были виновниками оголения фронта, и, кроме того, они же открыли широко ворота в Закавказье турецким войскам, сдав им Карс, Ардаган и Батум. Таким образом, на обоих полюсах российской ориентации – в лице царя и большевиков – эта ориентация дрогнула, а с ней вместе всякая надежда ожидать спасения с севера. В корне изменившееся положение требует и соответствующих мер. Это сознают все. Но если углубиться в свои собственные чувствования и чувствования армян, можно уловить инстинктивную потребность не сделать ничего такого, что может оказаться непоправимым, если колесо истории вновь повернется в пользу России.

И в самом деле, кто из нас, ошеломленный внешними и внутренними событиями в России при продолжающейся в Европе войне, верит безоговорочно, что положение вещей внутри России и позор Брест-Литовского договора останутся незыблемыми? Наоборот, хотя это быть может и привычка мысли, все мы чувствуем, что такое положение вещей долго продержаться не может. Поэтому создавшееся положение предписывает такие мероприятия с нашей стороны, которые бы отвечали его статике, не нарушая Германии с ее предполагаемой динамикой. А это значит, что мы должны приспособиться к создававшемуся положению, не предвещая дальнейших шагов, иначе говоря, не ставя резко вопроса о принципиальной позиции армянского народа. Так ограничительно и следует понимать это громко и страшно звучащее слово "ориентация", и в таком понимании небезнадежны и вполне реальны те уступки, которые мы могли бы сделать Германии и ее союзникам...

– Например? – спросил кто-то.

– Думаю,– продолжал я,– что в основание переговоров в Берлине будет положено признание с нашей стороны сдачи Турции Карса, Ардагана и Батума, и мы, к великому сожалению, должны будем это признать. Затем от нас вероятно потребуют прекращения агитации в странах Антанты и в нейтральных странах против Германии и, в частности, Турции. С этим придётся согласиться. Далее. Германия потребует, чтобы мы не принимали участия ни в какой группировке против неё и её союзников, и быть может ещё, что бы мы не выступали на будущей мирной конференции с ходатайствами, противоречащими её интересам. И на это придётся согласиться, если Германия удовлетворит следующие наши контртребования: турецкие войска не перейдут установленных Брестским договором границ, не будут вести агитации против армян среди татар Закавказья и не будут вмешиваться во внутренние дела политического устройства Закавказья. Что касается армянских беженцев, скопившихся в Закавказье, Турция должна дать им право вернуться на свои места и обеспечить им жизнь, честь и имущество. Германия и её союзники гарантируют выполнение всех этих обязательств Турции.

Джамалян тут прибавил, что мы должны потребовать также самоопределения для Карского, Ардаганского и Батумского районов. Открылись прения. Я не помню их подробностей, но одно осталось в моей памяти определено, что моё толкование пресловутой "германской" ориентации собрание удовлетворило, ибо оно абсолютно не влекло за собою необходимости повернуться спиной к России. Мы просто обессиленные и неспособные после падения такого гиганта, как Россия, нести все бремя наших и её интересов в пограничных с Турцией областях, становимся в сторону от борьбы мировых сил, тем более, что угрожаемы физической всенародной гибелью. При этом никакого из говорящих не покидала надежда, что такое положение долго продолжаться не может, и рано или поздно Россия вновь войдет в "свои берега".

Помню также, что из частных вопросов особенно занял собрание вопрос о возвращении армянских беженцев в Турцию. Мне самому не совсем было ясно, насколько такое требование благоразумно? Правда, естественно стремление турецких армян вернуться в свои города и села и небезосновательно желание армянских политиков, чтобы армянские вилайеты в Турции были бы заселены, хотя бы и не очень густо, армянами, что, например, на мирной конференции имело бы значение. Но с другой стороны, если младотурки уничтожили армян у себя с тем, чтобы раз и навсегда избавиться от "проклятого" армянского вопроса, не жестоко ли было бы посылать беженцев, едва спасшихся от смерти, вновь в Турцию и тем вновь подвергать их смертельной опасности? И если большинство находило, что необходимо потребовать права беженцам возвратиться в их веками насиженные места, то это опять–таки, исходило из общего настроения, что пройдет немного времени и Россия вновь займет армянские вилайеты Турции.

Собрание не приняло никаких решений. Председатель И.Г.О. отказывался голосовать, как общий вопрос о предстоящей позиции армянского народа, так и частные вопросы. Несомненно, он избегал личной ответственности, но мотивировал некомпетентностью Московского Комитета связывать мандатами лиц, являющихся делегатами Армянского Национального Совета, т.е. высшего национального органа. Он только формулировал общее мнение и настроение, что "при создавшихся условиях делегация в Германию необходимо, что нация физически угрожаемая, вправе принимать все меры для своего спасения, что армянский народ полон веры, что прежняя связь его с Россией восстановится и что закавказские армяне не чувствовали бы себя в такой опасности, если бы они не были связаны с нерешительной политикой одного соседа – грузин и с предательством – татар". Формулировка почему–то не была запротоколирована и, насколько помнится, протокол этого собрания, которому с самого начала придали характер "частного совещания", не вёлся. Поэтому в конце совещания я с помощью председателя зафиксировал его формулировку в своей записной книжке, которая сохранилась и поныне.

Когда все уже встали, кто–то заметил, что, быть может, в то время как мы волнуемся и обсуждаем как быть, армяне и грузины в Трапезунде на конференции и на фронте прекрасно справляются с турками, и мы, делегаты, оторванные от Тифлиса, можем зря слишком далеко зайти в Берлине в своих уступках. Этот проклятый вопрос о связи всю дорогу стоял перед нами, как неразрешимая проблема, парализуя все наши планы, лишая их ясности и энергии. И здесь было достаточно, чтобы кто-нибудь затронул его, чтобы у всех пропала охота продумать до конца наши задачи в Берлине. Но тут Джамалян сообщил (цитирую из своего письма): "Из Ростова и Петрограда ежедневно сообщают, что такие переговоры, какие возложены на нас, уже ведутся".

Сообщая об этом жене в том же письме своем, я писал: "...мы не знаем, как и в каких рамках ведутся переговоры. Кроме того мы не знаем, к каким пришли уже соглашениям, чтобы сообразно с ними держать и курс наших переговоров... Необходимо, чтобы отныне никто, кроме нас, никаких переговоров не вёл"⁴⁰.

Мы с Джамаляном не раз обсуждали вопрос, как бы добиться вмешательства Советского правительства в создавшееся положение вещей в Закавказье, чтобы задержать продвижение турок. Реального в этом смысле, кроме следующей телеграммы, за подписью Чичерина и Караяна, отправленной в Берлин, мы добиться не смогли:

"Турецкая армия продвигается к Батуму, Карсу и Ардагану, разоряя страну, и уничтожая крестьянское население. Ответственность за дальнейшую судьбу армян ложится на Германию, ибо по её настоянию были выведены русские войска из армянских областей, и ныне от

---

⁴⁰ Все это я писал для сообщения Армянскому Национальному Совету через Пападжанова.

неё зависит сдержать турецкие войска от обычных эксцессов на почве мести и озлобления. Трудно мириться, что бы культурное государство как Германия, имеющая возможность воздействовать на свою союзницу Турцию, позволила, чтобы Брестский мирный договор послужил для армянского народа, втянутого помимо своей воли в эту мировую войну, источником неисчислимых бедствий. Поэтому Совет уверен, что Вами будут приняты необходимые и только от Вас зависящие меры к воздействию на турецкие власти с целью предотвращения уничтожения мирного населения, как это имело место в Ардагане.

Чичерин. Карахан⁴¹".

3.2. Встреча с Троцким

В процессе обсуждения с Джамаляном вопроса о вмешательстве советской власти я как-то сказал ему, что считаю не лишним, если мы обстоятельно поговорим об этом с ответственными вождями РСФСР, например, с Лениным, Сталиным, Троцким. Ленин был для нас недосягаем. Точку зрения Сталина мы уже знали (она подтвердилась в цитированном выше его письме к Шаумяну) и надо было полагать, он высказывал не только свое личное мнение. Джамалян сказал, что он у Троцкого просил помощи снаряжением, винтовками, благожелательными приказами, но принципиального вопроса о военной помощи Советской власти на Турецком фронте он перед ним не возбуждал. Мы решили, что не мешает вопрос этот возбудить, хотя он и выходит за пределы наших полномочий. Но с кем переговорить? Мне ужасно не хотелось разговоры вести с Троцким. Его известные тогда выражения "Мы сократим интеллигенцию (или интеллигентов – не помню точно) только на одну голову" и другие в этом роде настраивали меня против него. В нем чувствовалась какая-то кровожадность, которая подтверждалась выражением его глаз на громадных портретах, которые тогда, наряду с ленинскими были выставлены в витринах многих магазинов. Когда я высказал Джамаляну,

---

⁴¹ Телеграмма эта помечена 13-м апреля, т.е. когда мы уже не были в Москве, и на следующий день нашего выезда из Петрограда в Германию. Помнится, что текст её Джамалян ещё в Москве согласовал с Караханом, а когда мы были уже в Петрограде, он по телефону снесся с Москвой (быть может, с самим Караханом), откуда его заверили, что телеграмма высшими инстанциями одобрена и пойдёт по назначению. Телеграмма эта опубликована в "Документах и материалах по внешней политике Закавказья и Грузии (см.стр.192) под заглавием "Протест советской власти против продвижения турок". Адресат указан: "Тифлис, Дворец, 31 марта (13 апреля), через Батум из Москвы". Конечно, адрес этот – бессмыслица. Настоящий адресат не указан в телеграмме почему-то. Но, несомненно, таковым была Германия. Посланная в Тифлис телеграмма не что иное как копия. Кстати, содержание и тон телеграммы явно свидетельствуют, что она была в основном редактирована армянами. Чичерин и Карахан с доверием подписали её. Она также является доказательством того, что советские вожди отлично давали себе отчёт в том, какое создалось на турецком фронте положение для армян благодаря Брестскому договору, и что они всячески старались быть нам полезными.

что у Троцкого глаза точно вампира, он сказал: "А когда говоришь с ним, и он на тебя смотрит – глаза точно ребенка."

Продолжая разбирать несколько виднейших лиц, с которыми мы могли бы переговорить на тему о вмешательстве, пришлось в конце концов остановиться на Троцком. Он совмещал в себе наиболее для нас выгодные качества, – был тогда очень влиятелен, был председателем одной из советских делегаций в Брест-Литовске, по прошлым отношениям с армянскими революционерами был знаком с армянским вопросом и, наконец, был противником разбойничьего Брест-Литовского договора. Мы на нем и остановились.

Мы решили, что необходимо самим хорошо уяснить всю мотивировку нашего домогательства, для чего я взялся набросать проект записки, тем более, что Троцкий мог предложить нам выразить наши пожелания письменно. Затем необходимо было организовать наше посещение Троцкого так, чтобы была возможность обстоятельной и доверительной беседы, ибо в приемных вождей – Сталина, Троцкого и др., да и везде толпилось всегда так много народа в те первые дни образования новой государственной власти, до такой степени не соблюдался порядок в приеме, что всякая беседа беспрерывно прерывалась "без доклада" входящими в кабинет людьми.

Я долго думал о форме записки. Написать ее в виде хатайства, просьбы не было никакого смысла, ибо мы не были не только представителями Закавказского правительства, но не были уполномочены на это даже Армянским Национальным Советом. Поэтому я решил написать её безлично за подписями моей и Джамаляна, в виде соображений по поводу положения, создавшегося в Закавказье в результате передачи Турции Карса, Батума и Ардагана и неизбежности продвижений турецкой армии за пределы, намеченные Брест-Литовским договором. Такая записка была бы неофициальной, но в то же время и не совсем частной, так как я и Джамалян подписали бы ее, как делегаты Армянского Национального Совета, нигде, однако, не говоря, что мы уполномочены от имени А.Н.С. просить Советскую власть прислать свои войска и т.п. Таким образом записка получила бы официозный характер. Ниже привожу текст этой записки.

"Уход общероссийских войск с турецкого фронта, Брест-Литовский договор в целом и сдача Турции Карса, Ардагана и Батума в частности поставили население Закавказья в исключительно тяжёлое положение, с которым не может идти в сравнение положение населения Украины, оккупированной армией империалистического, но, во всяком случае, цивилизованного государства – Германии. В личных наших беседах с вождями советской власти России мы убедились, что они вполне признают эту разницу между положениями, создавшимися в Закавказье и в оккупированных на Западе России областях. Подтверждается это также телеграммой, направленной в Тифлис за подписью т. Карахана 2 марта, (т.е. накануне подписания Брест-

Литовского договора) о которой мы впервые узнали здесь в Москве. Последний абзац этой телеграммы гласит: Самым серьезным ухудшением условий 21 февраля – отторжение от России округов Карса, Ардагана и Батума под видом самоопределения". Следовательно, руководители советской политики сами признавали, что при всём разбойничьем характере последнего германского ультиматума (от 21 февраля) требования, касавшиеся закавказских границ, оказались самым серьезным ухудшением в указанном германском ультиматуме.

Карс, Ардаган и Батум по справедливости называются ключами к Закавказью и вследствие этого имеют большое динамическое значение. Поэтому трудно себе представить, чтобы турецкая армия, заняв эти пункты, добровольно задержалась на границах, указанных в Брест-Литовском договоре, если не встретит сильного сопротивления. В Закавказье никто не делает себе иллюзии на этот счет. Наоборот, все убеждены и полны понятной тревоги, что турецкая армия проникнет во внутренние области края, а занятием важнейшего порта – Батума почти отрезет его от общения с внешним миром.

Так как все бедствия, которые неизбежно должны произойти от этого как по времени, так и по интенсивности должны постигнуть, прежде всего, армянское население, живущее в наибольшей близости к турецкой границе и так как шансы на возможность организации закавказской властью сильного военного сопротивления турецким войскам по многим основаниям и уже имеющимся симптомам невелики, мы, нижеподписавшиеся, решили обратить внимание руководителей советской власти России на надвигающуюся в Закавказье катастрофу и высказать ряд соображений по поводу оказания со стороны РСФСР военной и дипломатической помощи Закавказью, в котором оно в настоящее время так сильно нуждается.

Нам приходилось слышать мнение некоторых ответственных лиц советской власти, что Советское правительство обязано воздержаться от всяких действий, которые могли быть истолкованы союзными державами, с которыми оно несколько дней тому назад ратифицировало мирный договор, как попытку нарушить условия этого договора. К числу таких действий, по мнению указанных лиц, должны быть отнесены, прежде всего, такие, как например передвижение войск в сторону Закавказья на линию турецкого фронта независимо от того, имеет ли возможность Советское правительство после демобилизации армян, послать в Закавказье необходимые военные силы.

Кроме того, нам указывалось, что турецкие войска не только ещё не переступили границы, определенных Брест-Литовским догово-

ром, но даже не успели занять ещё и те области (Карса, Батума и Ардагана), которые отошли к Турции по договору о мире⁴².

В виду этого посылка войск сейчас в Закавказье, на турецкий фронт, в силу голого, т.е. фактами не обоснованного, предложения, что Турция не удовлетворится границами, установленными Брестским договором и продвинет свои войска вглубь Закавказья, может быть истолкована Союзными державами и Турцией не иначе, как поддержка со стороны правительства РСФСР отрицательной позиции, занятой Закавказским Сеймом в отношении Брест-Литовского договора, точнее тех пунктов, которые касаются Закавказья, на что правительство РСФСР при настоящем соотношении сил не может пойти во избежание осложнений её внешних отношений.

Не нам судить о фактических возможностях РСФСР, мы позволили себе коснуться соображений только формального порядка.

РСФСР заключила в Бресте договор, в которой есть пункты, касающиеся Закавказья. Следовательно, Советское правительство считает Закавказье, входящим в состав РСФСР. Образование Закавказского правительства, независимого от советской власти РСФСР, должно быть квалифицировано не как акт отпадения Закавказья от общероссийского государства, а как результат не признания, имеющий источником своим Октябрьскую революцию. Что общественность и население Закавказья не считает его выделившимся из состава России, видно уже по названиям высших правительственных и революционных органов края: Краевой центр солдатских и рабочих депутатов, Закавказский Сейм, Закавказский Комиссариат. Все эти названия неслучайны, ибо высшая в крае власть формально не делала никакой декларации об отпадении Закавказья от РСФСР и образовании независимого государства.

Протест, сделанный Закавказским правительством в международном масштабе о непризнании им Брестского договора, касающегося Закавказья и его границ и заключенного без ведома и одобрения Закавказского правительства, вызван телеграммой т.Карахана от 2 марта и является логическим последствием непризнания правомочности Советского правительства заключать договоры, касающиеся территории Закавказья, на которое власть его не распространяется. Тем более, что этот договор наносит непоправимый удар Закавказью.

---

⁴² 6 апреля 1918г. Реуф-бей, председатель Оттоманской делегации в Трапезунде потребовал от делегации Закавказского Сейма исполнения в 48 часов требования Оттоманского правительства о признании Брест-Литовского договора и сдачи округов Карса, Ардагана и Батума. А 8 апреля Чхенкели (председатель делегации Сейма) послал шифрованную телеграмму Закавказскому правительству, в которой сказано "...обстоятельства круто изменились к худшему: положение на фронте ещё хуже, чем рисует нам бюллетень I 45-ый: Ардаган взят, судьба Карса решится на днях; железная дорога в Батуми, вероятно, будет перерезана, турки в восьми верстах от Батума".

Сила этого удара признается самой же советской делегацией в Бресте, телеграммой в Тифлис, в которой отмечается, что уступка Турции Карса, Ардагана и Батума является "самым серьезным ухудшением" условий германского ультиматума 21 февраля и советская делегация, признавая это, безоговорочно подписала весь договор в целом, не воспользовавшись самим собою напрашивающимся предложением, что власть РСФСР не распространяется на Закавказье, и тем более, что турки одновременно вели переговоры с Закавказским правительством о перемирии и мире.

Следовательно, Советское правительство, считая Закавказье бесспорной частью РСФСР считала правомочным принять на себя все обязательства, а следовательно, и всю ответственность, вытекающие из Брест-Литовского договора.

Положение, создавшееся на турецко-кавказском фронте, заставляет предвидеть два важных последствия: расправу турками с христианским населением в занимаемых ими по Брестскому договору областях и дальнейшее безостановочное продвижение турецких войск вглубь Закавказья. И то, и другое несут за собою неисчислимые бедствия для края и населения. Несмотря на все усилия Закавказского правительства, оно едва ли сумеет организовать военное сопротивление организованной турецкой армии, ибо распад общероссийского войска деморализующе подействовал на дух местных войсковых частей. Как бы ни была расштатана русская армия, покинувшая Западный фронт, тем не менее, на таком сравнительно небольшом фронте, как Кавказский, русская военная сила в авторитет такого государства, как Россия могут спасти Закавказье от неминуемой катастрофы.

Каждое государство вправе принимать у своих границ превентивные меры для предотвращения нарушения со стороны бывшего неприятеля условий, заключенными с ним мирного договора. Поэтому посылка на Кавказский фронт русского войска в помощь местным переформированным отрядам не может расценено Турцией иначе, как в вышеуказанном смысле, тем более, что несмотря на все свои заигрывания с правительством "независимого Закавказья", на какую-либо удочку закавказская демократия не поддается, она сама признавала Брест-Литовским договором Закавказье неотъемлемой частью России. Вмешательство и военная помощь России со стороны правительства РСФСР является долгом его перед Закавказьем, тем более, что ещё в бытность нашу в Тифлисе, главнокомандующий турецкой армией на Кавказском фронте недвусмысленно заявил Главнокомандующему кавказской армией, что он будет продвигаться вперед пока не встретит русской армии и что переформированные местные войсковые части он не может признать русскими войсками.

Мы, нижеподписавшиеся, не уполномочены Закавказским правительством и вообще никем возбуждать здесь вопрос о военной помо-

щи Закавказью со стороны России. Мы это делаем по личной инициативе, считая своим долгом, ввиду оторванности в настоящее время РСФСР от Закавказья, информировать руководителей Советской России о создавшемся положении в нашем крае.

В Закавказье надвигаются трагические события и если дело дошло до того, что мы, представители наиболее в настоящее время угрожаемой нации, едем к друзьям наших врагов – в Германию с почти с безнадежным поручением добиться воздействия на союзницу, то по этому можно судить, какая важная задача встает перед революционной демократией РСФСР, с которой в течение десятков лет боролась на передовых позициях и неразрывно с ней связана революционная демократия Закавказья. И если существуют какие-то преграды в виде разницы в государственных системах обеих частей великой России, но они настолько ничтожны, что при первом же жесте братской защиты со стороны РСФСР, при появлении первых её отрядов у границ Закавказья и личном контакте руководителей Советской республики с представителями высших революционных органов Закавказья под напором всеобщего энтузиазма они рухнут, как наспех и быть может неизбежным стечением обстоятельств воздвигнутые тощие перегородки".

Утром после ночи, когда я составлял эту записку Джамалян пришел ко мне. При переписывании мы внесли в неё кое-какие стилистические изменения. Затем переписанный экземпляр был отнесен к Ваану Теряну, который почти ничего не изменив в тексте, сделал в конце заключительное, очень удачное добавление, которое, к сожалению, у меня не сохранилось. Помню только его смысл. Он был написан в духе моей ключительной фразы, но в более сильных выражениях.

В этом виде "Записка" была сдана в печать машинистке, после чего я и Джамалян её подписали, поставив и наши титулы: "члены делегации Армянского Национального Совета в Германию", ибо без этого "Записка" лишена была бы какого-либо значения, всё это делалось торопливо, т.к. час и день приема у Троцкого мог быть назначен в любое время. Посредником для приема нашего Троцким, кажется, был тот же Ваан Терян. Вечером Джамалян сообщил мне, что приём назначен на следующий день в 2 ч. дня.

На следующий день утром (даты не помню, в заметках моих не отмечено), но по расчету это должно было быть между 20 и концом марта. Джамалян позвонил мне и сообщил, что он вызван из Ростова к аппарату (кажется, Амо Оганджянном) как раз в 2 часа дня и поэтому не может пойти со мной к Троцкому. Меня это очень смутило, т.к. Джамалян уже был знаком с Троцким и уже бывал у него. Помимо того, что наши устные объяснения могли бы разойтись, совершенно неудобно было идти с такой бумагой одному к тому же новому человеку. Я попросил его добиться, чтобы Терьян или Прошьян пошли со мной. Окончательного ответа я должен был ждать у себя до часа дня. К часу дня я получил от

Джамалаяна записку, в коей он сообщал, что Прошьяна никак найти не мог, а Терьян болен. При записке была и визитная карточка Троцкого небольшого формата с надписью

**Лев Давидович
Троцкий**

с правой стороны карточки под фамилией карандашом была помечена дата дня и час (2 часа), вероятно рукой самого Троцкого. Мне бросилось в глаза, что карточка была напечатана не литографически, а довольно отбитым типографским шрифтом.

Нечего было делать – мне пришлось идти одному.

Было без четверти два, когда я приехал в дом, где тогда принимал Троцкий в своей новой должности народного комиссара по военным делам⁴³. В приемной было много народа, почти все военные, большей частью молодые люди новоорганизуемой армии, но были среди них и пожилые, по виду старьекадровые офицеры. Троцкого ещё не было. Пришлось его долго ждать и за это время приемная все более и более наполнялась людьми.

В ожидании Троцкого один молодой военный делал записи фамилий лиц, пришедших на приём с обозначением "по какому делу". Я не хотел в присутствии всех говорить о своем "деле", тем более, что его трудно было сформулировать и сказал лишь, что Троцкий сам назначил мне приём, знает в чём дело, в знак чего достал и передал этому военному визитную карточку Троцкого.

Троцкий приехал к 4 часам, и о его приезде стало ожидавшим известно от секретаря, т.к. Троцкий, приехав, прошел в свой кабинет не через приемную. Спустя час вызвали меня, и секретарь ввел меня в кабинет Троцкого.

Троцкий, не поднимая голову, что-то быстро писал и только тогда, когда я подошел к столу, кивнул головой в знак того, что знает, что к нему вошли, но что вот сейчас докончит письмо, и не глядя на меня промолвил: "прошу". Я сел в стоящее рядом со столом кресло. Докончив письмо, Троцкий позвонил и сказал тот час же вошедшему секретарю, передавая ему написанное: "Скажите там, чтобы немедленно на машинке размножили штук сорок". Затем, повернувшись ко мне, сказал: "Я Вас слушаю".

Пока Троцкий писал какую-то бумагу, я внимательно разглядывал его. Он очень походил на свои портреты, тогда повсюду выставленные, с той только разницей, что был полнее и вследствие этого черты его лица были менее резки. У него был довольно широкий гладкий лоб с зачесанными назад густыми волосами. Взгляд острый и быстрый, но непри-

---

⁴³ После освобождения Троцкого от обязанностей народного комиссара по иностранным делам, он был назначен народным комиссаром по военным делам (в феврале 1918 г.)

ятный. Чувствовалось, что вот-вот из его уст должна сорваться злая насмешка. Я обратил внимание на его руки, небольшие, довольно изящные и аристократические. Он очень красиво держал ручку в руке. По мере того, как разворачивалась наша беседа, новые впечатления складывались во мне от духовного облика Троцкого.

Беседу мне пришлось вести в крайне напряженной атмосфере, т.к. Троцкий, будучи всего две недели назначенным на новую должность был интенсивно занят по организации своего комиссариата и Красной Армии, вследствие чего в эти первые дни организационного и революционного периода, всё делалось на ходу, быстро, без соблюдения особых формальностей.

Секретарь непрерывно входил с какими-то бумагами "на подпись", и хотя Троцкий сделал ему распоряжение никого не впускать, поминутно открывалась дверь, откуда выглядывали разные лица, – узнать, кто сидит у Народного комиссара и нельзя ли будет войти, причем некоторые очевидно такие, которым Троцкий не считал себя вправе воспретить войти "без доклада", входили и стоя заводили разговор с Троцким. В этих случаях я прерывал разговор и не возобновлял, пока входящий не уходил. Но я заметил, что и Троцкий не очень желал, чтобы наш разговор мог быть услышан, хотя бы в обрывках, входившими к нему военными людьми, быть может, и крупными партийцами.

На слова Троцкого "Я Вас слушаю", я, прежде всего, заметил, что пришёл один, т.к. товарищ мой был вызван к прямому проводу с Ростова как раз в час, назначенный для приема у него и что при отсутствии каких-либо связей с Закавказьем, нельзя было отказаться от такого редкого вызова. Затем я сказал, что пришел изложить ему положение вещей, сложившееся у нас в связи с передачей туркам Карса, Ардагана и Батума.

Тут Троцкий махнул рукой и сказал, почти прервав меня.

– Вы, конечно, должны знать, что я во всём этом непричём.

Правду сказать, тогда я мало был в курсе всех стадий Брест-Литовских переговоров. Я знал, что договор был подписан Сокольниковым, но я не знал тогда, что Троцкий был ярким противником принятия германского ультиматума от 21 февраля и был в числе оппозиции, отвергавшей этот ультиматум на пленарном заседании ВЦИК рабочих, крестьянских и солдатских депутатов в Петрограде 24 февраля. Всё это мне стало известно позже. Но на меня произвело скорее отрицательное впечатление такое поспешное заявление (с первого же слова) Троцкого, да и то ему неизвестному лицу, что он, мол во всем случившемся "моя хата с краю, ничего не знаю". Ведь так или иначе, он, как один из ответственных вождей партии и представителей власти, должен был держаться за пределами партии и правительства, так сказать, "общий фронт".

Я воспользовался репликой Троцкого и сказал ему:

– Вот потому, я хотел поговорить с Вами, объяснить Вам, в какое ужасное положение поставлено Закавказье с передачей Турции Карса,

Батума и Ардагана, тем более, надо думать, что турки этим не удовлетворяются и будут продвигаться вглубь нашего края,

– Это уж наверное, – дал реплику Троцкий.

– Но в таком случае, совершенно непонятно, почему русская делегация, приехавшая в Брест, безоговорочно согласилась на неожиданное требование о сдаче Турции трех вышеуказанных областей, требование, которого не было в последнем ультиматуме противников?

– Дело в том, – сказал Троцкий, что наша делегация в сознании полного своего бессилия сделала, так сказать, героический жест, – приняла текст мирного договора, не обсуждая его. Иначе говоря, приняла как навязанный.

– А если бы русская делегация заявила, что она подпишет мирный договор в пределах, принятых ВЦИК ультиматума, и следовательно, отвергая турецкое требование, жест этот сохранил бы полную свою силу. Русская делегация превысила как бы свои полномочия, и вот мы теперь горим в огне.

Троцкий вновь махнул рукой и сказал:

– Что случилось, то случилось, потерянного не воротишь. Лучше подумать о том, как быть теперь. Верно, что у вас мобилизуются новые войсковые части? Как идет мобилизация? Почему Вы думаете, что, соединенными силами народов Закавказья не удастся дать отпор туркам?

Я объяснил Троцкому различное отношение армян, грузин и татар к войне с Турцией и невозможности при этих условиях создать сильное сопротивление турецким войскам. Я указал, что всё бремя борьбы ложится на армян и что вследствие этого совершенно необходимо вмешательство или военная помощь третьей силы.

Троцкий заинтересовался при этом, как мы намерены обставить наше обращение к Германии с просьбой о вмешательстве? На это я ответил, что мы, делегаты, очень мало верим в эффективность нашего обращения. Турция – союзница Германии и очень нужная, при том успехи турок на Кавказе с конечной целью завладеть Баку, не могут быть противны интересам срединных держав. Остается одно – дать понять германскому правительству, что оно несет ответственность за кровопролитие, которое учинят турки среди христианских народов Закавказья, как несёт она ответственность за уничтожение армянского населения в Турции.

– А если Вас спросят, признаете ли Вы Брестский мир? Если Вы не признаете, они с Вами и разговаривать не будут.

На это я ответил, что мы чувствуем всю тяжесть этого вопроса и всячески ищем из него выхода.

– Какой же Вы нашли выход?

– Выход, быть может единственный – заявить, что Закавказье не признает общероссийской власти. Отсюда – логический вывод, – Брестский мир для него необязателен.

– Потому–то турки и завели сепаратные переговоры с Закавказьем в Трапезунде. Они тоже не глупы, предвидят такое возражение. Как идут переговоры в Трапезунде? Надо им показать силу.

Далее я объяснил, насколько трудно было бы особенно нам, как представителям армянского народа, чрезвычайно верного в своей российской ориентации, искать выхода по пути отрыва от России, тем более, что германское правительство может потребовать более авторитетной и торжественной декларации в этом духе со стороны Армянского Национального Совета.

Тут Троцкий вновь повторил свой совет, данный ранее Джамалю – поднять большой шум в странах Антанты и в нейтральных по поводу надвигающихся в Закавказье кровавых событий. "Ваши Женевские дашнаки мастера в этом деле", – добавил он с легкой, иронической усмешкой.

Боясь, что беседа может скоро закончиться, а Троцкий, почти предчувствуя в чём главная тема моего посещения, я поспешил прямо перейти к основной задаче и сказал, что все эти мероприятия мало надежны и, наконец, чрезвычайно нежелательны и рискованны (вроде декларации об отпадении от России), что единственно реальной силой может быть Россия.

– Но, каким образом?

– Посылкой войска на Кавказский фронт.

–Какого войска? Войска у нас нет. Мы только вот организовываем новую Красную Армию, но не для того, чтобы сейчас воевать. Народ устал от войны. Россия воевать не может. Наконец, не забывайте, что мы подписали мир.

Все эти возражения Троцкий делал с некоторым раздражением и темпераментам, всё более и более горячась.

Мне нетрудно было выставить свои аргументы, что мир обязывает не только одну сторону, что каждая сторона вправе принимать превентивные меры для предотвращения нарушения новых границ.

– Заставьте турок держаться хотя бы тех границ, которые обусловлены Брест-Литовским договором. Ведь Россия окажет сопротивление немцам, если они, вопреки договору, начнут двигаться вглубь России.

– Идти на помощь Закавказью, не признавшему советскую власть? – резко возразил Троцкий.

– Правительство Закавказья – это одно, а его народы – другое, товарищ Троцкий. Россия сама признает Закавказье, входящим в её территорию. Неужели, Лев Давидович, для правительства России не возникает обязанностей пойти на помощь населению края, поставленному в исключительно опасное положение передачей Карса, Батума и Ардагана, являющейся, как признает Карахан в своей телеграмме "самым серьезным ухудшением условий германского ультиматума от 21 февраля"? Делегация Сокольниковы вправе была отвергнуть этот пункт, отсут-

ствующий в ультиматуме. Она этого не сделала, и Россия ратифицировала договор с этим пунктом.

Далее я старался всячески настроить Троцкого в пользу военной помощи со стороны России. Разговор психологически и по времени близился к концу, и мне следовало экономить каждую минуту. Я стал объяснять Троцкому, что появление русских войск в Закавказье произведет необычайный эффект. Население воскреснет духом, и всякие отдельные переговоры с Турцией в Трапезунде сами собой сведутся на нет. Протянутая рука братской помощи создаст атмосферу, в которой отграничение революционной демократии Закавказья, какой бы платформы не придерживались её вожди, делается невозможным, и Закавказье сольется со всей Россией, как неотъемлемая часть...

Я заметил, что на Троцкого эти слова произвели некоторое впечатление, но он заметил со своей стороны это и, как бы, не желая, чтобы это впечатление во мне укрепилось, жестко возразил:

– Чего нам лезть туда, откуда нас не зовут, не просят и не признают.

На это я со своей стороны возразил, что Закавказье – младший брат, а младший и более слабый бывает обычно и более самолюбивый, и что такой силе, как Россия, не стоит ждать формального призыва.

Неожиданно Троцкий сказал:

– Я поговорю с товарищами.⁴⁴

Я достал свою "Записку" и передал ему со словами, что "Записка" составлена спешно и, быть может, не столь удачна, но что вся сила аргументации в создавшемся критическом положении для закавказских народов.

Беседа с Троцким длилась около 25 минут. Я должен признаться, что редко испытывал в диалоге такое напряжение нервов и мысли, какое мне пришлось в данном случае перенести. Постоянное появление секретаря и разных военных лиц, боязнь исчерпать время, не успев сказать главного, всё время мешали ясному развертыванию беседы. Сама манера Троцкого слушать далеко не воздействовала сосредоточению мысли. Он поминутно то делал заметки на календаре, на визитных карточках, в блокноте, то переключивал бумаги. К счастью, всё это не мешало ему внимательно следовать нашему разговору, на что я не мог не обратить внимания. Мне очень мешало в выборе тона разговора то обстоятельство, что позиция Троцкого была для меня неуловима. То он изображал себя как бы прокурором Брест-Литовского договора, то заметив, что слишком далеко зашел в этом направлении, набрасывался на меня за контрреволюцию Закавказья.

В словах, тоне и манерах Троцкого было много силы и темперамента и во мне скользнуло даже такое впечатление, что он старался пока-

---

⁴⁴ Позже, когда мы находились в Германии, мы узнали, что помощь военным снаряжением из Советской России поступила.

зять себя с этой стороны ещё более ярким. Потом в беседах с товарищами я называл его Алкивиадом.⁴⁵

Это заявление сделано на заседании 5/18 января 1918 г. "Недели две тому назад" составят примерно середину декабря 1917 г. Я не знаю, о каком военном съезде идет здесь речь? Вызвано ли было такое категорическое утверждение дипломатическими соображениями, или Троцкий сделал его на основании действительных фактов. Небезынтересны по этому вопросу выдержки из резолюций и отношений высших органов Краевой Закавказской власти за период времени от Октябрьского восстания до даты заседания (5/18 января 1918 г.), на котором Троцкий сделал свое заявление.

Ограничусь телеграммой Краевого Совета Кавказской армии на имя Всероссийского Учредительного собрания, посланной как раз в тот же день – 5/18 янв. 1918 г.:

"Краевой Совет Кавказской Армии шлет свое горячее приветствие и свою полную поддержку открывающемуся сегодня Всероссийскому Учредительному Собранию, обещает этому единственному хозяину Земли Русской свою полную поддержку и выражает твердую уверенность, что никакие силы не смогут помешать ему творить волю революционной демократии". Тифлис, 5/18 янв. 1913 г. (см. Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии, Тифлис, 1919, с. 26) Разительно здесь противоречие, обнаруживающееся в двух заявлениях, сделанных в один и тот же день. И случайно ли Кюльман задавал этот вопрос именно 5/18 января? Знал ли он и мог ли он знать о существовании этой телеграммы?

3.3. В ЦК партии народной свободы

С первых же дней своего пребывания в Москве я желал установить связь с ЦК партии народной свободы или, по крайней мере, с отдельными лидерами партии, если ЦК последней не функционировал.

---

⁴⁵ Когда я разговаривал с Троцким, я не знал того категорического заявления, которое он сделал на заседании Брест-Литовской конференции. Привожу здесь из стенографического протокола вопрос, заданный на пленарном заседании Троцкому председателем, германским министром иностранных дел Кюльманом.

"Но я хотел бы, если председатель русской делегации ничего не имеет против этого, предложить ему еще несколько вопросов в связи с темами, затронутыми в одном из заседаний до рождественского перерыва. Может ли г-н председатель русской делегации сказать мне – конечно он вправе мне не ответить – каково в данное время положение дел на Кавказе, и находится Кавказская армия под непосредственным влиянием Петроградского правительства?"

Троцкий: "Хотя этот вопрос затрагивает непосредственно интересы турецкой делегации, у меня нет никаких оснований не ответить на него, поскольку он касается наших переговоров. Кавказская армия находится всецело под командою властей, подчиненных Совету Народных Комиссаров, и это было недавно, недели две тому назад, подтверждено на всеобщем съезде делегатов Кавказского фронта".

На основании устава партии, члены ее областных комитетов, будучи в столице, были вправе принимать участие на заседаниях Центрального Комитета с правом решающего голоса. Для меня, как члена Закавказского комитета партии, представлялся удобный случай принять участие в заседании ЦК, познакомиться с лидерами партии, за время существования Государственной Думы успевших приобрести обаяние, сделать ЦК информацию о развивающихся в Закавказье событиях (которые ему тогда были совершенно неизвестны) и, кстати, неофициально выяснить для себя отношение лидеров партии к той миссии, которую мы должны были осуществить в Берлине. Однако, после долгого размышления, я решил этого последнего вопроса официально на обсуждение не ставить.

В те дни Партия народной свободы могла, конечно, действовать нелегально. Помимо того, что в это время была уже установившаяся Советская власть, и Совет Народных Комиссаров имел свою резиденцию в Москве же, в Кремле еще далеко неизгладившееся впечатление от убийства Шингарева и Кокошкина (выдающихся деятелей партии Народной свободы), оставшегося притом безнаказанным, могло служить показателем прочим лидерам, что их может еще ожидать. Поэтому, не только ЦК собирался конспиративно, но и сами наиболее видные члены старались быть незамеченными, причем Родичев, помнится, даже изменил свою характерную прическу.

Через члена ЦК М-ма (Мандельштама?), который жил в одном и том же со мною доме, я дал знать о своем желании быть на ближайшем заседании ЦК и через него же я получил словесное приглашение. Конспиративное заседание было назначено в частной квартире на Никольском бульваре. Мне было сказано, что после того, как на звонок мне откроют дверь, я должен назвать свою фамилию.

Когда я вошел в комнату, заседание уже шло. Это была средних размеров гостиная частной квартиры, в которой заседало около 12–15 человек (конечно, это был далеко не весь ЦК). На рояле лежала чайная посуда. Две женщины собирались разливать чай.

С первого же взгляда я узнал известных лидеров партии, лица которых достаточно уже были известны по их часто печатавшимся портретам. Тут был, например, Головин, бывший председатель второй Государственной Думы с его характерными усами и выдвинутым вперед подбородком, князь Шаховской⁴⁶ с длинной бородой и, несмотря на княжеский титул, очень смахивающий на еврея, князь Долгоруков, Кишкин и другие.

---

⁴⁶ Шаховской Д. И., князь (род. в 1961 г.) видный земский деятель, активный участник земских съездов 1904–05 годов. Один из организаторов «Союза освобождения» (1903 г.). С 1905 г. – левый кадет и бессменный член ЦК кадетской партии. Член и секретарь первой Государственной думы. За подписание Выборгского воззвания в был приговорен к заключению в крепость. С 1917 г. с мая по июнь входил в коалиционное (временное) правительство. В советское время – деятель советской кооперации.

Милюкова и Родичева, которых я больше всего хотел видеть, на заседании не было. Председательствовал Кишкин, сидя сбоку за маленьким столиком у окна. Остальные сидели в креслах, на диване и стульях, расположившись по-домашнему.

Кишкин взволнованно и повышенным голосом излагал эволюцию последних событий. Существенную часть его доклада составляло утверждение, что немцы, несмотря на Брестский мир (фактически, мол, вследствие него), шаг за шагом овладевают всеми пунктами Москвы, что некоторые здания полицейских участков находятся уже в их руках или под их контролем. Он возмущался, что никто не обращает внимания на такие факты и что народ проявляет скандальное равнодушие ко всему этому, а большевики либо помогают немцам, либо делают вид, что не замечают, что делается вокруг. Если не обратить внимания на этот ход вещей и не принять своевременно мер, Москва, заключил слово Кишкин, в скором времени окажется в руках немцев.

– Что же надо сделать? – спросил один неизвестный мне член ЦК, записывающий в свою толстую тетрадь все, что говорилось на заседании, не знаю в качестве ли секретаря или лично для себя. Вопрос этот "что же надо сделать", сразу же воскресил в моей памяти сделавшийся историческим, стереотипно поставленный Чернышевским и Лениным и по-разному отвеченный. И вот, этот вопрос "что делать" вновь, но в другой обстановке, грозно встал перед русским обществом.

– Что делать? – повторил председатель, – вот я и ставлю этот вопрос на обсуждение и решение, приняв в основание, что наша партия не может, не вправе занять нейтральную позицию и глядеть, как благодаря пагубной деятельности большевиков, страна захватывается немцами.

– Наполеона сделать? – спросило, не поднимая головы и все записывая в свою толстую тетрадь, то же лицо.

В этом вопросе была некоторая доля иронии, хотя и не злой, но во всяком случае дешевой, и некоторые усмехнулись.

– Наполеона – не Наполеона, а то, что мы должны создать противодействие, – как будто несколько задетый, повышенным голосом, ответил Кишкин.

По этому вопросу никакого серьезного и конкретного предложения никем сделано не было, и ЦК, насколько помнится, не вынес по нему практически никакого постановления и у меня от дискуссии осталось впечатление, что все свелось к тому, что надо и далее "быть в курсе событий" и "иметь постоянную информацию".

Затем слово было предоставлено мне.

Так как Закавказье уже несколько месяцев было отрезано от внутренней России, я вынужден был изложить развитие военнополитических событий с самого начала революции. Доклад мой продолжался около часа и был выслушан с живым интересом, в особенности в той части, где я рассказывал об организации у нас национальных войск и твердой решимости всех политических партий не дать турецкой армии

вторгнуться в наши пределы. Особенно сильное впечатление произвело на членов ЦК мое сообщение, что ещё до подписания Брестского мира закавказские правящие сферы, узнав о предъявленном Германией ультиматуме от 21 февраля, открыто заявили, что народы Закавказья не могут признать договор, заключенный без участия его представителей, если он коснется и Закавказья.

Было явно заметно, что на слушателей, приведенных в полное отчаяние от событий в России, ободряющим образом действовал тот факт, что в России оказался хоть один угол, где большевикам не удалось захватить власть и где население, несмотря на свою малочисленность, имеет решимость мужественно отстаивать свою родину от сильного врага.

В своем докладе я, между прочим, указал, что благодаря социалистическим партиям националистические устремления в Закавказье были несколько обузданы, что позиция закавказских татар после ухода русских войск и началом продвижения турецких очень подозрительна, что, как член общероссийской партии, я обязан вполне объективно констатировать слабость надежды на полное единодушие между армянами и грузинами в деле защиты фронта, что наибольшая опасность угрожает армянам по географическим и историческим причинам и что, наконец, ввиду почти катастрофического положения вещей, Армянский Национальный Совет, развив наибольшую активность по организации национальной армии, решил обратиться к Германии, апеллируя к ней, как к христианской и цивилизованной державе, с просьбой удержать Турцию от вторжения в пределы Закавказья.

После некоторых вопросов, заданных мне и одобрительных замечаний, собрание перешло к следующему вопросу.

Профессора Н. и К. сделали информацию о визите, который они нанесли по поручению ЦК послу Соединенных Штатов Америки Френсису, находившемуся тогда в Вологде⁴⁷. Это была интересная информация, и поэтому я хочу её здесь отметить.

Насколько я понял указанные делегаты ходили к послу Френсису выяснить, чем была вызвана известная телеграмма президента Соединенных Штатов Вудро Вильсона 4-му Всероссийскому съезду Советов, который был созван в Москве для ратификации Брестского договора о мире⁴⁸.

---

⁴⁷ Послы держав Антанты в начале марта 1918 г. переехали из Петрограда в Вологду. Официальные и неофициальные причины следующие: протест против заключения Брест-Литовского договора, опасность дальнейшего пребывания в Петрограде под угрозой германской оккупации, нежелание переездом в Москву, вслед за переездом Совета Народных Комиссаров, "признать" советскую власть.

⁴⁸ Привожу часть Вильсоновского послания 4-ому Чрезвычайному съезду Советов: "хотя правительство США, к сожалению, в настоящий момент не в состоянии оказать России ту непосредственную и деятельную поддержку, которую оно желало бы оказать, я хотел бы уверить русский народ через посредство настоящего съезда, что правительство США использует все возможности обеспечить России снова полный суверенитет и полную незави-

– Но посол Френсис пошел еще дальше "мудрого Вудро", он спросил, почему мы, кадеты, отказываемся работать с большевиками? – сказал один из докладчиков.

Вопрос этот ошеломляюще подействовал на слушателей. Все ахнули от удивления, переглянулись и, ухмыляясь в недоумении, стали пожимать плечами. У всех на лице было выражение какого-то внезапного застоя мысли, как у человека, долго ищущего в извилистом переулке выхода и вдруг натыкающегося на тупик. И в самом деле, – делегация либеральной партии отправляется к представителю государства, которое в течение всего века создавалось и развивалось на принципе свободы, и вдруг он предлагает сотрудничать с большевиками, с "угнетателями всякой свободы", с этими "тиранами" и "предателями" собственного отечества! И кому предлагает посол сотрудничество? Партии, на знамени которой написано "конституция и свобода" и которая даже не социалистическая!

Надо признать, что недоумение ЦК было вполне основательно, ибо независимо от каких-либо "этических" соображений, вытекавших из демагогии большевиков в 1917 г., подписания "пахабного" Брестского мира и разгона Учредительного собрания, такое сотрудничество в управлении страной было абсолютно немыслимо. Предложение американского посла могло быть истолковано или как полным непониманием происшедших событий, или желанием подладиться под тон телеграммы президента Вильсона – его высшего начальника. Ибо совершенно бессмысленно допустить, что в момент коренного перелома политического и социального курса страны, партия, провозгласившая "диктатуру пролетариата" и считающая, что она произвела социальную революцию, могла бы поделить власть с наиболее тогда правой партией, представителей которых она даже называла "врагами народа".

Ясно, следовательно, что такое сотрудничество в верхах, у кормила управления государством было совершенно неосуществимо. Если же посол подразумевал, чисто техническое сотрудничество в общественном и

симость в её внутренних делах и полное восстановление её великой роли в жизни Европы и современного человечества. Народ США всем сердцем сочувствует русскому народу в его стремлении освободиться навсегда от самодержавия и сделаться самому вершителем своей судьбы". (Ключников, Сабинин. Международная политика нового времени, т. 2, с. 78).

Съезд ответил следующей телеграммой: "Съезд выражает свою благодарность американскому народу и прежде всего трудящимся и эксплуатируемым классам Северной Америки по поводу телеграммы, которой президент Вильсон через Съезд выражает сочувствие русскому народу в то время, когда Российская социалистическая республика подвергается тяжелым испытаниям. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика пользуется обращением президента Вильсона, чтобы выразить всем народам, страдающим и погибающим от ужасов империалистической войны, свое сочувствие и глубокую веру, что недалеко то счастливое время, когда трудящиеся массы всех стран сбросят ярмо капитала и утвердят социалистический порядок, который даст постоянный и справедливый мир, культуру и блага всем трудящимся". (перевод автора из газеты «Русские ведомости» 1919 г. № 61).

государственном аппарате, то в этом могло бы и не быть непреодолимых препятствий, кроме чисто этических.

Чтобы понять значение "этического" момента в этом вопросе, необходимо перенестись в то время, в эпоху 1918 г., когда решительно всё, что исходило от советской власти, считалось в обществе "извращением здравого смысла и морали", и следовательно, всякая работа, всякая деятельность, всякая служба хотя бы в низовом аппарате квалифицировалась, как соучастие в государственном преступлении, как способствование укреплению незаконной власти. Для иллюстрации такого умонастроения приведу один характерный факт.

Когда стало известно, что некоторые адвокаты, в их числе бывший член Государственной Думы Н. Я. Тесленко, стали выступать в большевистских судах в качестве защитников, в обществе и в самой адвокатуре раздался гром осуждений. Такие осуждения я сам слышал от адвокатов, которые своими выступлениями в царское время по политическим делам стяжали себе громкую известность. И если таково было отношение к такой всеми признававшейся святой обязанности, как судебная защита в каком бы то ни было суде, можно себе представить, каково должно было быть отношение к одной только мысли о поступлении на службу в административные и хозяйственные учреждения.

Всё это происходило весной 1918 г., когда Советское правительство только что переехало из Петрограда в Москву и кроме аппарата Совнаркома не имело почти нигде своего государственного аппарата, когда все учреждения предприятия, хоть и возглавляемые большевиками, продолжали функционировать своим старым составом служащих, когда выходили еще "буржуазные" газеты ("Русские ведомости" и др.), доживали дни банки. Всех их советская власть застала, так сказать, на местах и все старые служащие, жившие на жалованье в той или иной степени ждали своей участи. Но для людей свободных профессий при этой ломке всех идеологических основ социально политической жизни пойти на службу к большевикам считалось недопустимым. И если еще несколько лет спустя в кругах общества довольно стойко держалось мнение, что советская власть долго продержаться не сможет, то тогда, в первые месяцы после утверждения советской власти такое мнение было почти бесспорным и, тем самым, поступать на работу к большевикам и служить у них расценивалось как укрепление ненавистной власти, и следовательно, как измена идеям демократии и свободы.

Но как много изменилось с тех пор ...

По окончании заседания многие члены окружили меня и спрашивали подробности о событиях у нас, а также о впечатлениях в пути. Я со своей стороны спросил, почему отсутствуют Милюков и Родичев? О первом мне полупешотом ответили, что его нет в Москве, а о втором, что он отсутствует случайно.

3.4. Встреча с Родичевым

Спустя два дня Родичев⁴⁹ звонил ко мне на квартиру несколько раз. Меня не было дома и на вопрос хозяина квартиры (Попова), куда ему позвонить, Родичев ответа не дал.

Вскоре после того зашёл ко мне Г.С. Саркисов, тифлисец, живший тогда в Москве и пригласил к себе на ужин, на который пригласил и Родичева, часто у него бывавшего. Он устроил это свидание, по его словам, по просьбе Родичева, желавшего "поговорить с приехавшим с Кавказа членом партии Народной свободы."

Небезынтересен разговор с Родичевым с точки зрения характеристики тогдашних настроений интеллигенции.

На санях я поехал к Саркисовым на Зубовский бульвар, 19. Пока я беседовал с премилой хозяйкой Еленой Арсеньевной Саркисовой, открылась дверь, и в комнату вошел мужчина высокого роста. Он был до такой степени похож на слишком хорошо известные портреты Родичева, что я сразу бы его опознал, если бы не знал бы, что именно он ожидался. Единственное, что несколько меняло его облик – перемена в причёске. Я понял, что эта перемена не случайна.

После нескольких малозначащих фраз, которыми мы обменялись, я спросил Родичева, чем объяснить, что наша партия так легко изменила параграф 13 своей программы, который ставил своей задачей сделать Россию конституционно-демократической монархией (в силу чего партия и называлась кадетской), а после отречения Николая и Михаила признала Россию республикой? Я сказал, что задаю этот вопрос не потому, что считаю монархию идеалом, а потому, что он сам собою напрашивается. Еще в прошлом году я поднял этот вопрос на учредительном собрании нашей партии в Тифлисе (19 марта 1917 г.) и несмотря на то, что на нём присутствовали два члена Государственной думы (Татаринов и Тер-Петросян), я не получил ни от них, ни от председателя (Г.М. Туманова) удовлетворительного ответа. И так как такая внезапная метаморфоза в существенной части программы партии роняло её достоинство, я просил мой запрос занести в протокол.

Продолжая говорить на эту тему, я сказал, что из факта такой перемены в программе можно сделать следующие выводы: во-первых, что партия при её учреждении хотя и считала Россию созревшей для республиканского строя, однако вынуждена была считаться с фактом существования монархии, и во избежание народных потрясений, перелагала на эволюцию процесс перехода монархии в республику; или во-вторых,

---

⁴⁹ Родичев Федор Измаилович, родился в 1856 г., предводитель уездного Тверского дворянства, один из составителей адреса царю тверского земства в 1884 г. о необходимости дарования России конституции, участник земских городских съездов в 1904–05 гг., член "Союза освобождения", член Государственной думы всех четырёх созывов от Тверской губернии, один из организаторов и наиболее деятельных членов кадетской партии. После Февральской революции был комиссаром по делам Финляндии.

что партия, продолжая считать Россию созревшей до конституционно–монархического строя по чисто тактическим соображениям, ввиду добровольного отречения монарха от престола и провозглашения всеми левыми партиями республики, признала бесполезным настаивать на монархии, и тем самым, обресть себя на бессилие в новом государственном строительстве, тем более в атмосфере войны.

Родичев внимательно слушал и было заметно, что он всё время пыривался заговорить. Когда я закончил и заговорил Родичев, я получил такое впечатление, что ему не впервые приходится отвечать на этот вопрос. Он начал с того, что вопрос, заданный мною, не праздный, и что на седьмом съезде партии Народной свободы, состоявшемся 25 марта 1917 г. покойный Ф.Ф. Кокошкин выступил с докладом по этому поводу по поручению ЦК партии. Родичев объяснял, что наша партия никогда не считала парламентскую монархию лучшей формой правления, что эта мысль неоднократно была высказываема на учредительном съезде партии, на котором многие требовали провозглашения партии республиканской. Партия, тем не менее, стала за парламентскую монархию по тактическим для того времени соображениям.

Он стал быстро перечислять исторические случаи, когда партии под влиянием резко изменившейся конъюнктуры вносили в свои программы коренные изменения. Наконец, он добавил, что если при своем учреждении партия была вынуждена считаться с привычками населения к монархическому строю, то потом Николай II до такой степени уронил в глазах народа себя и династию, что всякая попытка восстановления монархии была бы совершенно безнадежной и бессмысленной, тем более, что волною революции был ниспровергнут сам принцип монархии.

Выразив сожаление, что ему не удалось быть в ЦК во время моей информации о закавказских событиях, Федор Измайлович попросил, хотя бы вкратце, повторить ее. По мере того, как я рассказывал о принимаемых у нас мерах для защиты фронта, он то и дело давал реплики:

– Молодцы ...

– Конечно, не то, что у нас ...

– Там люди, а здесь скоты ...

И, нервно встав, зашагал по комнате.

Вошла хозяйка и попросила к столу. За ужином Родичев взволнованным голосом описывал то "моральное и хозяйственное разрушение, которое внесли в страну большевики."

– Народ предоставлен самому себе, своим грубым, низменным и преступным инстинктам, он гибнет от голода и болезней. Поймите, – воскликнул он, схватив меня за локоть, – прекращена всякая борьба с венерическими болезнями, которые теперь беспрепятственно распространяются в населении.

С горечью, большим темпераментом и выразительными словами он признавался, что никогда ранее не мог себе представить, чтобы русский народ до такой степени мог быть равнодушен к своим правам, чести и

отечеству. Он употреблял настолько сильные выражения и так сгустил краски, что я несколько раз вмешивался в это национальное самобичевание, но тщетно. Он меня не слушал, не допускал возражений, и продолжал говорить, точно произносил речь. Мне оставалось молча слушать его, переглядываясь иногда с хозяевами и любясь темпераментом этого 60–летнего человека. И слушая, я понимал, какое должен был производить впечатление этот трибун в Государственной Думе, отдаваясь потоку собственного красноречия. Несомненно, это был оратор чувства.

– Выходит так, что мы ошиблись в русском народе? – заметил я.

– Да что Вы? Вы еще молоды, да и откуда Вам было его узнать? А вот что я, все свои 60 лет проживший среди своего народа, не раскусил его, – вот это ужасно! Мы все идеализировали его. Но этот народ бесчестный и казнокрад. Он не может жить без обмана. Посмотрите хотя бы на рабочие артели, артели по загрузке и выгрузке вагонов. Они так и норовят друг друга объегорить. Из такого народа ни государства, ни социализма не создать.

– Что же тогда осталось от республики? – спросил я.

На это Родичев ничего не ответил. Тогда я спросил:

– Значит по Вашему, Федор Измайлович, были неправы Милюков и К°, опровергавшие в своем сборнике "Интеллигенция в России" те отрицательные качества, которые приписывали в "Вехах" русскому народу Струве, Булгаков, Франк и другие, называвшие его безрелигиозным, антигосударственным и еще чем-то?

Но Милюков ведь лидер лидеров партии Народной свободы, и Родичев, после некоторого колебания, ответил

– Были не правы.

Далее я спросил, верно ли, что Милюков держится германской ориентации и что это означает, то есть, как это нужно понимать?

Родичев ответил неопределенно, сказав, что Милюков разошелся с ЦК партии и в нем сейчас не принимает участия. Мне неудобно было допытываться, где в настоящее время находится Милюков, так как видимо это скрывалось.

Следующее заседание ЦК партии Народной свободы, на котором я присутствовал, состоялось в другом месте. Заседание было кратковременным и протекало небрежно и беспредметно. На этом заседании было меньше членов ЦК, чем на первом, но на нём был Родичев. Здесь же я встретил А.К. Дж., армянина, я не знал, что он состоит членом ЦК. У меня создалось впечатление, что люди собрались лишь для взаимной информации только потому, что заседание было "назначено". До открытия заседания кн. Шаховской, держа в руках пачку своих портретов, отпечатанных на открытках, рассматривал их и показывал другим. Я невольно подумал, какое время заниматься фотографированием себя?

На заседании вновь и почти натянуто обсуждался безнадежный вопрос, как пробудить в народе патриотическое чувство, для оказания со-

противления немцам. Когда один из членов ЦК стал излагать свои предложения на этот счет, Родичев начал нетерпеливо ходить по комнате из угла в угол в ожидании, когда говоривший окончит свою речь.

Слово потребовал Родичев и сказал:

– У нашего народа нет патриотического чувства. У него нет государственного сознания. Можно организовать то, что есть, но того чего нет организовать нельзя. Русский народ достоин своей участи. Вглядитесь, как он реагирует на всё, что происходит вокруг него – с полным безучастием и воспринимает всё как должное и обычное. Сегодня в трамвае я наблюдал, как реагирует публика на сообщения газет, которые многие в это время читали, на занятие немцами Харькова и других городов. С полным безразличием. Я не слышал ни одного возражения, досады, возмущения. Хотя бы выругался кто-нибудь. А вы сравните, как легко этот же народ реагирует, возмущается и ругается по самым обыденным случаям, непосредственно его задевающим!

Родичев говорил всего 2–3 минуты. Но речь его, интонация, волна чувств, произвели сильное, угнетающее впечатление.

После несколько долгой паузы молчания заговорил Шаховской, очевидно считавший необходимым смягчить впечатление от выступления Родичева.

– Я нахожу, Федор Измайлович, что Вы в корне ошибаетесь. Если русский народ так плох, значит плохи и мы, так как мы не раз в полемике с нашими противниками, утверждали, что русская интеллигенция, в частности наша партия, является прямой выразительницей нашего народа. Я протестую против тяжких обвинений, которые Вы возвели на наш народ, ибо простой народ везде одинаков.

Не возражая этим словам, Родичев, как бы продолжая свою речь, порывисто сказал:

– Вам ничего не удастся. Всё потеряно. В этом вы скоро убедитесь. Поймите, народ нас не понимает и не желает ни понять, ни признавать. Он следует за теми негодьями, которые льстят всем его инстинктам и обещают всякие блага. А если вы желаете выступить и действовать, так помогите Закавказью спасти свою свободу от турок, тому Закавказью, которое, как оно ни мало, сумело оградить себя от большевистской тирании. Идите туда, там сохранилась еще честь!

Слова эти произвели сильное впечатление. Заседание вскоре было закрыто, не приняв определенных решений. Все начали расходиться. После этого заседания я уже не встречался с лидерами нашей партии.

Я уже писал, что связь – железнодорожная и дипломатическая между Германией и Россией еще не была восстановлена, вследствие чего не было никакой возможности из Москвы проехать в Берлин. Пока этот вопрос окончательно выяснялся, мы много нервничали, бегали в разные учреждения, прося содействия в выезде в Германию. Драгоценное время уходило на это топтание на месте, и мы, наконец, решили выехать в Петроград в надежде проехать через Финляндию. Билеты мы достали

через какой-то железнодорожный комитет. Поезда ходили неаккуратно, масса мешочников валилась в вагоны бесплатно. Выехали мы из Москвы к вечеру 4-го апреля и прибыли в Петроград на следующий день в час дня.

4. На пути в Германию

Петроград, 5–10 апреля 1918 г.

В эти дни мы энергично были заняты вопросом, как проехать в Финляндию. Но этот путь оказался невозможным, так как, как нам говорили, граница герметически закрыта финской властью, нашими белогвардейцами и бандитами. Общались с деятелями Петроградского Армянского Комитета. Джамалян установил телефонную связь с Москвой, с Народным Комиссариатом по иностранным делам РСФСР и Армянским Комитетом. Я набрасывал черновики предстоящих письменных выступлений в Берлине.

11 апреля с Н.Х. Калантаровым (присяжным поверенным) поехали к шведскому посланнику генералу Брендстрёму. Я взял его с собою, как бы для пущего представительства (Калантаров являлся членом Петроградского Армянского Комитета), так как Джамалян «из революционности» не пожелал ехать к посланнику.

Сани быстро подкатили нас к дому посольства на набережной. О нас доложили, и вскоре швейцар на крохотном лифте поднял нас на второй этаж.

Мы вошли в кабинет посла. Навстречу нам поднялся высоко роста мужчина лет 60-ти с военной осанкой. Я сказал посланнику, что обращаюсь к нему от имени делегации Армянского Национального Совета с просьбой взять на себя посредничество между нашей делегацией и Министерством иностранных дел Германии, чтобы дать нам возможность выполнить возложенную на нас задачу, что мы и без того задержались, встревожены доходящими до нас из Закавказья слухами о действиях турок и просим помочь нам добраться каким-либо путем до Германии.⁵⁰

Посланник спросил:

– А вы признаете Брестский мир?

Я объяснил, что когда мы выезжали из Тифлиса, там о постановлениях Брестского договора ничего не знали. Но теперь, когда мы узнали, что этим договором Турции уступается Карс, Батум и Ардаган, могу наверняка сказать, что Закавказье такого мира принять не может.

– Ну как же так, – возразил он с резкостью, – тогда вы не можете ехать в Берлин.

На это я заметил ему, что нет никакой уверенности в том, что Турция будет придерживаться границ Брестского договора. Наша задача за-

---

⁵⁰ Я выбрал для посредничества шведского посланника, так как было известно, что в течение войны Швеция, хотя и нейтральная, склонялась в сторону Германии.

ключается в том, чтобы добиться воздействия Германии на Турцию не переступить этой границы и не продвигаться вглубь Закавказья.

Генерал Брендстрём сказал, что в скором времени в Москве ожидается новый посол Германии граф Мирбах, а в Петрограде – германо-российская делегация (не помню какая) и он надеется, что делегация прибудет на следующей неделе, и он сможет обратиться к ней от нашего имени.

Я подумал, что обратиться к делегации мы могли бы и сами непосредственно, но сказал только, что это продлится слишком долго и попросил его, минуя Стокгольм, снести, ввиду спешности, непосредственно с Берлином. На это он возразил, что это совершенно невозможно. Тогда я ему рассказал, что у нас было намерение поехать прямо в Псков (после которого начиналась нейтральная зона), где германские власти могли бы снести с Берлином, но для этого надо быть допущенными в Псков, занятый немцами. Посланник одобрил наш план, добавив, что готов написать о нас генералу фон Штангену, германскому командующему в Пскове, но при этом он не уверен, что это верная гарантия попасть в Берлин. Мы сказали, что обдумаем этот проект.

В тот же день состоялось совещание нашей делегации с некоторыми членами Петроградского армянского комитета (Н.Х. Калантаровым, Н.Г. Адонцем, А.О. Гукасовым). Обсуждали проект телеграммы, которую мы предполагали просить Карахана послать министру иностранных дел Германии от имени Народного комиссариата иностранных дел РСФСР.

Наша просьба, переданная Джамаляном по прямому проводу Карахану, последним была уважена.

13 апреля н.ст. за подписью Чичерина и Карахана телеграмма была отправлена по назначению (в Берлин), а в копии – в Тифлис. Вот её текст:

Тифлис. Дворец. Через Батум из Москвы. 31 марта (13 апреля)

Турецкая армия продвигается к Батуму, Карсу и Ардагану, разоряя страну, и уничтожая христианское население. Ответственность за дальнейшую судьбу армян ложится на Германию, ибо по её настоянию были выведены русские войска из армянских областей, и ныне от неё зависит сдержать турецкие войска от обычных эксцессов на почве мести и озлобления. Трудно мириться, что бы культурное государство как Германия, имеющая возможность воздействовать на свою союзницу Турцию, позволила, чтобы Брестский мирный договор послужил для армянского народа, втянутого помимо своей воли в эту мировую войну, источником неисчислимых бедствий. Поэтому Совет уверен, что Вами будут приняты необходимые и только от Вас зависящие меры к воздействию на турецкие власти с целью предотвращения уничтожения мирного населения, как это имело место в Ардагане.

Чичерин. Карахан»

На том же совещании мы обсудили и составили проект телеграммы от имени Армянского Национального Совета министру иностранных дел Германии и в копии – председателю германского рейхстага (проекты этих телеграмм у меня не сохранились, во всяком случае, они не были отправлены).

Наконец, мы вновь стали обсуждать способ, путь и время нашего переезда через границу. Я и Джамалян высказались за немедленный выезд в Псков с письмом шведского посланника. Л. Назарян противился. Мы исходили из того, что его вечный поиск «хороших путей» заставляет нас терять время. Вообще говоря, Л. Назарян всегда производил на меня в высшей степени «комфортабельного революционера». Решили выждать разговора по прямому проводу с Караханом на следующий день в 9 часов утра, чтобы узнать, согласится ли он переговорить с Берлином по поводу нашей делегации. Л. Назарян предложил ехать в Берлин с Иоффе, который только что был назначен полпредом России в Германии. Я счел этот способ тактически и фактически трудно осуществимым. Вошедший в это время М.С. Аджемов⁵¹ (бывший член Государственной Думы), прислушался к моему мнению, и мы это предложение отклонили.

Аджемов пригласил нас, членов делегации, к себе вечером на чашку чая. Пошли мы с Н. Адонцем и Н. Калантаровым. При тех ужасных продовольственных условиях, которые царили тогда в Петрограде, Аджемов очень недурно жил. Большой стол в столовой был накрыт сладостями. Его супруга держала себя очень важно. Аджемов несомненно человек большого практического склада, умел извлекать материальную пользу будучи членом Государственной Думы. В беседе с нами он высказал мнение, что пропорциональные выборы, слабо связывающие избирателя с обезличенным списком партий, а не лично с кандидатом, значительно облегчили разгон Учредительного собрания.

На вечере случился небольшой казус. Ктото, сидевший напротив Джамаляна, прозрачно высказался, что он, Джамалян каким может быть представителем армянского народа? Джамалян на это лаконично возразил:

– Я делегат Армянского Национального Совета.

То лицо продолжало в том же духе, и Джамалян вновь сказал:

– Я делегат Армянского Национального Совета.

Наконец Джамаляну пришлось в третий раз повторить эту фразу. Это произвело впечатление в том смысле, что нечего много разговаривать, коль Национальный Совет назначил его делегатом.

---

⁵¹ После Октябрьской революции Аджемов переехал в Париж и здесь был посредником между Леоном Манташевым и группой иностранных капиталистов, закупивших весь его портфель. Леон Манташев получил задаток в 60 млн. французских франков в счет продаваемых активов на сумму 360 млн. а Аджемов 20 млн. комиссионных за всю сделку. Капиталисты после первого взноса отказались от сделки, а сделанные взносы остались у Манташева и Аджемова. Пишу со слов В.Д. Корганова, женатого на сестре Леона Манташева, который тогда тоже был в Париже.

На этой чашке чая было довольно скучно, и мы вскоре ушли.

Петроград, 13 апреля 1918 г.

Сегодня в 9 ч. утра поехал в Европейскую гостиницу, к Ritter–Meister Schmant который тогда заведовал транспортом немецких пленных и больных по псковскому тракту, узнать, какие существуют перевозочные средства в Псков. Об этом тракте рассказывали ужасы. Он сказал, что поезд из Петрограда идёт только до станции Торошино, откуда начинается нейтральная зона шириной примерно в 20 верст, на которой будто орудуют «русские разбойничьи банды» и без охраны он нам советует не ехать.

Все эти задержки и колебания надоели нам. В час дня мы с Джамаляном поехали к шведскому посланнику с заявлением о нашем решении ехать в Псков, ввиду запоздания германской делегации и попросили обещенного им письма на имя германского командующего генерала в Пскове. Посланник пожелал вновь ознакомиться с нашими полномочиями и, распорядившись снять с них копии, обещал письмо на имя генерала фон Штангена прислать мне вечером на квартиру, что было конечно очень любезно с его стороны.

Небезынтересно отметить, что когда я рассказал посланнику о предостережениях Ritter–Meister Schmant, что на пути орудуют «русские банды», он воскликнул: «Да, говорят. Но они все бандиты», – при этом многозначительно взглянув на меня, Слова эти были произнесены в сердцах и с гневным раздражением, и во взгляде посланника ясно читалось, что под этим «они» он имел в виду большевиков всех рангов. Меня удивило такое откровенное излияние из уст дипломатического представителя. Но это можно объяснить только тем, что тогда вообще мало кто верил, что большевистская власть могла продержаться долго.

Вечером я действительно получил от посланника обещенное письмо. Оно не было запечатано. Вот его содержание (в переводе с немецкого):

Посольство Швеции

Петроград 18 апреля 1918

Ваше превосходительство!

Настоящим прошу о свободном проезде в Берлин нижепоименованных делегатов Армянского Национального Совета для переговоров с германским правительством относительно политического устройстве Турецкой Армении, а именно для

г-на Аршака Джамаляна

г-на Липарита Назариана

г-на Георгия Мелик-Карагезиана.

Благоволите, Ваше превосходительство, принять от меня уверение в совершенном к Вам уважении.

Генерал Брендстрём

Печать

*Его превосходительству фон Штангену,
командующему генералу в Пскове.*⁵²

При том положении, в котором находились тогда армянские дела, мы были слишком далеки от мысли о политическом устройстве Турецкой Армении, тем более, что там не осталось ни одного армянина. Наша задача была спасти закавказских армян и те сотни тысяч беженцев из Турции, которые во время мировой войны укрылись в Закавказье в прифронтной полосе. А спасти и тех, и других можно было только задержав продвижение турецких войск в Закавказье. Это была единственная реальная наша миссия, которую мы и представили посланнику Швеции. Поэтому редакция его письма к генералу фон Штангену объясняется тем, что он скопировал ее из текста официального полномочного письма, выданного нам Армянским Национальным Советом. Первой моей мыслью была попросить посланника внести изменение в его письмо, ибо как могла Германия, к тому же во время войны, принять миссию для переговоров на тему, одно название которой приводило Турцию в бешенство. Я боялся, что такая редакция могла бы послужить препятствием нашему приему официальной Германией, тем более, что все такого рода обращения непременно передавались ею заинтересованной стороне, в данном случае – Турции. Но было неудобно вновь обращаться к посланнику, тем более, что он добросовестно списал текст с нашего официального документа.

На следующий день я поблагодарил посланника следующим письмом на французском языке.

Петроград, 14 апреля 1918 г.

Ваше превосходительство!

Имею честь подтвердить получение Вашего письма, адресованного фон Штангену, командующему генералу в Пскове.

Считаю своим долгом со своей стороны и от имени моих коллег по делегации еще раз поблагодарить Вас за то, что Вы согласились облегчить нам исполнение возложенной на нас миссии.

Прошу Вас, Ваше превосходительство, принять от меня уверение в совершенном к Вам почтении.

Г. Мелик-Карагезиан

*Его превосходительству генералу Брендстрёму,
полномочному посланнику Швеции.*

Петроград, 14 апреля 1918 г.

Узнав, что Александр Михайлович Аргутинский находится в Петербурге, в больнице, я навестил его. Когда я вошел в палату, навстречу мне вышел человек в халате, которого я узнал не сразу. Это был Аргутинский, но с бритой бородой и головой, без характерной шевелюры.

---

⁵² Брендстрём подписал не как посланник, очевидно, желая подчеркнуть личный характер его посредничества.

Александр Михайлович сказал мне, что сейчас идет преследование эсеров со стороны большевиков, что он нарочно сбрил голову и укрывается в больнице и вовсе не болен. Помнится, он сказал, что Шрёдер (эсер), Петроградский городской голова, уже арестован. На следующий день Ал. Мих. пришел ко мне с визитом, и мы условились насчет шифра, если мне придется посылать из Германии телеграммы. Он дал мне адрес доктора Истомина (Пушкинская 17, кв. 7). После этого я его больше не видел. В 1918 г. он скончался где-то на севере от воспаления легких⁵³.

Петроград, 16 апреля 1918 г.

Вооружившись всевозможными бумагами об оказании нам содействия со стороны революционных властей, обменяв часть «керенских» денег на сторублевые «николаевские», имевшие большую цену и купив сахару, настоящих чаю и кофе в предвидение, что в Берлине они могут нам пригодиться на официальных приемах, мы выехали с Варшавского вокзала. Нас устроили в особом купе штабного вагона, хотя и считавшемся привилегированным, однако пассажиры в нем чрезвычайно теснились.

Ст.Торошино, 17апреля 1918 г.

Из Петербурга ехали всю ночь и прибыли в 2 часа утра на ст. Торошино. Следы развала, безлюдья, беспорядка и крайнего утомления на всех лицах. Пили чай у станционного сторожа, он жаловался, что прежде, при царе, он получал 14 рублей в месяц и жил хорошо, а теперь керенками 30 и все голодают. Семья у него из семи душ, дети учатся. Жена его горько жаловалась на большевистские порядки: «нужна власть, нужен начальник, а так недъзя», – говорила она. За чай мы заплатили, вернее подарили, 20 рублей керенками.

Достав пропуск на проезд в Псков из какого-то комитета, имевшего свою резиденцию на этой маленькой станции и ставшей по условиям Брестского мира пограничной, мы наняли двое дрог за 120 рублей до Пскова. Дорога из Торошино в начале была просёлочной, и верст 5–7 мы проехали, а вначале прошли пешком через лесок по непролазной грязи, пока не достигли шоссе, начинающегося с деревни Кляпы. В деревне мы встретили покинутый броневой автомобиль с зенитной пушкой. Это было наше первое, если можно так выразиться, боевое, но безопасное крещение.

---

⁵³ А.М. Агутинский был одним из видных общественных деятелей Тифлиса, эсер. В молодости, как его брат Павел Михайлович, был сослан в Сибирь. О них обоих приведены сведения в Биографическом словаре политкаторжан. Ал. Мих. особенно был известен как муниципальный деятель, был долгое время гласным Тифлисской городской думы, несколько раз избирался членом Тифлисской городской управы и даже один раз (в 1903 или 1904 г. – городским головой Тифлиса, но не был утвержден в этой должности Голицыным. При наместнике Воронцове, в бытность городским головой Хатисова, был его заместителем. В 1917 году при муниципальных выборах послереволюционной первой городской думы Тифлиса социал-демократы (преимущественно грузины) не поддержали его кандидатуру в члены городской управы. Впоследствии он был избран заместителем городского головы Петрограда.

Нейтральная зона начинается с деревни Яхново. В начале зоны в поле нас останавливают два красноармейца, совсем молоденьких, лет 18–20-и с ружьями в руках, хмурые, злые. В стороне от шоссе палатки, откуда выглянуло несколько таких же лиц. Это очевидно зональный пограничный пункт.

Требуют паспорта и пропуска. Предъявляем. Спрашивают, есть ли у нас николаевские деньги.⁵⁴ Показываем бумагу, что наши вещи и деньги досмотру не подлежат. Малограмотные и плохо разбирающиеся в представленных документах, красноармейцы колеблясь, нехотя и с видом затаенного недрожжелательства говорят нам: ну, проезжай!

– Хорошо отделались, а то тут сквозь грабят, – сказал дрогоарь.

Прекрасный апрельский день. Солнце ярко светит и хотя на севере, даже греет.

Я еду на первых дрогах, лежа на сене, закинув руки за голову. Солнце приятно греет лицо, и легкие вдыхают свежий, еще не теплый воздух. Мои коллеги на вторых дрогах едут позади меня.

Что-то сказочное во всем этом, точно сон. Подумать только, где мы! На дрогах въезжаем почти в центр Европы – в Германию, проезжаем по местам, где совсем недавно гремели пушки, шли ожесточенные бои. Приподнявшись и обернувшись обращаюсь к товарищам с вопросом, не напоминает ли им это оригинальное путешествие путешествие Исаэла Ори 200 лет назад, когда он ездил за границу, там при дворах, искать вооруженной помощи восстанию армян против персидского владычества. И вот история почти повторяется.

Образцовое, прекрасно сохранившееся шоссе. В пути повсюду валяются покореженные пушки и броневики, спаленные автомобили, скелеты лошадей. За все время переезда зоны мы не встретили на шоссе ни одного проезжающего. Становилось жарко.

У деревни Кресты зона кончается. Издали замечаем несколько человеческих фигур. Оказывается, это германский пост. Очень сильное впечатление, когда впервые видишь вооруженного «врага», немецких солдат в массивных с широким верхом неуклюжих металлических касках. Они держат себя довольно безразлично вяло, возможно от жары. (как выносили немецкие солдаты такие каски летом ?!). Один молодой человек, стоявший среди них, заговорил с нами по-русски. Сказал, что он переводчик на посту, сам бывший русский офицер. Рассказал, что германские власти предложили пленным русским офицерам, служащим сейчас у них, носить германские погоны, но они, в том числе и он, отказались.

После проверки наших бумаг едем дальше. По мере приближения к Пскову – всюду германские часовые. Мы уже на окраине города. Германские офицеры тоже первые, которых мы встретили. Въезжая город, я

---

⁵⁴ На общем основании разрешалось провозить за границу 500 рублей на человека. Мы имели с собой 60000 рублей.

снял галоши, довольно потрепанные и ненужные в Германии и швырнул их как можно дальше в поле. При этом один из моих коллег сказал: «прощай матушка Россия!».

В Пскове все гостиницы переполнены. Идем в комендатуру. Заперто: feerabend – канун выходного дня (была суббота). Направляемся в другое учреждение. Тоже заперто. Часовой у дверей заметил «здесь не русские порядки. Когда праздник – тогда праздник». Но вот, открыв дверь, вышел к нам молодой человек, который повёл нас в другое учреждение, где совсем юный офицерик, рассмотрев наши бумаги, принял от нас письмо шведского посланника на имя генерала фон Штангена. Тот час он стал редактировать какую-то телеграмму, очевидно начальству, и сказал, что отвéдет нам комнаты в гостинице и предоставит право столоваться в офицерском казино.

Каждому из нас отвели отдельную комнату с чистой постелью в гостинице «Палермо» по 4 руб. 50 коп. керенками. Когда умывшись и переодевшись, мы спустились вниз в officier casino (бывший ресторан гостиницы, было какое-то странное, незабываемое ощущение! В казино было много ужинающих офицеров. То и дело входили офицеры, бряцая саблями, пыльные, словно с действующей армии. Все с изумлением оглядывали нас. Очевидно, либо никогда, либо уж очень редко бывали в этом казино цивильные лица. И среди этой совершенно чуждой кампании три армянина, бог весть откуда приехавшие. Я невольно мысленно перенесся на родину, задумался о своих родных...

Холодный ужин был обычным, немецким, хорошо мне знакомым – kalteranfschnitt. Порция стоила 1 руб.50 коп. керенками и состояла из ветчины, колбасы, картофельного салата и огурчиков. Немецкое пиво – бокал 20 коп., чашка кофе – 30 коп., сигара, очень недурная – 50 коп. Всё, по сравнению с ценами в России, конечно очень дешёво.

4.1. Проезд через Псков-Двинск

Псков, 18 апреля 1918 г.

Мы вынуждены терпеливо ждать разрешения проехать дальше, пока только в Двинск. Сказали, что это будет скоро. От нечего делать стал посещать различные учреждения и знакомиться с политическим положением оккупированных областей.

Германские власти для занятых областей установили твердый обменный курс для российских денег на немецкие, которые были отпечатаны на карточках формата почтовых открыток. Курс устанавливался на определенный срок и был обязателен при расчётах для всех. Таким образом предотвращалась спекуляция на курсах. Но циркулирующие здесь немецкие деньги на обычные немецкие марки-банкноты не обменива-

лись, а только на выпускаемые германским восточным банком специально для занятых русских областей немецкие рубли по курсу: 1 руб. керенками на 50 коп. немецкими рублями и 1 руб. николаевских на 65 коп. немецкими рублями. Обратно, то есть немецкие на керенки или николаевские не принимались. Причину отказа в обратном обмене мне так и не удалось выяснить, но возможно это делалось в целях внедрения немецких рублей, за которые, как за денежные суррогаты, Германия, в конечном счете, может и нести ответственности, а также в целях стянуть русские деньги с целью предъявления их России после войны.

В Пскове мне говорили, что в Берлине 1 руб. николаевских денег обменивали на 1 марку 30 пфеннингов, что и подтвердилось, когда мы обменивали деньги в Берлине. До войны 1 руб. российских денег обменивался на 2.13–2.15 германских марок, безразлично золотом или банкнотами. Не знаю, произошло это понижение в результате войны или революции. Конечно государство само могло устанавливать курс, благоприятный для германской валюты. Но если считать, что курс 1 руб. = 1 марке 30 пф. есть результат общей конъюнктуры, курс немецких рублей в Пскове соответствовал курсу немецких марок в Германии

Посетил городского голову Владимирова. Дума, избранная при Временном правительстве, оставлена немцами в силе. В её состав входили 3 социал-демократа, 12 кадетов, 29 гласных социалистического блока. Восемь большевиков, вероятно по требованию германских оккупантов, были заменены представителями других партий.

Управление военным округом охватывает Псковский и Луцкий уезды. Из округа в Германию вывозится масса продовольствия. Говорили, что в Риге и Юрьеве (Дерпте) положение с продовольствием весьма тяжёлое, ибо оттуда в Германию вывозится особенно много. По словам городского головы у крестьян есть и хлеб, и деньги. Газеты подвергаются цензуре немцами. Выходит получерносотенная газета «Псковский вестник» и одна, издающаяся немцами, русская газета. Кадетам продавать свою газету не разрешили. Выходило странно и многозначительно: оккупанты терпели Думу на три четверти социалистическую и не могли терпеть кадетской газеты, разрешали только черносотенную. Ларчик, вероятно, открывается просто: кадеты были патриотами, а черносотенцы, из ненависти к «жидам» и социалистам, готовы были продаться немцам. Социалистов немцы не боялись, как беспозвоночных граждан, для которых Россия была не первым делом. Большевиков же германские власти прямо преследовали.

Псков, 18 апреля 1918 г.

Сегодня нам сообщили, то уже получено разрешение о нашем выезде в Двинск. Выехали поздно вечером. Когда приехали на вокзал, я вспомнил, что недалеко от этих мест состоялось отречение Николая Второго. Мы ехали в русских вагонах в купе первого класса, в вагоне сукуно с сидений, как и повсеместно в России, было изодрано и снято,

стекла кое–где разбиты. В вагоне была абсолютная темнота. Мы заняли места, освещаемые светом с платформы вокзала. Только у кондуктора мерцал свет ручного фонаря. Вся поездная служба велась немцами.

В купе входили и выходили немецкие офицеры (мы узнавали об этом по звуку сабель), зажигая спичку и занимая места. Так мы ехали с этими военными, сидя друг против друга, но не видя друг друга. Возможно, если бы они знали, что среди них находятся совершенно посторонние, гражданские люди, притом не подданные Германии, они не говорили бы между собою так свободно. Порой казалось, что если наше присутствие станет известным, может произойти неприятность. Но при абсолютной темноте все вскоре вздремнули, укутавшись в плащи. Когда стало рассветать, два сидевших напротив нас офицера с необыкновенным изумлением стали нас разглядывать.

К пяти часам утра мы прибыли в Двинск. Мы сошли на перрон, сами вынося свои вещи. Были еще сумерки и холодно. Утомленные от полубессонной ночи, съезжившись от холода, мы стояли на перроне, обдумывая что предпринять дальше. Вдруг, быстрыми шагами к нам подошел молодой немецкий офицер и спросил:

– Простите, не вы ли господа делегаты Армянского Национального Совета?

На наше подтверждение офицер взял под козырек и, представившись заявил, что он назначен военным командованием встретить и принять нас.

Не знаю, как мои товарищи, но я разволновался до слёз. Командование великой немецкой армии послало своего представителя встретить делегатов маленького и несчастного народа, которому точно судьбой суждены погромы и унижения. Это было слишком ново и неожиданно. Такое признание национальной личности со стороны могущественного государства подбодрило и обнадежило нас, до этого утомленных и недоумевающих. Теперь же мы невольно приняли уверенную осанку и поблагодарили офицера за оказанное внимание.

– Для вас комнаты готовы, – доложил офицер. – Автомобили в вашем распоряжении. Но может быть вы предпочли немного отогреться и выпить чаю или кофе?

Мы охотно приняли последнее предложение, и офицер приказал неподалеку стоящим солдатами (оказавшимся шоферами) отнести наши вещи в автомобили. Мы уселись в два больших автомобиля и, так как было очень холодно, нас укрыли огромными шубами (вероятно награбленными при занятии русских областей, ибо таких в Германии я никогда не видел) и повезли на другой вокзал, где, по словам офицера, «будет лучше».

На этом другом вокзале нам подали кофе – ужасающий суррогат! Во время войны импорт настоящего кофе и чая в Германии прекратился. Мы захотели расплатиться, но офицер не позволил и расплатился сам, дав чаевых, одну керенку, весьма скудно.

Когда мы подъехали к гостинице, было уже светло. Нам отвели по одной комнате в лучшей гостинице, находящейся в распоряжении германских военных властей. «Вы не должны ничего платить. Единственное что вы можете, если захотите, это заплатить за простыни солдату гостиничной комендатуры» – заявил наш офицер. Это тоже получилось как-то нивно, по-немецки.

Расставаясь с нами он сказал: «Вы вероятно желаете отдохнуть. Когда прикажете зайти к вам утром?» Мы попросили его пожаловать к 11–и часам.

Зная, что хотя мы еще и не в Германии, но во всяком случае имеем дело с немцами, мы расходясь по своим комнатам, дали друг другу слово быть аккуратными и быть на ногах в 10 часов утра.

Наш «сибарит–революционер» Л. Назарян, разумеется, проспал, а я и Джамалян были уже наготове, когда наш офицер явился, конечно ровно в 11 часов. Он назвал еще раз свою фамилию (на вокзале мы ее не расслышали) – herr Schroder и после нескольких немецких слов прямо перешел на русскую речь. Нас это поразило. Оказывается, он – петроградский немец и учился в России. Теперь стало понятно – это был очень приятный молодой человек, без заносчивой вычурности немецкого кадрового officier. Русская простота очевидно оставила на нём свой отпечаток.

Herr Schroder спросил нас, разрешим ли мы ему привести с собой нескольких молодых офицеров, желающих с нами познакомиться. Мы, конечно, дали свое согласие, и в тот же день он привел своих товарищей. Почти все они говорили по–русски. Это были немцы из Риги, Дерпта и Петрограда. В течение двух дней они бывали у нас и днем, и вечером, и мы угощали их настоящим кофе и чаем с сахаром, которых они уже давно не вкушали.

Мы не могли не заметить, что они не были теми немецкими офицерами, которые общеизвестны своей типичностью, а совсем другими – без отпечатка касты, простыми и обходительными людьми. Сперва мы объясняли это тем, что господа эти росли и воспитывались в России, но вскоре должны были убедиться, что в этом была и другая причина, а именно, что масса интеллигенции, влившаяся из резерва в армию офицерами, не могла не изменить известного облика немецкого кадрового офицерства.

С нашими немецкими знакомыми вначале мы были сдержанны, подозревая в них замаскированных шпионов. Может быть, отчасти так оно и было, и они были из службы военной разведки и обязаны были следить, в особенности за приезжающими из России людьми (недаром они, знающие русский язык, служили в оккупированной области). Однако они производили такое впечатление, что посещают нас из личного интереса и симпатии к нам и из желания приятно провести время с новыми, приехавшими из России, людьми. Недурно знали они русскую литературу и

один из них, наиболее осведомленный, молодой граф Kaiserling,⁵⁵ назвавший себя писателем, изъяснялся довольно свободно.

Г. Мелик-Карагёзян. Берлин. 1900 г.

Говорили они много о русской революции и литературе, причем граф Кайзерлинг с восхищением произносил имя Керенского. Молодые офицеры не скрывали своего отвращения к туркам, и с их слов многие немецкие офицеры тяготились необходимостью воевать бок о бок с турками. Наши рассказы о зверствах турок в Турецкой Армении вызвали в них живое участие.

В первый же день нашего приезда лейтенант Шрёдер спросил нас, какова, собственно, цель нашей поездки в Берлин, ибо его начальству необходимо телеграфировать в Берлин. Вопрос этот поставил нас в несколько затруднительное положение. Наша миссия была ясна – добиться того, чтобы Турция хотя бы не переступала границ, намеченных Брестским договором и при продвижении до этих границ не совершала бы зверств над христианским населением. Но турки были союзниками

⁵⁵ Его отец, кажется, в это время был генерал–губернатором в занятом немцами Прибалтийском крае.

Германии и даже возможно, что турецкие войска перейдут через указанные границы с согласия, а может быть и по плану германского командования. Так как Шрёдер спрашивал нас не из личного интереса, а по обязанности службы, тот или иной наш ответ мог бы повлиять на решение властей пропустить нас в Берлин, мы вынуждены были перейти к дипломатии и изложить свои цели в приемлемой форме. Наш лейтенант опасаясь, что может изложить наше заявление неправильно, и тем самым, невольно навредить нам, предложил нам самим изложить нашу задачу в желательной для нас редакции. Вообще, было занятно, что все эти посещавшие нас молодые люди искренне желали быть нам полезны. Заметно было также, что каждый из них очень желал, чтобы на него пал выбор военного командования в качестве сопровождающего нас в Берлин.

Двинск 20 апреля 1918 г.

Сегодня явился Шрёдер и коротко сообщил: «разрешено».

Мы решили выехать завтра же утром. «Адъютантом» к нам был назначен молодой лейтенант Nieman.⁵⁶ О нашем предстоящем отъезде я известил Н.К. Калантарова через шведского посланника в Петрограде. Напоследок мы пригласили наших милых молодых людей на ужин в гостинице.

Вот текст письма, написанного мною шведскому посланнику.

Двинск. 20 апреля 1918

Ваше превосходительство!

Покидая сегодня Двинск, я позволю просить Вас переслать вложенное письмо г-ну Николаю Калантарову, адвокату, которому мы сообщаем, что сегодня выезжаем в Берлин.

Дабы Ваша концелярия не беспокоилось этим поручением, ей следует телефонировать указанному лицу по № 401–24, и он явится за получением письма.

Благоволите, Ваше превосходительство, простить нас за это небольшое беспокойство, неизбежное при современных условиях и принять уверения в нашем наивысоком уважении.

Г. МеликКарагезиан

Его превосходительству генералу

Брендстрёму, полномочному министру

Швеции в Петрограде

---

⁵⁶ И этот оказался бывшим петербуржцем, но, кажется, учившемся в Германии, так как очень плохо говорил по-русски. Через несколько дней по приезде в Берлин совершенно случайно я встретил его на одном из бульваров с дамой, которую он представил мне как свою мать. Интересно, что эта женщина искренне горько сетовала (говорила по-немецки) о крушении Российской империи и может быть государства, называя русский народ прекрасным, симпатичным, радушным и другими эпитетами. Она не могла примириться, что такой вот народ мог оказаться вдруг в таком трагическом состоянии.

Лейтенант Шрёдер взялся устроить так, чтобы эти письма были отправлены по назначению. Оба письма были сданы, конечно, в незапечатанном виде. Получил ли их шведский посданнык и Калантаров мне по сие время неизвестно.

Двинск 21 апреля 1918 г.

Утром выехали на вокзал. На перроне стоял уже не российский, а германский поезд–экспресс. Распоряжался за нас лейтенант Ниман. Нам было отведено четырехместное купе первого класса, причем на дверях купе красовалась бумажка с надписью «занято». Нельзя было не придти в восторг от всей этой быстроты и чёткости – в течение суток Берлин ответил на запрос о нашем желании приехать туда, и все распоряжения о предоставлении на мест в поезде были в точности выполнены. Сейчас не припомню, но кажется, за проезд мы не заплатили.

В вагоне было опрятно, комфортабельно и блистало свежестью. Войдя в вагон, мы, точно по мановению волшебной палочки, из полуазиатской, вконец разрушенной и обнищавшей страны попали в Европу – мир благополучия, энергии и силы.

Но вот обер-кондуктор крикнул свое знаменитое «fertig» («готово»), дал свисток, и поезд сразу (не как у нас), рванулся и пошел быстро, ускоряя ход. Еще минуты две и он уже летел, как птица. Вновь странное ощущение – мы едем в Германию, уже почти там, хотя проезжаем русские земли...

По обеим сторонам мчавшегося поезда нам представилось удивительное зрелище: окопы, проволочные заграждения, целые пространства, изрытые снарядами. Местами земля была покрыта глубокими воронкообразными впадинами, образовавшимися гигантскими снарядами, («чемоданами», как их тогда называли) залитых дождевой и талой водой, и целые участки местности представляли собой сплошное болото. По всему этому можно было судить о мощи артиллерийских обстрелов. Окопы русских можно было легко отличить от немецких – они были примитивнее и неровны, немецкие же ровны и цементированы.

К часу дня мы прошли в вагон–ресторан обедать. Обед был обычный, можно было заказать вино и пиво. На десерт подали торт на сахарине и черный кофе, подобный черной ваксе, тоже на сахарине. Обед без напитков стоил 4 с половиной марки! – в мирное время, в 1909 г. – 3 марки. Одновременно с нами обедали немецкие офицеры, среди которых низших по званию, опрятно одетых, с интеллигентными лицами и манерами выдавали их принадлежность к «обществу». Пили они вина более дорогие, чем мы.

Вскоре всех попросили освободить вагон-ресторан, так должны были обедать солдаты. Идя в свой вагон и, проходя через вагоны третьего класса, кстати тоже купейные, я видел сидевших в них опрятно одетых солдат с трубкой или сигарой во рту, многие из которых читали газеты. Глядя на их разумные и спокойные лица, я невольно почувствовал, как мне тяжело было бы их убивать. Позже в Берлине, присмотревшись

ближе к немцам, я убеждался, что в народе и войсках уже погасли враждебные чувства и что правительство и командование подогревали эти чувства и воинственный пыл. Армия, вследствие большой убыли кадровых военных и многократной мобилизации и впитав в себя народные элементы, ослабевала, что вместе с общей утомленностью войной и неизвестностью времени ее окончания и результатов, создавало атмосферу апатии и потерю интереса к войне, Следовательно, такое настроение было свойственно не только русской армии.

5. Встречи и переговоры в Берлине

Берлин 22 апреля 1918 г.

Прибыли в Берлин в 6 часов утра. Вопреки ожиданиям нашего адъютанта на вокзале никто из официальных лиц нас не встречал.⁵⁷ Мы поехали в лучшую гостиницу «Adlon» на Unter den Linden. Было еще очень рано и в гостинице не было видно публики. Вестибюль, ресторанный и прочие залы гостиницы были прекрасны.

Мы попросили кофе, чтобы согреться. Безупречно одетые (во фраке) лакеи подали в роскошной сервировке какой-то неприятный суррогат кофе с двумя таблетками сахарина на изящном блюде. Трудно было себе представить большой диссонанс между всей этой богатой обстановкой и этим суррогатным напитком. Едва коснувшись губами этих чашек, мы расплатились и направились в гостиницу, где заняли три комнаты.

Умывшись и переодевшись, мы тотчас же вызвали юриста Джемса Гринфельда армянина, настоящая его фамилия Айдзагбекиан. Не знаю, почему он назывался Гринфельдом, я его помнил студентом в Берлине в 1897 году, а также коммерсанта Тер-Аветикяна. Это были единственные армяне, о которых мы имели сведения, что они ещё в Берлине. Они сейчас же явились и информировали нас о положении армянского вопроса в Германии и о том, что было до сих пор сделано германо-армянским обществом. Сообща решили немедленно вызвать пастора Штира⁵⁸, находившегося на юге Германии, а уже после поговорить с д-ром Паулем Рорбахом.⁵⁹ Но главное лицо, д-р Иоганн Лепсиус, к сожалению, отсутствовал и находился в Голландии, куда был вынужден бежать после того как разослал по почте всем членам рейхстага, полити-

---

⁵⁷ Вторая делегация, вслед за нами приехавшая в Берлин, в составе Амо Оганджяна (дашнак) и Аршака Зурабова (социал-демократ интернационалист) была встречена на вокзале тем самым Гёпертом, советником Министерства иностранных дел, с которым нам довелось вести переговоры. Объясняется, вероятно, это тем, что мы были представителями национальной организации в составе Закавказской республики, в то время как Оганджян и Зурабов – представителями уже суверенного государства – Армянской Республики.

⁵⁸ Работавшего в организации д-ра Лепсиуса и рьяного защитника армян.

⁵⁹ Д-р Пауль Рорбах – известный пангерманский публицист, не раз побывавший в Турции и Закавказье, автор ряда сочинений об этих странах. Много занимался и армянскими делами. Я был с ним лично знаком со студентческих лет.

ческим деятелям, пасторам и редакциям 20 тысяч экземпляров своего сочинения, разоблачавшего уничтожение армянского населения в Турции. Это было время строгой военной цензуры.

Едва прошло несколько часов с момента нашего приезда в Берлин, как в гостинице появились репортеры и фотографы для интервью и съемок. Мы решили отклонить все их настойчивые домогательства, не желая встретиться со стороны Министерства иностранных дел упрека в напрасном разглашении нашей миссии и без того деликатной, ввиду того, что она задевает Турцию. Фотограф ушел недовольный, угрожая, что может нас снять и на улице.

Явился наш «адъютант» Ниман и сообщил, что был у тайного советника Гёперта, советника по восточным делам Министерства иностранных дел, который просил его передать нам, что он будет ждать нас сегодня же в 6 часов без 10 минут. Такой неожиданно скорый визит не очень нас устраивал, так как, во-первых, мы хотели выиграть время пока подъедет вторая делегация, о которой в течение всей наше поездки шли неясные слухи, и во-вторых, нам нужно было прилично экипироваться, так как дорогой с самого Тифлиса испачкались и износились наши платья. Но делать было нечего. До «шести часов без 10 минут» оставалось достаточно свободного времени и каждый из нас самостоятельно вышел немного погулять по Берлину.

Я прошелся по знаменитому проспекту Unter den Linden («Под липами»), где каждый дом и угол были мне так хорошо знакомы. Последний раз я был в Берлине в 1909 году. По-прежнему всё было аккуратно и чисто и выглядело, как новое. Я старался уловить, заметно ли на улице, что вследствие грандиозной войны, в городе осталось мало молодых мужчин? И пришёл к выводу, что, пожалуй, да. И в это чудное апрельское утро, гуляя по оживленному проспекту центрального города Германии и Европы, не верилось, что в то же самое время там, на западном фронте, идет кровопролитная борьба между народами не на жизнь, а на смерть!

Я завернул на Fridrichstrasse, где повсюду мелькали блиставшие стеклянные вывески «Conditorei» или известные «Aschingers Conditorei». Вспомнил превосходные торты из слив, залитые сладкими взбитыми сливками, которые мы так любили в бытность студентами. Желание вновь отведать их, в особенности после всех лишений дома и в пути, так одолело меня, что совершенно выбило из головы то, о чем я твердо знал: в Германии ведь почти нет сахара и молока (последним снабжали только детей и больных). Я зашел в одну из первых кондитерских. Как снаружи, так и внутри все блистало, но какое разочарование: на стойках и полках полная пустота. Подавались суррогаты кофе и чая и что-то похожее на торт, на котором не было ни крема, ни шоколада и каких-либо сладостей, а лишь два слоя, слиплённые тонким слоем взбитового яичного белка. Когда я попросил кельнершу подать мне пирожного, она, удивленно посмотрев на меня, сказала: «Wir haben bloss Einheits

Kuchen» (Мы имеем только пирожное «Единство»). Так по-видимому повсеместно в Германии называли этот вид кондитерского изделия в знак вынужденного патриотического самоограничения.

В витринах книжных магазинов я заметил много книг по вопросам текущей войны, а также посвященных России и Турции. За исключением отдельных книг, печатная бумага была хуже довоенной. Галантерейные магазины также блистали, однако обувные пустовали. Очередей на улицах и вообще где-либо я не видел, кроме небольшой очереди человек 15–20 перед табачным магазином, причем стоявшие по внешнему виду по-видимому были перепродавцами.

Проехал автобус, запряженный верблюдом (до войны – большой ломовой лошадей). Но более всего поразило меня отсутствие на перекрестках берлинских улиц пресловутых «шутуменов», великанов-городовых, грозно охранявших порядок. Вместо них, и то не везде, стояли довольно тщедушные (вероятно военные инвалиды) полицейские в новом одеянии – в плаще на плечах и в фуражках, вместо прежних касок и довольно равнодушные. И я вспомнил, что об этих городовых писали, что они были посланы в войска для поддержания «бодрости». Позже, когда я спросил одного немца, куда девались все те рослые городовые, он грустно ответил: «они уже давно умерли».

Я поторопился вернуться в гостиницу к коллегам к установленному часу, чтобы вместе пойти пообедать. Когда мы втроем стали спускаться по широкой парадной лестнице, ступая по мягкому ковру и тихо разговаривая, из конторы гостиницы попросили нас получить хлебные, мясные и картофельные карточки. Последние две были необыкновенно мелкого размера, чуть более квадратного сантиметра и их было просто неудобно держать в руках. Все карточки были не именные. Привыкшие быть «прикрепленными» (еще тогда, в 1918 году), мы спросили, где же мы должны все это получать? Нам ответили: «где хотите, всюду в Германии».

После обеда в назначенные «без десяти минут шесть» мы были в Министерстве иностранных дел, расположенном, как и прежде, на Wilhelmstrass-е. Дом внешне и внутри был настолько простой, мебель и обстановка настолько старыми и поношенными, что все это не укладывалось с обычным представлением о министерстве иностранных дел, которое, как известно, бывает фешенебельнее прочих министерств. Единственное объяснение мы находили в том, что рядом с этим зданием находилось другое, также принадлежавшее министерству иностранных дел, более видное и фешенебельное, где возможно происходили приемы послов и дипломатические торжества. Хотя, как мы впоследствии заметили, подъезд этого здания был всегда наглухо закрыт.

Нас ввели в комнату, где рядом вплотную, наподобие парт, стояли столы. Вероятно, эта комната была что-то вроде зала совещаний. Мы долго ждали приёма и поэтому стало еще смешнее назначенное время на «6 часов без десяти минут», что просто было фокусом Гёперта, желющего, очевидно, пустить пыль в глаза «азиатским» делегатам. Нако-

нец, по прошествии целого часа вошел мужчина невысокого роста, средних лет, с маленькой головой, с хитро сдержанным выражением лица – типичный выхолощенный чиновник. Это был Гёперт.

Он извинился, что не мог принять нас раньше. Мы выразили благодарность за внимание, которое оказали нам германские власти, начиная с Пскова. Гёперт стал расспрашивать, что такое Армянский Национальный Совет, как согласуется одновременное существование Закавказского правительства и Армянского Национального Совета, распространяется ли влияние последнего только на закавказских армян или на армян, проживающих во всей России. Дав объяснения и заметив, что он собирается перейти к существу дела мы, опасаясь сделать неправильный шаг, заявили ему, что считаем более целесообразным дождаться приезда второй делегации и потом уже приступить к деловому разговору. Гёперт выразил желание, чтобы приступили теперь же (что, конечно, соответствовало манере дипломата). Держась своего, мы попросили послать в Ростов-на-Дону через шведского посланника нашу телеграмму от том, что мы с нетерпением ждем второй делегации. Он обещал и спросил, как долго мы намерены ждать. Мы ответили – три дня⁶⁰.

– После этого вы на чём-нибудь остановитесь? – спросил Гёперт и на наш утвердительный ответ воскликнул: «ну, хорошо».

Трех дней, конечно, было мало, но это был вынужденный компромисс. Наконец, нам было необходимо время для составления нашего меморандума. При прощании Гёперт спросил, получали ли ордера на покупку платья и обуви? (это устроил нам наш «адъютант»). Мы подтвердили и поблагодарили.⁶¹

Берлин, 23 апреля 1918 г.

Днем у нас было совещание: нас трое, Гринфельд и Тер-Аветикян. Обсуждали предмет нашей деловой беседы с Гёпертом. Решили, что с самого начала мы осторожно намекнём, что армянский народ свою трагическую судьбу в этой войне приписывает Германии, которая одна имела возможность удержать своего союзника – Турцию от совершенных ею зверств. Далее заявим, что мы констатируем, что Брестский мир заключен без участия Закавказья и если последнее вынуждено будет фактически признать этот мир с непоправимым вредом для своей безопасности и интересов, то во всяком случае мы требуем, чтобы мир был строго соблюден, а именно, чтобы без давления извне была предоставлена полная возможность самоопределения населению Карса, Ардагана и Батума и чтобы Турция не продвигалась дальше установленных

---

⁶⁰ Телеграмма было адресована на имя Григория Чалхушяна. Не знаю, послал ли ее Гёперт действительно или обманул нас, но на обратном пути, будучи в Ростове, Чалхушян сказал мне, что телеграммы этой он от нас не получал. Конечно, возможно за отсутствием тогда правильной связи с Ростовом, шведский посланник не смог ее отправить из Петрограда.

⁶¹ В то время суконные материи, платья и обувь без ордера нельзя было купить.

Брестским договором границ. Для этих обязательств необходимы твердые гарантии. Кроме того, мы решили, что если из слов Гёперта выяснится, что Германия не окажет давления на Турцию потому, что армяне упорно держаться российской ориентации, мы заявим, что армяне Закавказья, будучи маленьким народом, не могут выступить самостоятельно в столкновениях между великими державами и готовы принять протекторат той из них, которая сделает его реальным и сумеет заменить ту защиту, которой армяне пользовались в течение столетий со стороны России, покинувшей нас вследствие своего бессилия.

Мы долго спорили по поводу этого пункта нашего выступления. Но, признавая колоссальную опасность, угрожающую армянскому населению и неотложность вопроса, мы решили, что вправе и обязаны сделать такое заявление (не называя, однако, Германии), исходя из общей директивы, данной нам Армянским Национальным Советом: сделать всё необходимое, чтобы предотвратить гибель армянского населения Закавказья и скопившихся там беженцев. Тем более, что смутные сведения, поступающие в немецкую прессу, предсказывали трагический разворот событий у нас.

Обсуждение способов подхода к этим вопросам было отложено на завтра.

Сегодня в немецких газетах появилась сводка: «Константинополь, 22 апреля. На Кавказском фронте наши войска при сильных боях подступают к городу Карс. Озургеты на юго-востоке от Батума взяты».

Берлин, 24 апреля

Послал письмо в Петроград Н. Адонцу и Н. Калантарову с уехавшим обратно в Двинск лейтенантом Ниманом. В письме я сообщал, что мы уже были приняты в Министерстве иностранных дел и что с нетерпением ждем второй делегации. Лейтенант обещал как-нибудь протолкнуть письмо в Петроград. Я дал ему письмо незапечатанным и на немецком языке, дабы он не боялся бы ответственности. Передал ему также текст телеграммы на немецком языке для отправки ее шведскому посланнику в Петрограде. Привожу текст в русском переводе.

«Покорнейше прошу известить профессора Адонца, Загородный проспект 20 телефон 17011 или адвоката Калантарова, Спасская 21 телефон 40124: мы прибыли на место назначения ждем с нетерпением остальных членов делегации. Ответ сообщите через шведское посольство или здешнее Министерство иностранных дел.»⁶²

Берлин, 25 апреля

Мы отрезаны от Армянского Национального Совета и Закавказья. Не знаем, что там происходит и каково соотношение сил. Появляющиеся телеграфные известия о военных событиях слишком лаконичны и,

---

⁶² Не знаю, дошли ли письма и телеграмма. Вероятно, нет. Надо полагать, что лейтенант Ниман без Гёперта и своего военного начальства их не отправил. Гёперт, как мы впоследствии убедились, всячески старался держать нас в полном разобщении с Россией и Закавказьем.

вероятно, тенденциозны. Вследствие полной разобщенности с родиной не имеем возможности приспосабливаться к обстоятельствам, в то время как Гёперт, конечно, ежедневно информируется о военных и политических деталях происходящих у нас событий. Поэтому нас постоянно преследовала мысль, как связаться с Закавказьем. Мне пришло в голову воспользоваться Украиной. На эту мысль меня подтолкнуло то, что украинское политическое представительство находилось в нашей же гостинице, в комнате 216.⁶³ Я зашел туда.

В комнате было два человека – политический представитель Севрук⁶⁴ и секретарь. Мы познакомились. Желаемую связь, как выяснилось, трудно было установить, так как Германия, как оккупант, контролировала все телеграммы, а почтовое сношение по своей длительности в нынешних условиях не имело смысла.

Мы разговорились. На мой вопрос, как это могло случиться, что они так легко порвали с «единоверной и единокровной» Россией и сошлись с Германией, тем более, что положение Украины ни в какой степени несравнимо с положением армян, угрожаемых физическим существованием, они ответили, что малороссы, и не только интеллигенция, издавна ненавидели «кацапов», и это послужило той психологической основой, на которой произошла перемена ориентации. А переменить ориентацию было необходимо, ибо иного выбора между большевизмом и германским протекторатом они сделать не могли. На мой вопрос, не будут ли они ущемлены в своем национальном развитии под германским влиянием, они ответили, что национальное самосознание украинцев разовьётся быстрее под протекторатом чужого по расе народа.

Между прочим, оба они возмущались, что Антанта, которой Россия изменила, дала украинским большевикам 25 млн. рублей, чтобы последние выгнали немцев из Украины. Не знаю, насколько этот факт верен.⁶⁵

Берлин, 26 апреля

Приехал вызванный нами пастор Штир (секретарь Германо-армянского общества). Обрисовав нам настроения правительственных и общественных сфер, он подтвердил то, что мы уже знали: правительство Германии страшно шокировано муссируемым во враждебных и даже нейтральных странах утверждением, что Турция осуществило уничтожение своего армянского населения с благословения Германии.

---

⁶³ Украина тогда была оккупирована немцами и управлялась правительством гетмана Скоропадского, ставленника Германии.

⁶⁴ На Брест-Литовской конференции (во втором периоде переговоров) был членом украинской делегации.

⁶⁵ Колоссальный взрыв пороховых складов в Киеве в июне 1918 года, в бытность нас там, приписывали не то большевикам, не то Антанте. По указанной версии выходит, что это одно и то же. По словам полковника М.Х. Лоизе (армянина), проживающего в Киеве, у которого я остановился на обратном пути из Берлина в Тифлис, взрыв этот произвели эсеры. Возможно. Ведь они же убили первого германского посла в Советской России Мирбаха и командующего оккупационной армии в Украине генерала Эйхорна.

Штир произвел на меня впечатление прямодушного и простого в обращении человека.

Сегодня в 12 часов мы пошли к Гёперту по его приглашению. Он принял нас в своём небольшом рабочем кабинете, усадив нас на диван и взяв стул, сел против нас.

В негодующем тоне Гёперт стал указывать, что всюду армянские комитеты ведут пропаганду против Германии. Мы со своей стороны обратили его внимание на то, что Турция нарушает условия перемирия, заключенного с делегацией Закавказского правительства в Ерзинджане и безостановочно продвигается.

– Потому что ваши армяне и армянские банды вырезают мусульманское население, – возразил он.

Мы энергично возражали против резни и квалификации закавказских, и в частности, армянских войск «бандами».

Гёперт стал жаловаться, что пропаганда, которая ведется из Женевы партией Дашнакцутюн против Турции и Германии, накаляет атмосферу и было бы в интересах армян прекратить эту травлю Турции и тогда Германии будет легче добиться положительных результатов. Мы обещали обсудить этот вопрос. В конце беседы, длившейся около получаса, Гёперт дипломатично смягчил тон и попросил нас представить меморандум. Мы сказали, что представим меморандум 28 апреля.

– В таком случае прошу Вас ко мне 29-го в 6 часов вечера», – сказал Гёперт.

Вернувшись к себе, застали пастора Штира и Гринфельда. Штир рассказал, что был у Фридриха Науманна (вождя христианских социалистов, виднейшего члена рейхстага), который взялся устроить в среду, 1 мая в рейхстаге собеседование по армянским делам с участием лидеров фракций. У нас возникли сомнения относительно целесообразности агитации ввиду совета Гёперта вести наше дело без огласки и данного на то нашего согласия. Но с другой стороны было бы безрассудно отказаться от такой аудитории, и под конец мы решили, что собеседование в рейхстаге является не массовой агитацией, а информацией о действительном положении вещей руководителей рейхстага. Мы договорились со Штиром, что инициативу устройства встречи возьмет на себя Германно–армянское общество, а не мы. Тот час же сели за составление меморандума, предназначенного для ознакомления членов рейхстага.

Берлин, 27 апреля

Сегодня в 13 часов я и Джамалян ходили к Густаву Штреземану, влиятельному вождю национал–либералов (приём заранее был согласован). Мы с Джамаляном разделили между собой роли: он должен был говорить о положении на закавказском фронте (тем более, как очевидец), а я – о политическом и моральном значении энергичного вмешательства Германии.

Не знаю, принял ли нас Штреземан в своей квартире или в конторе крупной фирмы, представителем которой он состоял. И дом, и квартира имели вид жилых помещений. Мы поднялись на второй этаж и здесь на правой стороне площадки на дверях была карточка «Густав Штреземан», насколько помнится дощечка с названием фирмы.

Молодой человек, назвавшийся секретарем, ввёл нас в небольшую приемную, обставленную твердой мебелью, и доложил о нас Штреземану, который нас тотчас же принял.

Штреземан сидел на небольшом диване перед столом, возле которого стояли кресла. Он встал, поздоровался с нами и попросил сесть. Это был человек невысокого роста лет 40–45–и, довольно упитанный, скорее блондин, чем шатен, с круглой головой, на которой облысение заканчивало свою деятельность. Я бы мог сказать, что это был типичный немец, по нешности скорее походящий на пивовара и во всяком случае ничем не изобличавшего своих дарований. А между тем, он имел репутацию очень хорошего оратора и влиятельнейшего депутата рейхстага.

Начал Джамалян. Когда он дошел до описания увиденных им собственными глазами в Эрзинджане не то в мечети, не то в каком–то большом помещении (не помню) 2000 армянских черепов, выставленных на карнизе под потолком, Штреземан внезапно прервал его, воскликнув:

– Ах, что вы говорите. Это совершенно невозможно.

– Почему? – спросил Джамалян.

– Потому что это слишком бесчеловечно! Вы, армяне вообще вредите себе такими преувеличениями.

Джамалян продолжал, более уже непрерываемый.

Внимательно выслушав, Штреземан сказал, что когда в феврале 1916 года он ездил в Константинополь, Энвер паша говорил ему, что как только вспыхнула война, он посетил армянского патриарха и просил его издать обращение к своей пастве, чтобы армяне в этот тяжелейший момент для отечества честно исполнили свой долг перед ним, что он, Энвер потребовал в Государственном совете, чтобы ничего не было предпринято против армянского населения, в то время как большинство требовало самых суровых мер. Однако, как говорил Энвер, турецкие армяне восстали и уничтожили целый горнизон турецких войск в одном городе (Штреземан не помнил в каком) и мирных жителей, всего около 80000 человек. Тогда уже не было возможности удержать войско и мусульман от мести. Это вынудило правительство эвакуировать армян и он, Энвер, признаёт, что вследствие отсутствия достаточной организованности и дисциплины, пострадало много армян.

– Что бы сделали вы, немцы, имея во время жестокой войны в своей стране изменников? – спросил меня Энвер. – И что я мог ему ответить? – сказал Штреземан.

Это было такой чудовищной выдумкой, что я не удержался от вмешательства и сказал, что если бы мирное армянское население Турции (к тому же не имеющее право носить оружие) было в силах уничтожить 80000 турок, из которых чуть ли наполовину составлял военный горнизон, то мы едва ли имели бы нужду ехать в Берлин.

– Я спросил Энвера, – продолжал Штреземан, – почему он не опубликовал в Европе эти факты для защиты от европейского общественного мнения? Он ответил, что сообщил объяснение печальных событий всем турецким послам, но опубликовать его опасается, так как став известным населению Константинополя оно может привести там к насилию над армянами и греками. Штреземан добавил, что он справлялся у немцев в Константинополе, и они подтвердили, что ничего пока против армян сделано не было. Об этом он доложил на закрытом заседании комиссии рейхстага по иностранным делам при обсуждении условий Брестского мира.

Мы не могли не выразить своего изумления, что в феврале 1916 года, когда он ездил в Константинополь, немцы этого города не знали о тех трагических событиях, которые произошли в Турецкой Армении с весны 1915 года и которые содрогнули весь мир!

Когда мы перешли к политической стороне вопроса о вмешательстве Германии, Штреземан возразил, что в сложившихся обстоятельствах Германия нуждается в сильной армии Турции, как теперь, так и в будущем.

– Сейчас Турция выставила два миллиона солдат. Жертвовать ими ради армян Германия не может, – добавил Штреземан. Но, конечно, не в интересах Германии, чтобы Турция погубила культуру Востока и Закавказья, и судьба Батума меня особенно беспокоит.

Штреземан видимо торопился. В небольшой приёмной несколько человек ожидали своей очереди. Он посоветовал свидеться с профессором Штейном, главным редактором либеральной газеты «Vossische Zeitung» и дал для него свою визитную карточку.

Мы ушли, убедившись, что от такого «реального политика» как Штреземан, нам ждать нечего.

Дома мы обсудили вопрос о прекращении пропаганды из Женевы и решили в интересах дела просить руководителей партии «Дашнакцутюн» временно прекратить пропаганду. Через Гёперта мы послали в Женеву в редакцию «Дрошак» письмо следующего содержания (в переводе с французского).

С некоторых пор мы (я, Мелик-Карагезиан и Джамальян) находимся здесь как делегаты Армянского Национального Совета для ведения переговоров с правительством Германии и её союзниками по армянским делам. Мы считаем полезным, чтобы вы пока прекратили пропаганду, так как надеемся достигнуть положительных результатов. Мы останемся здесь до 10-го мая. Липарит Назарян.

С ужасом прочли сегодня в газетах сообщение о взятии Карса.⁶⁶ Теперь нам стало ясно, в каком тоне мы должны вести переговоры и даже пожалели о посланном в Швейцарию письме. В угнетенном состоянии весь вечер я остался дома.

Поздно ночью ко мне зашел Липарит Назарян и передал беседу с Гёпертом, к которому он ходил по поводу строгих требований, предъявленных нам полицией. Гёперт между прочим сказал ему:

– Как долго вы пишете ваш меморандум.

Назарян ему заметил, что он, Гёперт сам согласился, чтобы меморандум был представлен ему 28 апреля и что мы это и выполним.

– Только о прошлом⁶⁷, пожалуйста, не пишете. Что было, то прошло. Подумайте о будущем, – заметил Гёперт.

Затем Гёперт показал ему полученную в министерстве телеграмму о том, что в Италии ведется большая агитация против Германии ввиду передачи Турции Карса, Ардагана и Батума, что, судя по телеграмме, на одном собрании, на котором проводились сборы денег в пользу армян, присутствовала королева. Гёперта все это видимо раздражало (ещё бы!!). Под конец он сказал Назаряну:

– Про Германию пишете, что хотите. Но Турцию оставьте в покое.

Эти слова как будто поднимали завесу перед той атмосферой, которая царила, видимо, в германо–турецких отношениях. Нельзя было сомневаться в том, что германское правительство под давлением возмущения цивилизованного мира и германского общества всячески старалось сдержать Талаата, Энвера и К^о в их беспримерном истреблении армян. Но эти господа, отлично сознавая, как Турция нужна Германии, окруженной колоссальной армией врагов и бьющейся из последних сил за своё государственное существование, проводили с беспощадной методичностью разработанный младотурецким комитетом план уничтожения армянского народа, считая это одной из важнейших своих национальных задач и на всякое мало мальское давление со стороны своих союзников, не стесняясь отвечали, что это их внутреннее дело. А так как положение Турции со дня на день становилось тяжелее, она могла поддаться таившемуся в оппозиционных кругах желанию и соблазну со стороны Антанты заключить с ней сепаратный мир и тем самым предотвратить неизбежную катастрофу при продолжении войны в союзе с Германией. При таком шатком положении германо–турецкого военного союза Германия возможно была вынуждена считаться с напускным или реальным гонором своего союзника и избегать всего того, что могло толкнуть его в объятие врагов.

Некоторые немецкие политические деятели в выражениях, которые не должны были допустить умаления высокого положения их отечества

---

⁶⁶ Я текстуально помещаю здесь запись в моем дневнике. Занятие Карса, конечно, было обусловлено Брестским договором. Но психологически этот факт до того был неперевадим, что тогда мы почувствовали в нём какой-то подвох нашей миссии.

⁶⁷ Т.е. об истреблении всего армянского населения Турции!

среди союзников, так приблизительно характеризовали позицию Германии. И сам Гёперт в последующих сношениях стал проявлять некоторую раздражительность и поспешность, на которые мы, в пределах «дипломатических» порядков и нашего положения, реагировали не совсем пассивно.

Сегодня Джамалян ходил со Штиром к Эрцбергеру, крупному политическому деятелю и влиятельному вождю центра⁶⁸ в рейхстаге. Джамалян остался очень доволен Эрцбергером, возмущавшимся пассивной позицией Германии в трагических армянских событиях и обещал «всяческое содействие». Когда Джамалян рассказывал некоторым нашим знакомым немцам об этом приеме, они говорили: «Эрцбергер – не истинный немец, прямой и последовательный, а расшаркивающийся и много обещающий и едва ли намеревающийся что-либо серьезно сделать»⁶⁹.

5.1. Первый меморандум

Берлин 28 апреля 1918 г.

Сегодня мы послали Гёпперту наш первый меморандум. Привожу его в дословном русском переводе.

В Министерство иностранных дел Германии

Берлин 28 апреля 1918 г.,

Чрезмерны страдания и многообразные испытания, которые довелось пережить армянскому народу в течение веков. Но то, что выпало на долю армян во время текущей войны, в которую они были вовлечены против своего желанья, лишь как подданные двух воюющих держав, превосходит самые кровавые периоды их многострадальной истории.

Ни одна сторона не пострадала от последствий этой войны, как наша. Это единодушно признают, как немецкие так и не немецкие свидетельства.

Проведенные с участием Германии в 1913–1914 гг. реформы в Турецкой Армении, которые должны были обеспечить армянам жизнь и имущество, тотчас же по вступлении Турции в войну, были ею отменены, армяне мужчины были массами закованы, их жены и дети преданы позору, насильственному принятию ислама и всем мукам многомесячных скитаний из одного места в другое, пока они не достигли пустынь Месопотамии и Сирии, чтобы там дотянуть жалкое существование в болезнях и неопишуемых лишениях. Почти всё население

---

⁶⁸ Так называлась в германском рейхстаге католическая партия, очень, если не самая многочисленная, фракция.

⁶⁹ Когда надо было заключить перемирие с Францией, выбор германского правительства для переговоров пал на Эрцбергера, который был единственным представителем Германии на переговорах с маршалом Фошем. Позже, после ряда покушений со стороны немецкой патриотической молодежи, он был, наконец, в упор расстрелян градом пуль прямо на улице.

Армении, значительно более миллиона душ выволокли таким образом из их родины и преданы истреблению. Имущество изгнанных захватило турецкое правительство или же представлено на разграбление разбойничьих банд, и цветущие местожительства армян были превращены в руины.

Особенно болезненно пережил наш народ то, что эти безчеловечные действия были осуществлены союзником Германии, той Германии, на которую он привык всегда смотреть с благоговением, высокая культура которой для него, как ни для иной нации на Ближнем Востоке служила образцом, чей язык изучался в наших школах с предпочтением, в университетах которой получали образование наши выдающиеся деятели и на многих творениях в области науки и поэзии которой, переведенных на армянский язык, воспитывались и воодушевлялись целые поколения армянской интеллигенции.

После тех чудовищных жертв кровью и имуществом, которые суждено было перенести армянской нации, она имела право надеяться, что наступающий мир избавит её от страданий и принесёт, наконец, осуществление их справедливого желания, – признали же воюющие державы одной из главных целей охрану прав малых народов, как важную гарантию длительного мира. Эта надежда подкреплялась и тем интересом, которому германское правительство уделяло судьбе малых народов России, а также магометанским странам, находящимся под чужеземным владычеством.

Тем большим разочарованием, испытанным нашим народом, было известно что переговоры и договор, заключенный в Бресте, не только полностью обошли армянский вопрос, но и сверх того нанесли серьезный ущерб целостности кавказского единства, которое едва освободившись в результате российского переворота, было лишено своих существенных частей.

Если положение, созданное Брестским миром, оказалось само по себе максимально неблагоприятным для армян, то уже в настоящее время оно еще более ухудшается по мере того, как турки продвигаются и не только превращают в иллюзию принятым Брестским договором права на самоопределение армянского населения Карса и Ардагана, но и чрезвычайно угрожают жизни армян в соседних областях Кавказа.

Развитие событий показывает, что продвижение турок не обходится без тяжелого насилия над армянами, как это было в Ардагане и в других местах, где армянское население, не успевшее бежать, было изрублено. Это продвижение, по всем данным, не остановится у границ, установленным Брестским миром, а скорее, под тем или иным предлогом, будет распространяться вглубь населённых армянами мест на Кавказе. Именно к Карской области примыкает Эриванская область, являющаяся коренным местом пребывания кавказского армянства.

Понятно, что ввиду такого критического положения кавказские армяне мобилизуют все свои силы, чтобы встретить угрожающую им опасность. Армянский народ поднялся без различия пола, возраста и положения и твердо решил защитить свое существование до последнего человека. Сейчас для армян это вопрос бытия и небытия, борьба за существование в прямом смысле слова. Никто не может предвидеть, чем закончится эта борьба не на жизнь, а на смерть. Никто не может рассчитать её ужасные последствия, которые наступят именно тогда, когда борьба превратится в длительную горную войну в непроходимых армянских горах.

Одно бесспорно – то отчаянное положение, в котором находятся армяне, лишённые даже возможности отступления, вызовет борьбу, которая своими ужасами оставит в тени ужасы, пережитые армянами в своей истории.

Проникнутые убеждением, что такой роковой ход событий и новое кровопролитие армян ни в коем образе не соответствует гуманным чувствам Германии, ее культурным взглядам и политическим интересам, Армянский Национальный Совет через своих представителей представляет могущественному Германскому государству на благожелательное рассмотрение положение вещей, по своим последствиям не поддающихся учёту и настоятельно просит о его мощном вмешательстве для предупреждения губительного кровопролития и для спасения народа, который в течение веков являлся у врат Азии предводителем христианской морали и европейской культуры.

*Делегация Армянского Национального Совета
Л. Назарян А. Джамалян Г. МеликКарагёзиан*

Этот, как и все последующие меморандумы и записки, являлись плодом нашего коллективного труда при активном участии д-ра Гринфельда, прекрасно знавшего немецкий язык и вообще хорошо осведомленного. Каждая мысль, слово, фраза нами тщательно обсуждались. Но самым трудным было договориться, – какой тон придать меморандуму и вообще последующим переговорам? И мы решили – не делать никаких выпадов, но всё-таки указать на ответственность Германии в гибели армянского населения в Турции, за последствия Брестского договора и за его нарушение. И, кроме того, без угроз (что было бы, конечно, смешно) дать понять, что всенародное возмущение закавказских армян при географических условиях Армении может сделать гадательным исход продвижение турок вглубь нашей страны.

Мне кажется, что все эти моменты в приемлемой форме выражены в нашем меморандуме. Я говорю «в приемлемой форме», потому что так сильно было в нас, и в частности, во мне желание заговорить иным тоном, но поступить так не было возможности, так как для этого не было никаких предпосылок. Положение закавказских армян перед лицом наступающей турецкой армии при индеферентности грузин и предательстве татар было слишком беспомощным. Никакого «убедительного до-

вода», то есть показателя своей реальной силы мы выставить не могли. Мы не знали, в какой степени может развернуться боеспособность армянской армии и с какими силами шли турки в Закавказье. Наконец, мы не знали, не капитулировала ли перед турками делегация Закавказского сейма на конференции в Трапезунде или Батуме. Мы не могли не считаться также с необходимостью говорить в тоне, который сделал бы невозможными дальнейшие переговоры с немцами. В результате, с учетом всех вышеуказанных соображений, мы выжили всё возможное, согласовывали и отредактировывали меморандум.

Сегодня послали другой меморандум, составленный Штиром по нашему поручению на имя Германского рейхстага. Но этот меморандум был послан не от нашего имени, а от имени Германо-армянского общества с препроводительным письмом за подписью секретаря этого общества пастора Штира (меморандум помечен 27 апреля 1918 г.). Одновременно этот же меморандум мы послали лично лидерам фракций рейхстага: Науманну (прогрессивная народная партия), Штреземану (национал-либеральная партия), Эрцбергеру (католическая партия), Шейдеману, Носке, Эберту (социал-демократическая партия), Ледебургу (независимые социалисты), Мумму (немецкая свободомыслящая партия).

Берлин, 29 апреля 1918 г

Сегодня утром ходили к д-ру Паулю Рорбаху, известному политическому писателю. Во время войны он ещё более стал на виду своими статьями и брошюрами. Патриот-империалист, пангерманист, ненавистник России и Англии, автор многих сочинений, в том числе посвященных Ближнему Востоку и интересам там Германии.

Рорбах – родом из Риги (говорит по-русски), перебрался в Германию и здесь окончил университет со степенью доктора философии и лицензиата теологии. В 1897 г. в качестве корреспондента солидного журнала «Preussische Zeitschrift», издававшегося под редакцией известного историка проф. Ганса Дельбрюха, путешествовал по Закавказью, Турецкой Армении и Туркестану, в результате чего в упомянутом журнале опубликовал талантливо написанные статьи под общим заглавием «In Turan und Armenien», вышедшие также отдельной книгой в 1898 г.⁷⁰ Позже он несколько раз ездил в Турцию, много писал об армянах и в их пользу и был активным членом учрежденного д-ром Иоганном Лепсиусом Германского союза помощи армянам. В мировую войну он выступил в печати с идеей расчленения России на составные национальные части, и говорят, даже за выселение армянского населения Турции в Месопотамию и Сирию, чтобы оно, находясь вдали от Кавказского фронта, не влияло на ход военных действий.

Я знал Рорбаха с 1898 г., когда был в Берлине студентом и там довольно часто общался с ним. Приезжая в Тифлис, раза два он бывал у

---

⁷⁰ «В Туране и Армении. По стопам русской мировой политики».

меня, и вообще я был с ним довольно близок. Но сегодня мне было очень тяжело идти к нему, ввиду слухов о его причастности к армянской трагедии. Если верно, что проект переселения армян принадлежал ему или был им поддержан и даже, если бы он был продиктован его желанием наименьшего зла армянам, чтобы спасти их от поголовного избиения, то и в этом случае на нём лежал страшный грех, ибо он был обязан предвидеть, как «знаток турецких порядков», что такое переселение народных масс вообще, а тем более в турецких условиях, для армян должно было означать массовое уничтожение.⁷¹

Рорбах жил в предместье Берлина Friedenau. Обычно с «предместьем» у нас создается впечатление о грязном, захолустном не планированном участке города. В Берлине – совсем не то. Зачастую, это новые участки города, прекрасно распланированные с широкими бульварами. И здесь, в Friedenau, мы пролетали по широчайшему бульвару, по обоим сторонам которого цвели поразительной свежести газоны и само название улицы, – Izoldenstrasse, уносило в романтику в этом городе «железа и бетона».

После первых приветствий и воспоминаний о наших прошлых встречах, переходя к деловому разговору, я сказал ему:

– Брестский мир дал вам всё, но нас предал туркам, – и объяснил ему цель нашего приезда в Германию.

Видимо, он был мало осведомлен о политическом положении Закавказья. Мы ознакомили его с нашим первым меморандумом уже посланным в Министерство иностранных дел и с проектом второго. Оба он одобрил и настоятельно советовал влиятельных членов Рейхстага, без чего, по его словам, меморандумы не помогут, ибо «эти господа из Министерства иностранных дел считаются только с рейхстагом».

Рорбах выразил желание, чтобы мы сделали доклад о положении вещей в Закавказье в каком-то комитете, кажется, в Комитете по восточной политике Германии (точного названия не помню), издающем небольшой политический еженедельник, который рассылается всем политическим деятелям, редакциям и т.п. Мы этот вопрос оставили открытым. Вообще в тоне и во всём обращении Рорбаха чувствовалась живая

---

⁷¹ Считаю небезынтересным привести здесь одно место из статьи П. Миллюкова «Цели войны», помещенной в ежегоднике газеты «Речь» за 1916 г., ставшей мне известной значительно позже нашей поездки в Германию. После сжатого изложения погромов, учиненных младотурками над армянским народом начиная с весны 1915 г., Миллюков пишет (с.42): «В Константинополь полетели донесения, что армянский «бунт» усмирён. Действительно, теперь оставались только старики, женщины и дети. Тогда вспомнили проект германского публициста Пауля Рорбаха о выселении армян из Анатолии в Месопотамию. Этим выселением сразу достигались две цели: турки уничтожали христианский оазис, отделявший их от мусульман Закавказья и Персии, а германцы приобретали трудолюбивое и предприимчивое население для размещения вдоль Багдадской дороги и для оживления пустыни. Барон Вангейгем (посол Германии в Константинополе, прим. Г.М-К) настоятельно предлагал этот проект турецкому правительству. Декретом от 20 мая (4 июня) постановлено было выселить армян в Месопотамию. Эта высылка для огромного большинства армян была смертным приговором».

потребность быть нам полезным, потому ли, что он нёс долю вины в судьбах армян или потому, что виновато его отечество, принесшее их в жертву, или же просто потому, что он не мог не сочувствовать пострадавшей нации – не знаю. И в самом деле, не он ли в течение почти двух десятилетий столько раз выступал в печати и на собраниях в защиту турецких армян, достаточно зная их прошлое, их страдания в Турции, их элементарные человеческие нужды? И как он мог молчать, когда эти самые турки, от которых шли беспримерные бедствия целой нации, официально признаны друзьями и союзниками Германии?

Вскоре вошла его супруга. Я её знал с первых же дней её замужества, с 1899 года. Она заметно изменилась, но на ней ещё была печать благородства и той удивительно красивой независимости духа и интеллигентности, которые так выгодно отличали её от соотечественниц-мещанок и которые двадцать лет тому назад запечатлелись в моей памяти.

Я осведомился, где же её сын-первенец Justus-Peter? Она, вздохнув, ответила, что он не в Берлине и, если не ошибаюсь, сказала на каком он фронте.

Frau Rohrbach угостила нас «настоящим кофе» с «настоящим сахаром» (кофе Рорбах получил, кажется, из Константинополя. Не от турецких ли «друзей»?). За кофе разговорились об ужасах войны, поглощающей столько человеческих жизней, о большевизме. Незаметно разговор подошёл к щекотливому вопросу о виновниках войны и стал сходить на нет. Мы из такта обошли этот вопрос, избегая неуместного спора. Но я невольно спросил доктора, каково отношение Вильгельма к отрекшемуся от трона и плененному царю Николаю, принимая тем более во внимание излюбленный догмат Вильгельма о божественном происхождении царской власти?

– Ах, он очень зол на него, не думаю, чтобы он заступился за него, – хмуро ответил Рорбах.

Берлин, 29 апреля, 1918 г.

Сегодня в назначенный час были у Гёперта. Он сказал, что уже ознакомился с нашим первым меморандумом. Положив его перед собою на стол, взяв из целой батареи маленьких толстых цветных карандашей (напоминавших пушку «Бертд», как немцы называли во время войны свои короткие, но большого калибра пушки), стал делать отметки в разных местах на полях.

– Не всё соответствует действительности из всего, что вы пишете здесь.

– Например?

– Например, вы пишете, о бесчинствах турок и якобы резне армян в Ардагане. По сведениям, поступающим из немецких источников, никто в Ардагане не был убит.

– Таковы наши сведения, полученные в Москве⁷².

Затем Гёперт стал бегло, почти про себя, читать какую-то печатную бумагу (кажется, ведомственную информацию) о том, что правительство Закавказья изменилось: во главе его теперь стал Чхенкели, и скоро начнутся переговоры в Батуме между Турцией и Закавказьем.

– Таким образом, выходит, что Ваша миссия здесь сама собой отпадает, ибо вы не являетесь представителями правительства. Как согласовать это противоречие? – сказал Гёперт,

Мы были в замешательстве, но возразили, что при всех условиях положение, создавшееся для армян – особое, в особенности, если переговоры сорвутся, что случается со всеми переговорами. Другого возражения, кроме этого, мы привести не могли. Формально Гёперт, конечно, был прав. Кроме того, германскому правительству было не особенно легко принимать наши жалобы на Турцию. Ввиду этого Министерство иностранных дел Германии, вероятно, охотно отделалось бы от нас но, как мне кажется, лишь желание продемонстрировать враждебному и нейтральному миру обращение армянского народа к Германии за помощью, о чём Министерство вероятно сообщило своим дипломатическим представителям, могло склонить его к продолжению переговоров с нами.

– Вы не должны забывать, что Турция по Брестскому миру имеет право занять Карс, Ардаган и Батум, а если там будут препятствовать...

– А если Турция вправе, какой смысл в тех «мирных переговорах», которые она собирается вести с правительством Закавказья в Батуме? – возразили мы.

Тайный советник Гёперт отвёл глаза. Когда мы встали, собираясь уйти, он, очевидно желая смягчить дурное впечатление, которое мы должны были получить от его наступательной манеры говорить, спросил:

– Всё ли вы имеете, что вам нужно? Как вам живётся в гостинице?

---

⁷²Сведения о событиях в Ардагане дошли до нас в Москве перед нашим выездом в Петроград. Сообщали обычное: грабежи, насилие, резня. Что было там на самом деле, мы не могли знать и поэтому не настаивали на этом пункте перед Гёпертом. Но вот телеграмма о положении Ардагана от 17 марта 1918 г., посланная в Тифлис Закавказскому правительству председателем городского и окружного исполнительного комитета Саларадзе (грузином, не армянином) «. . . Повторяю, положение весьма критическое. Планомерно действующими тысячными бандами систематически грабится и обезоруживается христианское население. Вчера даже ограблен Мерденск, обстреливается, куда собралась всё христианское население окружных сёл. Вокруг Ардагана стягивается христианское население. Дважды постанавливалось эвакуирование, но не может осуществиться за недоверностью благополучно прорваться и за неимением необходимой охраны. Среди христианского населения паника полнейшая. Спасение лишь и многочисленной воинской части». (см. Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии, с.120). Об этой телеграмме мы, конечно, тогда не могли знать. Привожу её здесь *post factum*, как характеризующую положение вещей.

5.2. Второй меморандум

Берлин, 30 апреля 1918 г.

Весь день были заняты составлением особой записки для депутатов Рейхстага, которую разошлём уже от нашего имени.

Утром послали Гёперту наш второй меморандум.

Берлин, 29 апреля 1918 г.

В Министерство иностранных дел Германской империи

Нашим письмом от 28 апреля с.г. мы имели честь обратиться благосклонное внимание германского правительства на исключительно тяжёлое положение армян и просили его могущественного вмешательства для отклонения большого бедствия, которое угрожает не только нашей нации, но и благосостоянию всего Кавказского края.

В этой большой нужде может помочь только Германская империя и чтобы помощь была оказана своевременно необходимы быстрые действия. Каждый день всё более усложняет обстоятельства и существенно затрудняет их развязку. Прежде всего, настоятельно необходимо, чтобы продвигающимся туркам было немедленно и энергично предложено приостановиться.

Далее, делегация Армянского Национального Совета считает, что безопасность армянского населения на Кавказе может быть длительно обеспеченной лишь при соблюдении следующих пунктов.

1. Осуществление права на самоопределение населения Карса, Ардагана и Батума таким образом, чтобы принцип национальности был сохранён и бежавшие жители допущены к голосованию.

2. Не должно быть допущено, чтобы турки ни под каким-либо предлогом перешли границы Брестского договора.

3. Турки должны воздержаться от всякого вмешательства во внутренние дела Кавказа.

4. Достаточные гарантии безопасности для армян, которые живут в Турецкой Армении и пожелавших вернуться к своим очагам.

Пожелания, высказанные в первых трёх пунктах, соответствуют постановлениям Брестского договора и их осуществление означает ничего иного, как соблюдение Турцией этих постановлений. Мы ни на мновение не сомневаемся, что Германия, вместе с Турцией подписавшая этот договор, не допустит его нарушения.⁷³

В интересах целесообразности, мы считаем совершенно необходимым, чтобы без промедления была командирована на место немец-

---

⁷³ Конечно, это не соответствовало действительности. Мы вовсе не были уверены, но лучше было сформулировать так «...не может допустить его нарушения». Это указывало бы на силу морального и юридического обязательства, независимо от того, как Германия поступит фактически. Это было бы сильнее.

кая комиссия для проверки положения дел, проведения в жизнь вышеизложенных положений и надзора за их исполнением.

Делегация Армянского Национального Совета

Г. МеликКарагёзиан

А. Джамальян

Л. Назарян

5.3. Собеседование в рейхстаге с лидерами фракций

Берлин, 1 мая 1918 г.

Сегодня в 3 ½ часа дня мы были в рейхстаге. Поднялись по высокой парадной лестнице. Под куполом большого круглого зала, откуда идёт вход в зал заседаний рейхстага, уже стоял поджидавший нас Фридрих Науманн, организатор собеседования. Мы пришли без опоздания.

Однако, как изменился Науманн! Я его помнил с 1897 года, когда он был пастором и читал свои публичные лекции на политические темы («Социализм и война» и др.), как редактора еженедельника «Die Helf» («Помощь») и основателя Христианско-демократической партии. Тогда он был свеж, в расцвете сил и здоровья. Сейчас передо мной стоял высокого роста человек, уже заметно постаревший (он болел астмой). Науманн стоял посреди зала напротив площадки лестницы с руками в карманах и, поджидая нас, с кем-то разговаривал.

Пастор Штир, который сопровождал нас, представил нас Науманну. Через несколько минут Науманн повёл нас с совещательную комнату (№ 21) Комиссии по иностранным делам.

Большой длинный стол, покрытый зеленым сукном. Спустя несколько минут, один за другим (какая европейская, а может быть плюс и немецкая точность!) без обычного вызова, как обычно бывает у нас, вошли: Шейдеман (социал-демократ), Носке (социал-демократ), Эберт (социал-демократ), Зюдекум (социал-демократ), Рейхенбек (не помню, какой партии), Фишбек (свободная народная партия).

Науманн попросил всех к столу, сев посредине. Штир сел рядом с ним. Мы трое – напротив Науманна и остальных депутатов. Носке сидел сбоку от нас, у края стола.

Когда все уселись, Науманн в двух словах осведомил присутствующих от имени кого и с какой целью мы приехали в Германию и чтобы предостеречь нас, стал громко читать переданные нами ему наши визитные карточки. При чтении моей фамилии он остановился и сказал: «Мелик... так раньше назывались князья в Армении. Это слово, насколько я знаю, арабского происхождения, от слова Мюлк, владение?»

Мы заранее условились, что будем говорить по очереди, каждый на определенную тему, по возможности не повторяя друг друга. Но Науманн произнес вводную речь и сам стал задавать вопросы, расстроив, тем самым, наш план. Мы со своей стороны, не распространялись на ответах и старались ввести в действие наш план собеседования, что в некоторой степени нам удалось.

На вопрос Науманна о происхождении и существующем положении Закавказской республики я дал возможно исчерпывающую справку. Затем Джамалян говорил о самоопределении населения Карса, Батума, Ардагана и необходимости обеспечить беженцам безопасное возвращения и пребывания в Турецкой Армении (с чем я лично всё время был не согласен, как с опасным делом). Назарян, как приехавший не из Закавказья и не знавший всех подробностей вопроса, говорил и отвечал на общие темы. Депутат Рейхенбек, когда-то побывавший на Кавказе, всячески старался втянуться в беседу (и тем мешавший нам), желая явно блеснуть знанием края, варварски путал исторические события.

Вошел курьер рейхстага и подал Науманну две карточки. Науманн прочёл: «д-р Пауль Рорбах, Давид-Хан от имени Иоханнеса Леслиуса». Науманн попросил присутствующих разрешение впустить их. Общее молчание. Тогда он сказал: «что касается меня, я не вижу препятствий к допущению их на собеседование и если нет возражений . . .»

Возражений не было. Вошли д-р Рорбах⁷⁴ и Давид-Хан⁷⁵ и заняли места.

Когда они входили, ещё не был закончен разговор о Батуме. Рейхенберг настаивал, что Закавказью достаточно одного Потти. На что Рорбах иронично сказал, что это всё равно, что вместо Триеста предложить Фиумэ и провёл параллель между Констанцей и другим портом.

Носке задал вопрос: «Какова будет судьба нефтепровода ввиду перехода Батума к Турции? Может ли Россия перевести его на Потти?».

Затем возник спор по поводу возвращения беженцев в Турцию. Рейхенбек высказался против этого, предлагая разместить их в Новороссийском крае, если нет места в Закавказье.

Наконец, Науманн заговорил о русофильстве армян. Он сказал, что армяне – завзятые сторонники России и поэтому не внушают доверия ни туркам, ни вообще противникам России. При всех условиях, до и теперь, когда России больше нет в Закавказье, они тянутся к ней, в то время как грузины давно борются против России, а теперь открыто настроены к ней враждебно. Для Германии грузины являются надёжным элементом, на который германская политика может опираться. Я не хотел разуве-

---

⁷⁴ Когда мы были у Рорбаха в первый раз, он выразил желание, в наших же интересах, принять участие в предстоящем совещании в рейхстаге. С Науманном он был в близких личных отношениях и очевидно предварительно с ним об этом снёсся.

⁷⁵ Давид-Хан, кажется, армянин. Но кто он такой и в качестве кого явился в рейхстаг, не помню.

рять его в обратном, но дал объяснение, – наше географическое положение иное, чем у грузин и значительно хуже. С Турцией у грузин нет никаких трений и там нет рокового «грузинского вопроса». Кроме того, грузины не живут в Закавказье смешанно с мусульманами, как армяне. Не только маленькие нации, но и большие в нашем положении (например, поляки) нуждаются в сильной помощи. Только сильная помощь, оказанная армянам сейчас, может оттянуть их от России. Кто-то из депутатов улыбаясь, не в насмешку, заметил, что видно маленькие народы тоже усваивают принцип «реальной политики» На это я сказал, что многие из наших руководителей в молодости учились в Германии.

Науманн вновь стал говорить.

– В этой комнате комиссия рейхстага по иностранным делам провела секретное заседание и поэтому о прениях, которые здесь велись, я не вправе распространяться. Но могу сказать, что на это заседание был приглашён турецкий посланник, от которого депутаты хотели узнать истину об армянских событиях. Посланник сказал, что армяне всегда были врагами турецкой государственности и в критическую минуту изменяли ей.

При этих словах пастор Штир воскликнул, как ужаленный и энергично дал ответ, указав на роль, которую играли армяне издавна в турецкой государственной жизни, в младотурецком движении, завершившимся конституцией и на воззвание армянских руководителей к армянскому населению исполнить гражданский долг перед общим отечеством. Л. Назарян, в свою очередь, дополнил это возражение историей всех армянских революционных организаций найти общий язык на базе турецкой государственности, попытках, к сожалению не давших прочных результатов. Что же касается, якобы армянской измены, он процитировал слова Энвера и других о самоотверженной службе армянских солдат в турецкой армии, напечатанных даже в немецкой газете, издающейся в Константинополе.

– Даже если Ваши слова справедливы, тогда непонятно, что произошло с армянами? – спросил Носке.

На этой почве возник обмен информацией и её толкованиями. Мы описывали невозможное положение, создавшееся для армян и вообще для христиан в турецкой армии – издевательства, оскорбления, отягощение непомерными повинностями были их уделом. Неудивительно, что при таких условиях развилось среди них дезертирство. Но дезертирство вообще приняло исключительные размеры в турецкой армии, дезертировали массами сами турки.

Под конец мы высказали мнение, что турки решили, что не будет более такого случая, который предоставляет им всеобщее столпотворение мировой войны, чтобы уничтожить всех армян и разом покончить с проблемой, которая в течение последних десятилетий тяготела над их «государственностью» в виде армянского вопроса. И они это сделали.

К концу попросил слова Рорбах. Он начал с того, что вопрос об отношении Германии к армянам и закавказским христианам вообще имеет, помимо практической, ещё и нравственную сторону.

– Не надо забывать,– продолжал он, что армяне и грузины азиаты. Я прошу присутствующих делегатов не принять это в обиду, так как я имею здесь в виду нравственное качество, говорящее в их пользу. Мы, европейцы, во время войны, когда видим, что положение наше ухудшается и не даёт шансов на успех, как люди практические, спешим заключить мир по возможности выгодный, пока не исчерпав своих сил, можем ставить приемлемые для нас условия.⁷⁶ Не так поступают азиаты. Они по-своему более горды, не практичны и непреклонны. Они бьются в своих горах и ущельях до полного изнеможения, до последних остатков человеческого запаса. Так могут развернуться события в Закавказье. Спрашивается, возьмёт ли на себя Германия ответственность перед человечеством и культурой уничтожение двух христианских и культурно способных древних народов в их естественной борьбе против продвижения турок? Турция сможет сперва уничтожить армян Закавказья и беженцев из Турции, а затем та же участь может постигнуть и грузинский народ. Но ведь ни для кого не секрет стремление младотурок превратить Переднюю Азию в сплошную магометанскую страну. Армения и Закавказье превратятся тогда в зияющую рану, и весь культурный мир будет укорять нас, а это несовместимо ни с добрым именем Германии, ни с её интересами, я бы даже сказал, и действительными интересами Турции, если она захочет посмотреть на вопрос глубже. Германия никогда не освободится от обвинения, что не остановила свою младшую союзницу от таких её действий. Никто не поверит и никто не верит, что мы не в силах были этого не сделать, даже если в некоторой степени это и так. Но надо ведь знать, сколько пишется об этом в заграничной и даже нашей прессе. Глухо волнуется германское общественное мнение от всего, что уже произошло, о чём, несмотря на цензуру, доходят смутные слухи из нейтральных стран. Но когда снимется военная цензура и вскроются все ужасы, все заговорят громко. Да я сам первый буду писать об этом.

Речь Рорбаха, которую я почти дословно записал сегодня же по возвращении из Рейхстага, произвела впечатление. Повидимому Рорбах, видя что практическими соображениями трудно чего либо добиться, пустил в ход моральные соображения.

Беседа наша продолжалась полтора часа и странно, что Шейдеман не проронил ни одного слова. Недаром как-то сказал нам о нём Рорбах: «Это голова без сердца». На самом деле у него холодное, бесстрастное

---

⁷⁶ Через полгода история посмеялась над этими словами. Ни генерал Фош, заключая с Гиндсбургом перемирие, ни Версальский конгресс, оформивший мир, не позволили Германии даже слова замолвить. Ей были предложены условия к безоговорочному принятию. Иным мог быть результат, если бы Гиндсбург и Людендорф предвидели неизбежность катастрофы, раньше просили бы о заключении перемирия и мира.

выражение лица. Он сидел молча, смотря в одну точку, всё время держа во рту сигару. Эберт, сидевший рядом с ним, тоже не сказал ни единого слова. Один Носке проявлял активность. Но его не так легко было понять, он как-то особенно конструировал свои фразы.

Науманн закрывает собеседование. Мы благодарим его и присутствующих за внимание. Науманн идёт к окну, к нему подходят несколько из присутствующих, очевидно, для частного обмена мнениями. Социал-демократы все выходят одновременно с нами. Я невольно обратил на это внимание, как будто всё это их мало интересовало.⁷⁷

5.4. Встречи с общественными деятелями. Третий меморандум

Очень утомленные таким ответственным выступлением, мы пошли со Штиром в ресторан подкрепиться, тем более, что нам предстояло ещё одно посещение.

В половине шестого вечера мы идем на заседание общества «Orient- Islam Mission» куда мы также были приглашены на собеседование. Председатель общества – D-r Achsenfeld, секретарь – D-r Schreiber. Сюда мы также были приглашены на собеседование. Вначале мы отпирались, чувствуя несовместимость наших задач с этим «Orient- Islam Mission». Но Порбах посоветовал сделать пропаганду и там.

Achsenfeld, по типу еврей с резкими манерами и довольно неприятный. Кроме нас троих, Штира и вышеуказанных двух лиц, за большим круглым столом сидели еще два-три человека. Это, повидимому, был президиум общества.

Беседа не клеилась. Говорили всё вокруг да около, очевидно из инстинкта предупредить столкновений. Achsenfeld явно защищал Турцию. Когда он в процессе беседы высказался, что армяне, если они ещё продолжают воевать в войсках врагов Германии, то они, тем самым, являются изменниками (?!), наш Штир вспыхнул и первый дал удачную отповедь Аксенфельду. (Я заметил, что Штир искренне был поглощён трагической судьбой армян и был очень предан делу их защиты).

После выпада Аксенфельда мы встали и стоя продолжали говорить и высказали Аксенфельду несколько колкостей. Мы делаем движение и даём понять, что нам здесь делать нечего. Почувствовав бестактность своей вылазки, Аксенфельд стал говорить в другом тоне. Но настроение

---

⁷⁷ Это, конечно, не случайно. Можно написать книгу о том бездушном, а следовательно и безнравственном отношении, которое всегда проявляла германская социал-демократия к систематическому уничтожению Турцией христианского населения на протяжении многих десятков лет. Основоположниками этой «позиции» были, как известно Маркс и Энгельс (см. хотя бы статью Ашота Ионнесяна «Энгельс и армянский вопрос» в сборнике, посвященном Рязанову).

было испорчено, и мы поспешили уйти из этого расчудесного «Orient- Islam Mission».

Когда мы были на улице, Штир сказал, что он ещё поговорит как нужно с этим Аксенфельдом и пристыдит его. Мы выразили сожаление, что не зная Аксенфельда достаточно, пригласили и его на банкет, который состоится завтра.

Поздно вечером заходит к нам «секретарь» Карапет Мелик–Оганджян. Он рассказывает об оставшихся во время войны в Берлине грузинах, которые как враги России и ярые самостийники не только поддерживали с правительством тесную связь и издавали на немецкие деньги журнал, но и служили в войсках в офицерских должностях. Во главе этой группы стоял некто Михаил Церетели, который и руководил грузинским журналом. Мелик-Оганджян обещал номера этого журнала для меня.

Берлин, 2 мая 1918 г.

В особом салоне нашей гостиницы состоялся обед, на который были приглашены лица, которые помогали нам и лица, которые так или иначе могли быть для нас полезными.

Присутствовали д-р Аксенфельд, председатель общества «Orient-Islam Mission», д-р Рорбах, член армянской комиссии этого общества, д-р Шрейбер, секретарь того же общества, пастор Штир и два-три немца из разных организаций, наш советник Гринфельд и секретарствующий Мелик-Оганджян.

Обед не носил характера официального банкета. Велась непринужденная беседа на разные темы. Говорили, между прочим, о последней новости – аресте украинского правительства германским главнокомандующим фельдмаршалом Эйхорном. При этом Рорбах заметил: «если мы будем так действовать, многого не достигнем».

К концу обеда, когда подали сигары, ликёры и кофе (приготовленного рестораном из нашего «Мокко»), Рорбах, шагая по салону, диктовал своей стенографистке текст письма, которое нам предстояло послать Фр. Науманну с выражением благодарности за организацию коллоквиума в Рейхстаге и выражением ему наших надежд.⁷⁸

Закончив диктовку, Рорбах сказал, что было бы очень желательным наше выступление в Комитете по восточной политике Германии, являющимся общественной организацией, но так как у нас много дел и визитов, выступление можно заменить нашим интервью, которое будет опубликовано в органе этого Комитета. И если мы с этим согласны, он тотчас же вызовет по телефону сотрудника этого органа Эскерса. Мы согласились, и он вызвал этого сотрудника, который явился очень скоро. Как только гости разошлись, мы все поднялись в мой номер.

⁷⁸ Этого требовала вежливость. Утром мы просили Рорбаха взять на себя труд отредактировать письмо, так как в смысле языка и личного знакомства с Науманном, он мог это сделать, конечно, лучше нас.

Рорбах попросил изложить эволюцию военно-политических событий в Закавказье, начиная с Февральской революции. По мере того, как я рассказывал, он после каждого абзаца формулировал моё повествование стенографистке уже вполне правильным литературным языком, а Эскерс в своей книжке делал какие-то заметки. Я заметил, что Рорбах обладал даром чётко и правильно формулировать фразы для диктовки. Это, конечно, был не только его индивидуальный дар, но и навык, выработанный европейским умом в течение долгого периода в деловой, скупой на время, работе.⁷⁹

Берлин, 3 мая 1918 г.

Явился к нам Рорбах. Собираясь в Украину, он заходил в украинское дипломатическое представительство (которое находилось в нашей же гостинице), чтобы узнать, какое там сейчас положение. В представительстве ему сказали, что из Киева никаких сведений не получают и они думают, что фельдмаршал Эйхорн арестовал правительство и Раду и поэтому прекратилась связь с Берлином.

Я был удивлён, когда Рорбах в беседе с нами сказал, что в Германии преобладает мнение за восстановление России в прежних границах и её мощи, ибо с такой Россией Германия могла бы заключить союз против Англии.

– А Украина и другие? – спросил я.

– Да что Украина? Три года тому назад мы даже не знали этого слова. Много во всём этом искусственного.

– Но Вы ведь сами другого мнения?

– Да, но моё мнение не имеет много сторонников.

Затем мы беседовали о нашем третьем меморандуме, который мы никак не составим. Он вкратце изложил желательный, по его мнению, проект меморандума, начав его так: «С Россией на Кавказе теперь покончено». И далее в том же духе. И что мы, армяне, желаем, чтобы Русская и Турецкая Армения объединились под протекторатом Турции и при гарантиях со стороны Германии.

Мы категорически отвергли это положение. После того, что учинила Турция над армянами, не может быть и речи о каком-либо протекторате и общей с Турцией государственности при каких бы то ни было гарантиях, тем более Германии, которая будет держать сторону Турции, как бывшего военного союзника. На это Рорбах вносит корректив: «Если бы Русская и Турецкая Армения объединились» и т.д. И эта редакция была очень ответственна в отношении России и морально абсолютно неприемлена в отношении Турции.

---

⁷⁹ Напечатанный текст этого интервью приведён ниже в записях от 5 мая.

Присутствующий при этом Гринфельд заявил, что он принципиально против и сейчас же уйдет, если меморандум будет составлен в таком духе.

Берлин 4 мая 1918 г.

Сегодня утром ездил к Рорбаху. Я показал ему пространную записку, составленную нами для Науманна и для других членов рейхстага. После некоторых, сделанных им исправлений, он посоветовал напечатать записку типографически на «правах рукописи». После этого я ознакомил его с нашим меморандумом на имя правительства. Он предложил сделать некоторые исправления и посоветовал при переговорах с правительством не говорить, что мы будем вынуждены снова искать Россию, так как не можем обойтись без внешней помощи (при этом я подумал, что после нашего коллоквиума в Рейхстаге, присутствующие там, вероятно, уже вынесли такое впечатление).

– Большинство немцев и правительство склонны думать, что скорее всего Россия должна воссоединиться, – добавил он.

– Ничего нельзя понять, доктор, – сказал я.

– Совершенно верно, чрезвычайная путаница в толкованиях и предсказаниях, – подхватил он моё недоумение. – «Всё находится в состоянии течения». Никто не может правильно предугадать, как всё сложится в будущем. Но вам, армянам, не следует демонстрировать старую привязанность к России.

Действительно, всё было очень сложно. Веками создавшиеся взаимоотношения государств и все факторы «европейского равновесия» рухнули. В результате этого могучего сотрясения кто сгинет и кто возвысится, как расположатся силы и за что придётся цепляться малым народам, чтобы сохранить своё место «под солнцем», как сделать, чтобы не сжечь корабли с бывшими друзьями и сохранить побольше козырей к предстоящей конференции? Все эти соображения относительно такого колосса и сфинкса как Россия, сейчас бессильно находящейся в крахе и бившейся в лихородке революции и анархии сользили по неуловимому будущему. Перед лицом такого «кровожадного и смертельного врага» как Англия немцы инстинктивно боялись уничтожить мощь России и ослабить её больше того, что было сделано в Брест-Литовске и тем сбросить её с чаши весов. Пестрота политических предсказаний, взглядов и программ менялись в Германии с каждым днём в раскаленной пороховой атмосфере и в вихре российских событий. И в этом грандиозном водовороте, как нам, маленькому и обессиленному народу найти точку опоры, чтобы сохранить остатки, уцелевшие после катастрофы?

Задача была крайне трудна. В политике всегда легче быть субъектом, чем объектом. В этих условиях для малых народов единственной путевидной нитью является разрешение задачи сегодняшнего дня. Для армян в это время важнейшей проблемой дня было сохранение жизни армянского народа в Закавказье и единственным критерием правильно-

сти политического курса является для нас – возможно ли достижение указанной цели? Другого мерила оценки в это время не было и не могло быть.

Я попросил Рорбаха о литературе для ориентации в политических течениях и перспективах Германии в её послевоенной политике. Он переговорил по телефону с проф. Гансом Дельбрюком⁸⁰.

В 2 часа дня имели свидание, совершенно бесплодное, с известным депутатом Муммом. Он был крайне осторожен в ответах. Мы недоумеваем его формулировкой: « Ich bin ja nicht ganz private Person» (Я ведь не совсем частное лицо). Он просит свежих документальных данных о зверствах турок. Сократив беседу, мы ушли. С нами был и Штир.

На обратном пути Штир читает нам свой ответ на запрос, полученный им от Гёперта, относительно нашего свидания с депутатами Рейхстага. Однако, у этого «тайного советника» информация! 1-го мая мы были приняты в Рейхстаге, а 3-го Штир (как организатор совещания от имени Германо-армянского общества) получает запрос(!), кто мог сообщить Гёперту о состоявшемся собеседовании в Рейхстаге?! В мирное время Штир едва ли счёл бы себя обязанным отвечать, но время было военное.

Дома застали городскую телеграмму д-ра Аксенфельда, председателя «Orient-Islam Mission». Просит переговорить с нами по телефону, жelaет нас посетить.

Тягостное впечатление на нас произвело сообщение в газетах о нападении татар на эшелон с русскими солдатами, покидавшими турецкий фронт.

Зашёл к нам Мелик-Оганджян. Мы послали с ним в правительство наш третий меморандум.

Берлин, 4 мая 1918 г.

В Министерство иностранных дел Германской империи

В первом нашем меморандуме от 28 апреля мы указали на непрерывные страдания, которые претерпевал наш народ вследствие своего положения в стране, окружённой магометанами. В настоящее время эти страдания сделались невыносимыми.

Уже в первые же годы армяне Турции были разобщены между собою, уничтожены, переселены, выволочены в пустыни; мужчины, женщины, дети истреблены убийствами, голодом, холодом и лишени-

---

⁸⁰ Историк и очень авторитетный политик Руководитель журнала «Prenssische Jahrbucher»..Во время войны Дельбрюк много писал и выпустил отдельным изданием свои статьи под названием «Krieg und Politik»

Кстати, внесу одно воспоминание. В 1899 г. Рорбах пригласил меня и ставшего к тому времени известного монаха–композитора Комитаса, работавшего по теории музыки в Берлине, к себе на вечер. В этот же вечер Комитас пригласил меня в консерваторию Шарвенки, где квартет должен был исполнить некоторые его транскрипции армянских народных песен. После концерта мы с Комитасом пошли к Рорбаху. Кроме нас и двух молодых немцев был там и проф. Ганс Дельбрюк. Комитас сыграл на рояле несколько армянских песен и курдский марш.

ями. 300000 армян спаслись бегством на Кавказ к своим соотечественникам. Кавказские армяне не могут равнодушно взирать на эту катастрофу целого народа. Сейчас, после гибели турецких армян, они составляют большую часть нации. Они занимают экономически небогатые и уже сильно населённые области. Содержание бежавших соотечественников, которые уже понесли большие потери, создаёт большие затруднения.

Невозможно, чтобы армянские беженцы из Турции длительно не оставались на Кавказе. При недостатке в землях и продовольствия это приведёт к трениям с неармянским населением на Кавказе. Возвращение же беженцев в Турцию возможно, если будут обеспечены возвращающимся на родину жизнь, честь и имущество. Армяне Турции не настроены враждебно к турецкому народу и готовы мирно жить вместе с их магометанскими соседями. Но они должны быть в будущем ограждены от насилия.

Германия, несомненно, имеет возможность дружественным воздействием на Турцию создать условия в Турецкой Армении. Если это не будет достигнуто, то приведёт не только к уничтожению армянского элемента в Турции, но и создаст опасное положение. Армяне, борющиеся на турецкой территории, доведённые до отчаяния, вооружаются до последнего человека. Турки тогда должны будут долгое время использовать значительные войсковые части против армян. Если мы вернемся с совершенно пустыми руками

Какое-либо воздействие с нашей стороны на борющихся в Турции наших соотечественников при наилучшем желании будет невозможно.

Продолжение борьбы между турками и армянами легко может превратить Кавказ в очаг пожара. Если даже армянские руководители употребят всё своё благоразумие, буде невозможно воспрепятствовать выражению сочувствия кавказских армян турецким.

Опасность того, что турецкие войска могут использовать трения между армянами и татарами на Кавказе, чтобы проникнуть в места пребывания армянского народа на Кавказе, в особенности в Эриванскую губернию вызовет крайнее возбуждение среди кавказских армян. Вблизи города Эривани находится Эчмиадзинский собор, который является религиозным центром армянского народа и находится резиденция Католикоса – главы армянской церкви.

Положение лишь тогда может стать сносным, если хотя бы для части населённой армянами области в Турции будут созданы усилиями Германии обеспечивающие условия. Но армяне не могут верить, что обстоятельства в будущем сложатся таким образом, если будут только турецкие обещания. Никакая другая держава, кроме Германии, при настоящем положении вещей не в состоянии помочь армянам. На Германию устремлены взоры армян, как Кавказа, так и Турции.

Делегация Армянского Национального Совета

*А. Джамалян
Г. МеликКарагёзиан
Л. Назарян*

Лично я был против посылки этого меморандума, так как он являлся повторением предыдущих. Кроме того, я категорически возражал против настаивания, чтобы беженцам было разрешено вернуться в Турцию, ибо никакие гарантии, даже немецкие, не спасли бы их от гибели. Турки покончили бы с ними в два счёта. Ведь боялись же мы вступления турецких войск в закавказские пределы. Почему же?. Потому что боялись резни, которую учинили бы эти войска вместе с местными татарами, проживающими среди армянского населения. Так чего же было гнать несчастных беженцев в Турцию на нож и под пулю?! Однако, Назарян и Джамалян настаивали на этом пункте, желая сохранить на будущее время право говорить о Турецкой Армении. И вообще, такая тенденция была характерной для тогдашнего общественного мнения.

Берлин 5 мая 1918 г.

В 12 часов явился д-р Аксенфельд, председатель «Orient-Islam Mission». Мы догадывались, что он, по всей вероятности, является к нам в качестве посредника между нами и Гёпертом и подослан последним. Догадки эти были основаны и на письме Гёпперта Штиру.

Мы приняли Аксенфельда в салоне, угостив его завтраком

– Ну как, довольны ли вашими переговорами с правительством? – спросил он.

Избегая прямого ответа, мы ответили, что, по словам Гёперта, Германия будто бы не может оказать сильное давление на Турцию.

– Совершенно верно, – подхватил Аксенфельд. – Помните, что до сих пор если вмешивались в дела Турции, то потому, что она была слаба. Но она чрезвычайно окрепла. Подумайте, как она теперь сильна! И всякий раз, когда мы затрагивали какой-либо вопрос, касающийся её отношения в прошлом и настоящем к армянам, она реагировала возражением, что это её внутреннее дело.

– Да, но всему есть предел...

– Но вы забываете, что делала Россия у себя! Как она обращалась с прибалтийскими немцами! Имели же они то же право на защиту со стороны Германии. Но Германия не могла вмешиваться во внутренние дела России. Россия была сильна и Германия не хотела с ней ссориться. А та ответственность за армянскую резню в Турции, о которой пишет вся враждебная нам пресса? Как может Германия быть за неё ответственна? Ведь сотни тысяч евреев (?!) были перебиты русским правительством в эту войну, и ужасные бедствия перенесли немецкие военнопленные в Сибири. Что же по-вашему ответственна ли Англия за это как союзница России? И потом, непонятно ваше желание, чтобы на границе Закавказья образовалась маленькая Армения. Это же немыслимо.

Подумайте хотя бы о том, как Католикос, который сидит в Эчмиадзине, будет оттуда влиять на армян в Турции. Этот вопрос весьма сложен. Если вы хотите, чтобы Турция не вмешивалась в ваши закавказские дела через своих единоверцев татар и лезгин, то и вы не должны вмешиваться в турецко-армянские дела. Я, право, вам советую высказать свои пожелания Гёперту прямо и откровенно. Это мой совет. Ибо я не могу не сочувствовать несчастным армянам, хотя они пострадали и страдают потому что в эту войну были на той стороне, на которой им не следовало быть. Россия, Бельгия и Сербия тоже поэтому пострадали.

– Вы будете, насколько я знаю, – продолжал он, не давая нам говорить, – приняты товарищем министра иностранных дел фон дем Буше Таггенгаузенем и, насколько мне известно, беседа будет непродолжительной.

– Мы узнаём об этом впервые. Но откуда знаете Вы, доктор? – спросил я.

– Я так слышал, – ответил он, несколько смутившись. – Вам, во всяком случае, необходимо скорее выехать из Берлина. Один из вас должен выехать в Тифлис.

– От имени кого Вы всё это говорите, чьи это советы? – спросил Джамалян.

– Это всё равно . . .

– Но Вы ведь не более как председатель «Orient-Islam Mission»? Если это мнение Гёперта, так и скажите.

– Я говорю Вам на оновании дошедших до меня положительных сведений и из желания вам добра.

– Да, с кем вы ещё виделись? – вдруг он изменил разговор.

Не желая отвечать на вопрос этого лазутчика Гёперта, носивший характер допроса и желая ему дать понять, что не считаем себя обязанными предоставлять ему информацию, мы полушутливо ответили ему, что недавно снова виделись... с Гёпертом.

– А кроме него?

– С Рорбахом, с Вами.

– Да, но вы не то говорите. Почему из этого вы делаете секрет? Ведь вы виделись со многими лицами?

– Секрета тут нет, тем более, Вы сами всё знаете. Но Вы как-то особенно спрашиваете, – сказал Джамалян.

– Напрасно Вы так думаете, meine Herren. Я расспрашиваю Вас из добрых намерений. Быть может, это будет выглядеть навязчиво, я хотел вам посоветовать, не делать пропаганды и шума при встречах с политическими деятелями. Я слышал, вы виделись с Науманном?

– Виделись.

– С кем ещё?

– С Эрцбергером.

– А с Муммом виделись?

– Да.

– Что он вам сказал?

– Ничего особенного, больше слушал.

Вскоре Аксенфельд встал и ушёл, почувствовав, надо полагать, что порядком нам надоел своими советами и распросами. Беседа с ним продолжалась около часа. Мы были с ним вежливы, но холодны и дали понять, что мы отлично даём себе отчет в том, кто с нами говорит.

Когда ушёл этот антипатичный председатель «Orient- Islam Mission» и несомненный агент Министерства иностранных дел, Джамалян метко заметил, что ему и его «хозяину» Гёперту очень пошли бы турецкие фески.

Не было никакого сомнения, что этот Аксенфельд был подослан к нам Гёпертом с одной стороны, чтобы выведать у нас с кем из видных деятелей мы встречались, что они нам говорили, а с другой – сказать нам всё то, что Гёперт, как официальное лицо, не считал удобным нам сказать прямо, например, что Германия не может оказать давление на Турцию, потому что она сильна и чтобы мы по возможности скорее уехали. Не без того, что турецкое посольство было проинформировано Министерством иностранных дел о наших переговорах с ним и возможно получало все наши меморандумы в копиях (Как, вероятно, и посольства остальных союзников Германии). Всё это не могло не раздражать турецкое посольство и не беспокоить германское Министерство иностранных дел. Последнее, быть может, в начале было радо продемонстрировать, что сам армянский народ обратился за помощью к германскому правительству, что может служить доказательством полного бессилия держав Антанты и доверия армянского народа к Германии. Но ввиду того, что мы стали апеллировать через голову правительства к общественному мнению Германии в лице его самых влиятельных представителей, естественно Министерство иностранных дел желало поскорее положить предел нашему пребыванию в Германии, тем более, что при начавшихся вновь переговорах закавказского правительства с Турцией, наши переговоры в Берлине ставили германское правительство в ложное положение.

Мы обратили внимание на фразу, произнесенную Аксенфельдом, что мы, армяне, хотим создать рядом с Закавказьем маленькую Турецкую Армению. Мы ни одного слова не писали об этом в наших записках и меморандумах и не говорили об этом никому ни официально, ни частно. Очевидно это было вызвано не удачной редакцией нашего мандата, выданного нам Армянским Национальным Советом и сообщённого в Берлин из Пскова генералом фон Штангеном. Но возможно, что наши настойчивые требования, чтобы к армянским областям Турции был применён принцип самоопределения, что мы надеялись этим путём утвердить здесь преобладание армян, навели Гёперта на мысль, что наши цели идут дальше защиты закавказских армян от нашествия турок.

Не совсем понятна была для нас фраза Аксенфельда, что одному из нас непременно надо поскорее выехать в Тифлис. Эта его фраза воз-

ника в связи с тем, что мы намёком говорили Гёперту, что из Германии мы предполагаем разъехаться так: один – в Тифлис, другой – в Москву (Петроград), третий в Копенгаген. Во всяком случае, из всего того, что доходило до нашего слуха было видно, что Гёперт желал поскорее освободиться от нас и чтобы мы, вернувшись домой, информировали нас посланных о точке зрения германского правительства.

Освободившись немного от забот – написанием меморандумов, докладных, записок, официальных писем и визитов, пошли погулять по городу. Купили по одному экземпляру плакатов пропаганды войны. Я купил также башмаки с деревянными подошвами и каблуком, как продукт промышленности военного времени, массу скрипичных струн (в России трудно было их достать) и разные хозяйственные принадлежности. Купил много книг о войне, России и Турции, давно замеченные мною в витринах книжных магазинов, как например, Rotenan⁸¹ «Von koteden Dingen» 43-е издание (!), Furit Bulov «Deutsche Politik» Fr. Nauman «Das Mittel Europa», prof. Onken «Das alte und das neue Mitteleuropa», Iven Heddin «Baghad, Babylon, Ninive», серию капитальных трудов по экономике Турции, написанных компетентными авторами и много других книжек по вопросам текущей политики. Надо было только найти время, чтобы всё это или хотя бы часть прочесть. Джамалян приобрёл весь комплект центрального научного периодического органа социал-демократической партии Германии «Neue Zeit», который редактирова Каутский. Я купил также сочинение Науманна вместо потерянного мною экземпляра, презентованного автором Рорбаху с надписью. Я послал его по почте Науманну с объяснением и просьбой восстановить свою подпись и переслать Рорбаху⁸².

Вернувшись в гостиницу, застал в своём номере письмо д-ра Рорбаха, в котором сообщал, что меня очень хочет видеть frau d-r Henss, дочь известного экономиста Кнаппа, женатого на Лорис-Меликовой. Странное совпадение! Как раз сегодня я купил капитальный труд Кнаппа «Die Staatstheorie des Seldes».

Вечером, в 9 часов пошёл к Henss. Муж и жена – молодые люди. Он публицист, работает вместе с Рорбахом. Она всё расспрашивала о разных лицах, которые ей приходится родственниками на Кавказе, о Лорис-Меликовых, Бебутовых, Коргановых и др. Уверяла меня, что Лоис-Меликовы, Коргановы – грузины (модная нация!). Мне было скучно спорить с ней на эту тему, но я спросил кто её информировал таким образом? Ответила: студенты-грузины, проживающие в Берлине. Конечно,

⁸¹ Когда мы возвращались домой, Джамалян вёз этот комплект в Тифлис. После его эвакуации за границу, в связи с советизацией Армении, я стал искать этот комплект в Тифлисе, ввиду крайней редкости этого журнала не только в Тифлисе, но и в Москве. Полагаю, что Джамалян не взял бы вновь за границу этот тяжёлый груз и он находится где-то в Тифлисе или Эривани.

⁸² Рорбах через несколько дней говорил мне, что Науманн, получив эту книгу и моё письмо, сказал ему смеясь: «Вы назвали в рейхстаге армян азиатами, но они, видимо, пунктуальны как немцы».

старая погудка – все выходцы из Борчалинского уезда так называемые армяне, просто грузины, принявшие армяно-григорианство. На самом деле Коргановы по всем данным выходцы из Армении из-под Арарата, поселившиеся в Энагеты в Борчалинском уезде. Неподалеку от этой деревни похоронен Давид Энагетский Карганян который был каталикосом, кажется, в 1845 г. Лорис-Меликовы из Лори и фамилия эта означает – Меликов из Лори. Окончание *ис* действительно грузинское. Армяне говорят: Лору-Меликян.

Когда прощались с д-ром Henss, я спросил его не собирается ли он в Россию, на Кавказ он ответил: – Да, может быть. Но не теперь, конечно. Немцы так не любимы сейчас.

Берлин, 6 мая 1918 г.

Сегодня днём в 11 часов звонит мне Гёпперт.

– Здравствуйте, как поживаете? – спрашивает он по-русски. Затем по– немецки. – Как вы решили насчёт отъезда?

– Мы собираемся скоро выехать, 10 или 11 мая.

– Да. Но этот день скоро наступит. И куда вы едете?

– Мы решили так: один из нас поедет через Россию в Тифлис, а остальные, вероятно, в Вену или Копенгаген.

– Кто именно?

– Мы не решили пока окончательно.

– Необходимо, чтобы вы это поскорее сказли мне, так как я должен предварительно переговорить с Веной. Когда Вы сможете сказать мне?

– Я надеюсь, в течение одного-двух часов.

Я попросил к себе из их комнат Назаряна и Джамаляна. Мы долго обсуждали, кому и когда ехать. Через два часа снова звонит Гепёрт.

– Herr Melik-Karageusian, Вы должны были кое-что мне сказать?

– Совершенно верно, я только-что хотел позвонить Вам, но Вы оказались слишком точным. По вопросу об отъезде мне лучше переговорить с Вами лично.

– Отлично, буду ждать Вас сегодня в 5 часов.

– Прекрасно.

– И не забудьте, что товарищ министра фон дем Буше принимает вас послезавтра в 6 часов вечера

После этого разговора стало ясно, что Аксенфельд был увертюрой к опере «Гёперт».

В 5 часов, после обеда мы все трое пошли к Гёперту. О наших миморандумах он – ни слова. И мы не возбуждали вопроса о них. Из учтивости поблагодарили его за содействие предстоящей встрече с товарищем министра фон дем Буше. Сообщили ему о наших предположениях относительно нашего обратного маршрута. Он никак не соглашался с поездкой одного из нас в Копенгаген. По-своему он конечно был прав. Дания и Голландия были нейтральными странами. Там и оттуда Назарян

мог бы развить армянскую пропаганду, мог бы оттуда поехать в страны Антанты и там разгласить всё увиденное и услышанное в Берлине.

Добивался ли Назарян Копегагена из желания попасть оттуда в Женеву к дашнакам или по каким-то мотивам личного свойства, не знаю. По старым связям Назарян хотел попасть в Болгарию. Гёперт возразил и против этого, сказав:

– Турция считает себя великой державой, и вы навредите себе, если прибегните к помощи Болгарии.

Когда Джамалян завёл разговор о Вене, Гёперт сказал, что он предварительно снесётся с австрийским правительством.

Перед нашим уходом Гёперт, как бы вскользь, сказал:

– В конце концов, можно ли доверять Армянскому Национальному Совету когда армяне были, есть и будут держаться российской ориентации?

Мы ответили, что ориентация определяется трудно преодолимыми географическими и историческими условиями. Но большевистская Россия так легко бросила Закавказье и армян на произвол судьбы и сдачей Турции Карса, Ардагана и Батума поставила их в такое смертельно опасное положение, что русская ориентация в народе покалебалась. Весь вопрос в том, может ли считаться прочным отделение Закавказья от России? Насколько нам известно, среди многих авторитетных немцев на этот счёт имеются серьёзные сомнения, – добавили мы улыбаясь.

При этом Гёперт посмотрел в сторону и как дипломат ничего не сказал, но было очевидно, что он не мог отрицать нашего последнего намёка. После некоторого молчания он как бы спохватившись сказал:

– Но вы сейчас просите вам помочь. И если Германия пойдёт вам на помощь, она должна знать, находитесь ли вы на стороне её врагов или друзей?

– Но мы тоже вправе знать, в чём будет заключаться эта помощь, как далеко она будет распространяться и насколько она будет прочна. Мы об этом до сегодняшнего дня ничего не узнали. А если что-либо узнали, так это заявление Аксенфельда и других о том, что Германия не может оказать на Турцию сильного давления. Наконец, если мы окончательно повернёмся спиной к России, какая гарантия, что после войны Германия не заключит союза с Россией, как это часто бывает между враждующими державами? Каково будет положение армян, имея по соседству такое враждебное государство, как Турция?

– Такие соображения заведут нас слишком далеко, прервал Гёперт.

Конечно, ничего лучшего он сказать не мог и чтобы только прекратить щекотливо поставленные нами вопросы, встал и добавил:

– Товарищ министра фон дем Буше ответит вам на ваши меморандумы. Вы узнаете от него точку зрения Германии. Скажу пока, что представитель Германии генерал фон Лоссо, очень серьёзный и хороший человек, будет принимать участие в переговорах закавказского прави-

тельства с Турцией и всячески постарается защитить интересы Закавказья. Но важно, чтобы вы скорее уехали и информировали своих о точке зрения Германии. После приёма у товарища министра ваши функции здесь, собственно говоря, заканчиваются.

Под конец говорили конкретно о моём маршруте, так как я действительно торопился в Тифлис для информации. Гёперт сказал, что ехать придётся через Украину, а там немецкие власти помогут мне добраться до Тифлиса. Он обещал устроить нам беспрепятственную перевозку через границу книг и бумаг.

Возвращаясь домой, увидели на здании российского советского посольства развивающийся красный флаг. Это – по случаю рождения кронпринца германского. Мы с Джамаляном переглянулись и улыбнулись. (Назарян на следующий день говорил мне, что в очень распространенной берлинской газете *Local Anzeiger* была ядовитая заметка о том, что на крышах российского посольства развевалась красная тряпка. Не знаю, насколько это верно).

Берлин, 7 мая 1918 г.

Джамалян ходил сегодня в рейхстаг на свидание с Шейдеманом, с которым он предварительно списался. Он обратился к Шейдеману на открытке, как социалист к социалисту со словами *Angesehen Genosse* (Уважаемый товарищ).

Я снова ходил, (чуть-ли в десятый раз) в редакцию газеты *Vossische Zeitung* и опять не застал главного редактора проф. Штейна, к которому карточку дал нам Штреземан.

5.5. Приём у заместителя министра иностранных дел

Берлин, 8 мая 1918 г.

Одевшись по-парадному, пошли мы втроём в назначенный час на приём к товарищу министра иностранных дел фон дем Буше Таггенгаузену в то же здание, в котором нас принимал Гёперт.

В знакомой нам обычной приёмной, всей пропахшей чернилами⁸³, стоял толстый господин, с которым Назарян облобызался. Вскоре я узнал его – это был Парвус, известный социал-демократ, еврей из Рос-

---

⁸³ Шутя вспомнил то место из воспоминаний бывшего германского канцлера Гогенлоэ, что когда он посетил дворец германского канцлера Бисмарка на *Wilhelmstrasse*, его поразил концелярский чернильный запах, который стоял во дворце. Министерство иностранных дел находится рядом с этим дворцом.

сии, эмигрировавший давно за границу, всяких дел мастер. Я познакомился с ним в 1893 году в Штутгарте, когда он ещё назвался своим настоящим именем – Гельфандом. Он тогда только сдал на доктора философии и уже принимал участие в социал-демократической печати. Теперь по прошествии 25 лет, уже тогда достаточно полный, безобразно разжирел, обрюзг, имел вид мясника с безобразно вытаращенными глазами. Вся его наружность имела какой-то циничный вид, одет он был грязно и неряшливо, рубаха почти видна из-под жилета. И в таком виде он пришёл в Министерство иностранных дел!

В приёмной был знакомый мне один из членов украинского политического представительства. Я спросил его, имеется ли у них связь с Киевом?

– Нет. Немцы перерезали нашу связь.

– Верно ли, что ваш посланник отзывается?

– Верно.

– Ну, видно они у вас здорово хозяйничают.

На это мой собеседник что-то глухо пробормотал⁸⁴.

С пятого на десятое до меня доносился разговор между Парвусом и Назаряном. Парвус расспрашивал о некоторых общих с Назаряном знакомых в Болгарии и Константинополе и, между прочим, осведомился, неужели на самом деле погибли Варужан и Зограб?⁸⁵ В это время Парвуса пригласили в кабинет.

– Что делает здесь Парвус? – спросил я Назаряна, когда Парвус удалился. Назарян сказал, что эстонцы тоже хотят войти в переговоры с германским правительством, и Парвус является посредником между ними⁸⁶.

Вошёл в приёмную лакей во фраке и заявил, что Exellent von dem Busche задерживается у канцлера и извиняется, что вследствие этого опоздает на полчаса. Мы решили пока что зайти к Гёперту.

Вошли. Опять его стереотипное предложение папирос (никто из нас не курит). Мы сказали, что Exellent сообщил, что опоздает на полчаса.

– Вы хотите предварительно переговорить со мною?

– Нет, мы хотели узнать, нет ли у Вас ответа относительно поездки в Вену и выяснить вопросы, касающиеся перевозки наших вещей.

---

⁸⁴ После разгона социалистической Рады и правительства в Киеве фельдмаршал Эйхорн организовал новое правительство умеренного направления, и во главе государства был поставлен гетман Скоропадский.

⁸⁵ Армянские поэты, депутаты турецкого парламента. Убиты в 1915 г. по распоряжению младотурецкого комитета.

⁸⁶ Конечно, за крупную «комиссию». К этому аферисту и жулику Бебель почему-то относился снисходительно (см. брошюру Горького о Ленине, 1933 г.) Кроме того, Вартанян, один из вождей Дашнакцутюн, говорил мне в бытность свою в Тифлисе в 1920 г., что Парвус был уже на подозрении у социал-демократической партии Германии. До войны он занимался какими-то тёмными делами в Константинополе, нажив большие деньги.

В 1918 г. в беседе в поезде с Аршаком Зурабовым, я говорил ему, что Парвус аферами вероятно нажил сотни тысяч. Зурабов сказал, – А почему не миллионы? И какое это имеет отношение к оценке человека, как члена партии?

– Ах да, ответа пока не имею.

Относительно Копенгагена Гёперт сказал, что никак не может убедиться в необходимости поездки туда одного из нас. Бумаги, которые мы хотим везти с собою, посоветовал прислать ему, а он перешлёт их германскому послу в Москве.

– А книги? – спросил я.

– Книги переслать трудно. Да Вы, кажется, везёте с собой целую библиотеку?

– Нет, штук 30–40, – сказал я.

Он просил по всем вопросам запросить его в пятницу.

Мы зашли в кабинет. Кабинет невысокий. У окна небольшой письменный стол. Посреди кабинета небольшой письменный стол, вокруг него несколько кресел, а у стены диванчик. Едва ли это был единственный кабинет в котором товарищ министра иностранных дел великой державы принимает всех, начиная с послов, посланников и сановников. Невольно подумалось, что для многих высоких особ имеется и другой кабинет, быть может, и в другом здании.

Von dem Busche, высокого роста, лет 45-и, свежий, с породистым лицом, большими умными глазами и высоким лбом. Череп аристократический. Держит себя просто, вежливо, но несколько сдержанно.

Как только мы вошли, он отошёл от письменного стола, быстро подошёл к нам и, поздоровавшись, любезным жестом попросил нас сесть. Когда мы уселись вокруг круглого стола, он, взял с письменного стола отпечатанный на машинке лист бумаги и, сев на диван, положил его рядом с собою.

Только начал фон дем Буше говорить, как с шумом распахнулось от ветра окно, и с письменного стола полетели на пол все бумаги. Он вскочил, закрыл окно, а мы помогали ему подобрать бумаги. Вновь сев, он стал извиняться, что задержал нас, будучи с докладом у рейхсканцлера.

– Канцлер поручил мне принять вас и сказать... (тут он начал искоса поглядывать на лежавший рядом с ним на диване напечатанный лист и то читал его, то запоминая быстро прочитанные вперёд строки, поворачивая голову в нашу сторону, произносил их как бы наизусть, чтобы осалось впечатление устной речи)...

Императорское правительство с удовлетворением приветствует, что Армянский Национальный Совет обратился к нему с полным доверием в столь роковой для армянского народа момент. Оно имеет настойчивое желание, чтобы в тех областях, где живут армяне, они обрели вновь спокойствие и порядок после ужасных событий прошедших лет и чтобы восстановились длительные мирные отношения между христианским и магометанским населением. Оно убедилось также, что оттоманское правительство разделяет это пожелание и решило мягко обращаться с армянами. К сожалению, армянские банды учинили ужасные бесчинства при приближении турок, в особенности в районе Эрзинджана. Факт этот тем более обращает на себя внима-

ние, учитывая, что при этом турецкие войска соблюдали строжайшую дисциплину. Сообщения враждебной и нейтральной прессы об ужасах, которые якобы творились турецкими войсками, являются злонамеренным вымыслом. Наоборот, турки действовали с особенной мягкостью, например, в Батуме они отпустили всех пленных после того как их обезоружили. Если возникали бои между различными элементами населения при приближении турецких войск, они не могут считаться ответственными. Согласно имеющимся у нас сведениям, полученным нами из надёжных и проверенных источников там, где продвинулись турки царит полный порядок. Энвер паша при своём посещении Батума выпустил прокламацию в адрес армян Карса, Ардагана и Батума, призывал их оставаться на местах и объявил себя поручителем их безопасности, свободы и имущества. Эта прокламация уже имела успокаившее влияние. Что касается восточно-анатолийских турецких провинций турецкое правительство решило, как оно сообщило нам официально, обнародовать в ближайшее время амнистию проживающим там армянам и возместить потери тех армян, которые потеряли своё имущество.

Относительно выставленных делегатами пожеланий необходимо прежде всего заметить, что турки приостановили своё продвижение. Они не намереваются перейти границы, очерченные Брестским договором.

После того, как делегаты покинули свою родину положение вещей существенно изменилось в связи с тем, что в Закавказье имело место перемена правительства, и новые люди, стоящие у власти, решили возобновить переговоры с Турцией на основе Брестского мира. В ближайшие дни начнутся совместные совещания в Батуме. Императорское правительство представлено в них делегацией во главе с военным уполномоченным в Константинополе генералом фон Лоссо. Армянам предстоит свои предложения и пожелания, касающиеся оформления их жизни в Карсе, Ардагане и Батуме проводить через правительство Закавказья, в которое они собственно и входят. Мы надеемся, что это приведёт к соглашению, которое и для армян будет благодетельным.

Само собой разумеется, что на переговоры может оказать вредное влияние, если армянские банды будут в то же время продолжать свои бои, и армянская пропаганда в нейтральных странах не будет прекращена. Но роковым для армянского народа может оказаться, если повторятся те бесчинства, которые были совершены бандами в Эрзинджане и если в тех местах, где армяне составляют большинство, вспыхнут преследования магометанского населения.

После этих слов, произнесённых по писанному листу, товарищ министра в процессе завязавшейся беседы сказал:

— Германия готова сделать всё возможное, чтобы создать там сносное положение вещей. Я могу подтвердить, что Турция не перешагнёт

границ, указанных в Брестском договоре и что амнистия по нашему настоянию будет вскоре Портой объявлена. Неверны сведения, будто турецкие войска творят бесчинства над мирным населением. В Батуме, например, армяне не пострадали от турецких войск и властей. Те, которые были арестованы, были вскоре выпущены. Насилия, которые имели место в Батуме совершены были не оттоманскими войсками, а народными элементами, с которыми до того армяне были во враждебных отношениях и, как видно, не без вины армян. Что касается самоопределения в отдельных турецких областях, я отсюда не могу судить, как оно будет осуществляться, Мне также неизвестно, как будет происходить размещение бежавших из Турции армян.

Известно ли вам, что вскоре в Батуме начнутся переговоры между Турцией и Закавказским правительством? Мы командировали туда трех лиц – генерала фон Лоссо, дипломата Везендока и №⁸⁷, которые, представляя Германию в переговорах, должны наблюдать, чтобы условия турок были для вас тоже приемлемы. Они же озабочены размещением беженцев.

В Закавказье образовалось новое правительство с Чхенкели во главе, – продолжал фон дем Буше, которое согласилось признать Брестский мир. Я слышал, что один из вас хочет поскорее поехать в Тифлис.

Я подтвердил. И тут разговор невольно перешёл на второстепенную тему – кто куда поедет, прежде чем высказаться по существу ответа германскому правительству на вопрос о нашем скорейшем возвращении домой. Это было тоже немаловажно, принимая во внимание необходимость осведомления Армянского Национального Совета и Закавказского правительства относительно взглядов правительства и политических кругов по создавшемуся положению в Закавказье и в связи с открывающимися переговорами в Батуме. Значительно меняло во всём этом сообщение фон дем Буше о признании Закавказским правительством Брестского договора.

Я воспользовался этим сообщением и сказал:

– Мы очень сожалеем, что были совершенно отрезаны от Закавказья и не смогли ни иметь оттуда сведений о нарастающих событиях, ни информировать туда о наших переговорах. Господин Гёперт нам также ничего не сказал (при этих словах фон дем Буше посмотрел в сторону). Поэтому возвращение домой является для нас очень актуальным., По какому направлению мы могли бы добраться до Тифлиса, Excellent?

– Не знаю. На Киев и Ростов путь свободен, так как Ростов уже в наших руках.

Что Ростов занят немцами для нас было новостью.

– А дальше, если поехать в Новороссийск, можно ли будет доехать до Поти морем?

---

⁸⁷ Фамилию последнего я не запомнил. Везенок – ориенталист, после советизации Закавказья был консулом Германии в Тифлисе.

– Едва–ли, там сейчас ходят пароходы.
– А из Севастополя, который сейчас занят большевиками?
– Не думаю, так как когда большевики покинули Севастополь, они захватили с собой два–три военных судов, так что море несвободно..
– А через Владикавказ? Когда мы были в Тифлисе, связь с Владикавказом была прервана.

– Повидимому между Закавказьем и Северным Кавказом состоялось соглашение, так что по этому пути вы смогли бы доехать.

Назарян вновь заговорил о Копенгагене и таким образом, что становилось ясно, что он едет не Копенгаген, а куда-то дальше⁸⁸.

Товарищ министра сказал, что в Швейцарии ведётся большая пропаганда против Турции и за борьбу с ней, и что это, к сожалению, может очень навредить армянам. Пропаганду необходимо прекратить, иначе будет трудно договориться с Турцией.

Тут Назарян приналёг, заявив, что об этом мы уже написали в Швейцарию, но что такие дела удобнее и с большим успехом лучше делать лично.

Нельзя было тратить драгоценное время на такие вопросы, и мы поспешили перейти на общие темы.

Джамалян заговорил о разочаровании армянского народа, которое он пережил от условий Брестского договора, касающихся её закавказских границ.. Ни русская революция, ни Германия не только не дали армянам из занятой русскими войсками Турецкой Армении ни клочка земли, но ещё вырвали из Закавказья целые области и передали их Турции, в то время как история Турции показывает, что христианские народы с их территориями постепенно освобождались от магометанского владычества.

На это фон дем Буше ничего не ответил и пустил глаза, видимо не желая вести разговор на такую щекотливую тему, касающуюся союзницы Германии.

Джамалян перешёл к вопросу о размещении беженцев и самоопределении отходящих к Турции областей.

– По этому вопросу я мало осведомлён. Там в Батуме будет сделано необходимое, чтобы самоопределение было осуществлено справедливо, – сказал товарищ министра.

Исходя из того, что Армянский Национальный Совет, конечно, не пожелал бы быть поглещенным Закавказским правительством, в котором доминировали грузины и азербайджанские татары, я спросил:

– Армянский Национальный Совет и впредь может непосредственно сноситься с германским правительством?

К нашему удивлению товарищ министра ответил:

– Ja wohl gewiss (да, конечно).

---

⁸⁸ В Швейцарию? И нам он ясно не говорил.

Фон дем Буше очевидно был застигнут врасплох, не давая себе отчёта, – в его напечатанной и зачитанной декларации прямо было указано, что Армянский Национальный Совет должен проводить свои пожелания через правительство Закавказья.

– А ваши представители будут официально принимать участие в переговорах в Батуме? спросил я.

– Да.

– И как сторона подпишет договор?

– Да.

– Это важно для гарантий, – заметил Назарян.

Товарищ министра встал. При прощании Джамалян сказал:

– Армяне, как подданные России, должны были воевать в рядах её войск, тем более, что на противной стороне была Турция. Армяне всегда были проникнуты уважением к германскому народу, его культуре, и армянская духовная культура в 19-м веке в сильной степени развивалась под влиянием германской. Таким образом, нет никаких препятствий к тяготению армянского народа к Германии.

– Das frent mich sehr (был бы очень рад), – дал реплику товарищ министра.

Я добавил:

– Весь мир знает, что армяне в Турции были уничтожены младотурками не потому, что якобы они восстали, а для того, чтобы очистить Турецкую Армению от армянского населения и тем самым предупредить постановку вопроса на будущей конференции. Конечно, младотурки сделали это и для того, чтобы лишить русские войска опоры в армянском населении. А кто виноват, что армяне после погромов в течение веков стали смотреть на христианскую Россию как на единственную спасительницу?

Тут товарищ министра сделал какое-то неуместное движение плечом.

– Закавказские армяне, – продолжил я, – составляют сейчас единственно сплочённую массу армянского народа. В сей роковой момент, когда Турция продвигает свои войска в наши края, можем ли мы, возвращаясь домой, сказать твёрдо и громко Армянскому Национальному Совету и через него армянскому народу, что Германия не допустит повторения тех кровавых событий, которые имели место в Турецкой Армении? Можем ли, Excellent, заявить Армянскому Национальному Совету, что посылая нас сюда, он не ошибся?

– Да, да конечно, мы всегда были готовы сделать всё возможное . . .

Так обычными стереотипными словами дипломата отвечал нам фон дем Буше, всячески повидимому стараясь избежать конкретных ответов и не разойтись с официальным ответом правительства.

На прощанье товарищ министра передал нам экземпляр листа, с которого передал нам ответ германского правительства.⁸⁹

Если мы и не были очень удовлетворены, но, во всяком случае, вышли от товарища министра под лучшим впечатлением, чем, когда уходили от Гёпперта.

Отделавшись от Назаряна, я и Джамалян зашли в Cafe Crazler на углу Fridrichstrasse и Unter den Linden. До войны это было самое фешенебельное и аристократическое кафе на углу двух самых главных улиц Берлина.

Но как изменился общий облик посетителей! Произошло это, вероятно, за время войны. Во-первых, здесь не было ни настоящего кофе или чая, ни сахара или каких-либо сладостей и печенья, и аристократам здесь нечего было бы делать. Кроме того, много офицеров из аристократических семей погибло, что тоже не могло не повлиять на посещаемость. Одновременно появились тысячи дельцов из буржуазного и мелкобуржуазного классов, разбогатевших на войне. Они-то и сидели за столами в растёгнутых пальто, часто с богатым верхом, в фамильярной позе и недостаточно бритые, оживлённо ведя деловые разговоры. То же самое было на верхнем этаже, где находился ресторан и где публика, впрочем, была из более высоких классов.

За чашкой суррогатного кофе мы с Джамаляном обменялись впечатлениями от визитак товарищу министра иностранных дел и мнениями о результатах нашей миссии и пришли вполне беспристрастно к заключению, что при создавшихся в Закавказье условиях и в тех, в которые мы, как делегаты неправительственного органа (Армянского Национального Совета) были поставлены, большего достигнуть было нельзя.

И в самом деле. Приехав к военному союзнику Турции, продвигающейся в нашу страну по формальному праву занять Карс, Ардаган и Батум, а по собственному почину – и дальше вглубь, мы, без определённого политического мандата и не имея связи с Закавказьем, при полном осознании катастрофического положения, создавшегося для армян, что мы могли сделать, больше, чем привлечение внимания парламентских и правительственных сфер Германии на угрожающее положение армянского населения Закавказья? Для того, чтобы Германия оказало на свою союзницу давление необходимо было выставить слишком веские аргументы. Таким аргументом, как я уже несколько раз говорил выше, могла бы быть перемена нашей вековой ориентации. Решение, конечно, очень ответственное, которое в будущем могло обернуться против нас.⁹⁰ Но

---

⁸⁹ Лист был без подписи и озаглавлен так: «Сообщение Его Превосходительства заместителя статссекретаря фон дем Буше Тагенгаузена делегатам Армянского Национального Совета г-у Назаряну, г-ну Мелик Карагёзиану и г-ну Джамаляну. 8 мая 1918 г.» Мне показалось странным, что Гёперт не присутствовал на приёме.

⁹⁰ Какая ирония судьбы. Грузины, чуть ли с начала войны, подготавливали связь с Германией и после революции в дни меньшевистской власти открыто отреклись от России, как большевистской, так и денкинской. Противоположная политика была у армян, которые во все периоды подчёркивали свои симпатии и верность России. И что же? Армяне значи-

именно поэтому мне казалось, что следовало бы освободить Армянский Национальный Совет, как представителя всего закавказского армянства (вернее общероссийского) от этой ответственности. Почин, переговоры и даже изменение ориентации следовало бы принять на себя какой-нибудь из армянских политических партий, достаточно для этого влиятельной. Такой была только партия Дашнакцутюн.

– Дашнакцутюн этого никогда не сделал бы, – возразил мне Джамалян, когда я выразил ему эту мысль.

Странное дело! Партия не сделала бы того, что её члены в лице 2/3 состава нашей делегации была бы готова сделать от имени нашей делегации. Вообще, как легко видимо говорить от имени народа, нации! Это особенно бросается в глаза, когда говорят от имени неорганизованного в государственную форму народа, ибо нет органа, контролирующего безответственные декларации⁹¹.

5.6. Поездка в Груневальд

Берлин, 9 мая 1918 г.

Сегодня большой церковный праздник Вознесения. Встаю рано. Решил, как все немцы в дни всеобщего отдыха, выехать за город.

Вся деловая жизнь приостановилась, все магазины закрыты. У железнодорожного вокзала масса народа – кто с сумкой за спиной, кто с корзиной в руках. Все одеты нарядно, женщины в светлых костюмах. Прекрасная погода.

Я решил поехать в Груневальд, прекрасное предместье города, памятное мне с 1900 года, когда там, в санаториуме я провёл лето с матерью и ослепшей сестрой.

Вот и Груневальд. Выйдя со станции, публика рассыпается в разные стороны. Какая зелень, какие лужайки, сколько свежести в пышной траве под лучами весеннего солнца, в этих томно и беззаботно качающихся деревьях с шелестом листьев и хвои, усиливающих ощущение прекрасной природы. Эта смесь девственности и работы человека производит неотразимое впечатление.

тельно пострадали при советизации Армении, Грузия же только выиграла, ибо нигде на бывшей российской территории так легко не прошла советизация, как именно в Грузии, вероятно вследствие большого влияния грузинских коммунистов. Возможно, в случае появления в Закавказье денкинской России, было бы обратное, и грузины очень бы пострадали. Впрочем, и это гадательно!

⁹¹ В Берлине, чем дальше, тем больше я задумывался над вопросом, могли бы армяне, уничиженные в Турции и ослабленные в Закавказье, представлять интерес для Германии, если бы они твёрдо высказались за перемену ориентации на Германию? И я не раз склонялся к мысли, что после уничтожения армян в Турции и при наличии неискоренимого армяно-турецкого антагонизма, армяне не представляли для Германии не только *quâtitè negligible* (мелочь, пустяк), но были бы ей в тягость. Это и оправдалось во время Версальской конференции, когда ни одна держава не согласилась взять на себя протекторат над Арменией.

Идя по улицам этого благословенного уголка, снова с глубокой горечью стал думать о том, возможно ли, чтобы в одно и то же время на одной и той же планете в XX веке жили люди в таких противоположных условиях, — армяне целой нацией на глазах всего мира уничтожаются как скот, хуже, чем скот, а немцы живут спокойно, среди райской природы, пользуясь всеми благами культуры, развивают свои духовные и материальные блага и претворяют все свои силы в реальные ценности. Так и хочется сказать это громко, крикнуть всему немецкому народу. Пришла в голову мысль не напечатать ли это в форме письма на имя одного из известных немцев?

Вдруг читаю: «Fantanstrasse». Смутно вспоминаю, что её надо пересечь. Иду дальше, читаю «Hagenstrasse». Это название мне напоминает, что именно на этой улице и находился санаториум «Guineweld». Иду по Hagenstrasse и внимательно смотрю на все виллы по правой стороне. Остановливаюсь у одной из них. Вспоминаю, что в ней была стеклянная галерея, соединявшая три дома. Но теперь стоят три дома без соединения. Однако, несомненно, это был санаториум «Guineweld».

Толкаю калитку. Поднимаюсь по невысокой лестнице. Выходит представительная дама.

– Скажите, пожалуйста, этот тот санаториум, в котором много лет назат был врачом д-р Швенингер?

– Да тот самый, — ответила она. А что Вы желали бы устроиться здесь?

– Нет, сударыня. Тогда я жил здесь и недавно приехал из очень далёких мест и мне захотелось увидеть знакомые мне места.

Мы разговорились. Она с грустью сообщила, что Д-р. Швенингер, вскоре после того, как состоял здесь санаториумным врачом, помешался. (Об этом я узнал ещё в 1906 г. проездом через Берлин). Это был милый и тогда ещё молодой человек, имевший ореол бывшего личного секретаря канцлера Бисмарка после его отставки в фамильном поместье Бисмарков Фридрихсруэ. Но он с этим совершенно не носился, наоборот, был весьма скромным и застенчивым. В 1900 г., когда я жил в санаториуме, он работал там врачом, называл меня своим «помощником», так как я ему помогал во время гипнотических занятий с больными.

Он был очень доступен, и мы с ним сошлись. Во время наших прогулок в грунвальдском лесу я не раз пытался «интервьюировать» его о взглядах Бисмарка на будущее Турции и на армянский вопрос, по которым он, надо полагать, не раз высказывался в

Фридрихсруэ во время армянских погромов 1895–96 годов. Швенингер всячески отлынивал от ответа, быть может потому, что он знал, что я корреспондировал тогда в нашей газете.

Приблизительно раз в неделю Швенингер приезжал в санаториум в лёгком собственном экипаже о двух колёсах, причём правил он сам. Почти всегда с ним приезжала его жена, бывшая жена знаменитого художника Франца Ленбаха, первого портретиста Германии, друга Бисмарка.

(Завязка романа между Швенингером и мадам Ленбах произошла под кровом экс-канцлера в Фридрихсруэ).

Швенингер по наружности был очень интересный мужчина. Чёрные курчавые волосы на голове, хотя и лысевшей, так называемая «ассирийская» (мелковьющаяся) борода, с лицом не немецким, несколько семитским (но не еврейским) он напоминал собою Отелло. При всём этом он бывал одет в белое летнее платье, что ещё больше оттеняло южный тип его наружности. Порывистые, сильные движения изобличали живой темперамент.

Прямую противоположность представляла супруга Швенинера. Тонкая субтильная блондинка с аристократическим профилем. Ленбах не раз писал её отдельно и с детьми, эти портреты общеизвестны. Эти два таких контраста составляли интересную, сразу бросающуюся в глаза пару.

Мадам Швенингер всегда оставалась в экипаже, пока супруг обходил больных (по их приглашению) санаториума. И я один раз попросил его для моей сестры. Так как он своего диагноза мне не сказал, я специально для этого пошёл к нему на дом. Придя к нему, я попросил объяснить мне, почему моя сестра ослепла и что надо делать. Диагноз свой он снова отказывался сообщить. Я стал настаивать. Он возражал, сказав, что врач обязан лечить больных, а не раскрывать диагноза. Я не соглашался с этим и сказал, что больна моя сестра, а не я и что, по крайней мере, родным врач обязан сообщить диагноз, если он ясен врачу.

– Так может быть у вас в России, а не в Германии, – возразил он резко.

Мы стали громко спорить, и я, под конец ничего не добившись, ушёл взбешенный.

Вернувшись в санаториум зашел к доктору Хризандеру. Когда я рассказал ему сцену диалога с Швенингером, он стал покатываться со смехом и сказал:

– Бьюсь об заклад, что Вы ему понравились.

В следующий раз, когда Швенингер вновь подъехал к санаториуму, мы с ним столкнулись у калитки санаториума, Он меня взял под руку и, подводя к экипажу, представил меня своей супруге.

– Позволь представить тебе страшного армянского революционера. Ах, – обращаясь ко мне, Вашу длинную фамилию никак не могу произнести.

Я невольно занёс сюда эти воспоминания личного характера. Санаториум воскресил во мне тот обворожительный комплекс воспоминаний, где чарующая обстановка (санаториум в сосновом лесу), моя молодость (мне тогда было счастливых 27 лет!) и периодическое посещение друзей – студентов из Берлина, одно другое пополняя и усиливая, неотразимо ворвались в мою душу. Почти каждое воскресенье после обеда армяне-студенты, сговорившись, группой приезжали к нам, внося молодое оживление, благотворно влияющее на мою бедную сестру и мать. Мать моя их усердно угощала. Когда товарищи мои уходили с наступлением

сумерек и я провожал их до станции по аллеям Гриневальда громко раздвоялись армянские песни, весьма смущавшие городских.

Не успел я вернуться в гостиницу, как мне позвонил Гёперт и сказал, что он получил из Вены ответ, что австрийский министр иностранных дел ничего не имеет против нашей поездки в Вену, но он сейчас так занят, (ах, бедный министр!) что затрудняется принять армянских делегатов.

– Обсудите это и ответьте, если можно сегодня о ваших маршрутах, – закончил он.

Конечно, это вежливый отказ. Но всё же, если нам предлагалось обсудить вопрос, не исключалась возможность того, что мы выразим твёрдое желание поехать в Вену. При других условиях нам отказали бы из Вены более определённо, тем более, надо полагать, что все союзные с Германией правительства были в курсе наших переговоров в Берлине, а может быть даже получали копии наших меморандумов. Возможно также, что и позиция германского министерства в отношении нашей миссии определялась с согласия союзников Германии и, во всяком случае, при тесном участии турецкого посла. Но после всего того, что имелось в мировой печати о роли Германии и её союзников в судьбе турецких армян, со стороны австрийского правительства было бы неapolитично и аморально высказаться определённо против нашей поездки в Вену. Вот почему, думается, австрийские дипломаты переложили на нас окончательное решение этого вопроса.

Берлин, 10 мая 1918 г.

Сегодня обедал у нас проф. Маркварт, известный ориенталист. Он пришёл в сопровождении студента Мелик-Оганджяна, слушавшего его лекции. Были нами приглашены также Dr. Grinfeld и Тер-Аветикян.

Удивительный человек, в особенности как немец, этот Маркварт. За всё моё десятилетнее общение с немцами такого немца я не встречал. Он не только искренне возмущён до глубины души отношением Германии к армянам, но, что главное, своё возмущение выражает такими сильными словами, какими ни один немец никогда не выскажется в присутствии иностранцев по адресу своего правительства, когда дело касается отношения этого правительства к не немцам. Министра иностранных дел фон Кюльмана Маркварт называл мошенником (*schurke*), германскую политику в Турции – бесстыдной (*scyamlose*) и т.п. И всё это искренне, громко в присутствии прислуживающих за столом лакеев. Я, признаться, опасался за него из-за этих свидетелей – время было военное и выражения слишком дерзкие.

Между прочим, Маркварт говорил, что в 1914 году вначале войны он предвидел истребление армян в Турции, о чём неоднократно высказывался прожвающим в Берлине армянам (студент Мелик-Оганджян подтвердил это). Учёный, но очень интересующийся политикой и хорошо осведомлённый в национальных отношениях в Закавказье он назвал

грузин «diese idioten», так как они, мол, не хотят понять, что им не следует якшаться с турками за счёт армян, что их единственные союзники в крае – это армяне.

По окончании обеда Мелик-Оганджян несколько раз напоминал профессору, что в 4 часа у него лекция в университете, но Маркварт не унимался, всё собирался уходить и снова начинал говорить так же горячо, сильно, в сердцах. Под конец, когда Мелик-Оганджян напомнил ему ещё раз, что ему нужно уже уходить, он с рассеянным видом, точно где-то витаая, сказал про себя:

– Ах, да. У меня лекция об Авесте, но здесь дела поважнее.

Покидая нас, Маркварт советовал не поддаваться сладкозвучным словам германских министров и их помощников, а ясно и откровенно поставить свои упрёки и требования.

– Ах, я должен был пойти к ним и поговоорить с ними по-своему!

С этими словами он вышел.

Сегодня, в 6 часов вечера Джамалян ходил к австрийскому послу. Посол сказал, что о чём Гёперт говорил нам по поводу нашего намерения поехать в Вену, ему известно, так как он сообщил Гёперту об ответе министра иностранных дел Бурмана. Министр, мол, в настоящее время очень занят румынскими и другими делами⁹². Конечно, мы можем поехать, но пользы большой он от этого не ожидает, ибо ему известно всё, о чём мы заявили германскому правительству.

Берлин, 12–14 мая 1918 года

Собираясь выехать, мы в эти дни были заняты составлением целого ряда писем. Самым трудным было составить ответное письмо Министерству иностранных дел.

Внимательно вчитываясь в заявление, сделанное нам товарищем министра фон дем Буше, мы не могли не заметить насколько оно было составлено тщательно, обдуманно, несомненно, согласовано с турецкой точкой зрения и как много было в нём неприятных для нас намёков. И всё это было замаскировано в хорошо отделанной дипломатической манере и поэтому при беглом чтении этого ответа товарища министра мы могли и не уловить истинного характера документа, не говоря уже о том, что всякая возможность дискуссии, согласно правилам дипломатических сношений, была исключена.

Мы проанализировали ответ германского правительства. Необходимо ответить, что хотя этот ответ на наши меморандумы носит название не ноты, хотя бы вербальной, а Сообщений (и, конечно не без основания, ибо Армянский Национальный Совет не является органом власти суверенного государства), во всяком случае, важно, что Сообщения эти

---

⁹² Сегодня в газетах было сообщение, что министр Бурман выехал в Германию.

даны от имени правительства («Императорское правительство с удовлетворением приветствует...») а не министерством иностранных дел. Сообщения эти, как сказал в начале речи фон дем Буше, были сделаны по поручению канцлера. Затем, с первых же слов, германское правительство признавало, что переживаемый армянским народом момент был «роковым» и что прошедшие годы были для армян «ужасными». Таким образом, была поставлена точка над *i* и официально исключалось всякое сомнение и сознательное отрицание армянской трагедии в Турции и драматического момента, переживаемого в настоящее время закавказскими армянами. Но в то же время, как бы демонстрируя перед враждебными и нейтральными странами факт обращения армянского народа к Германии («германское правительство с удовлетворением приветствует», – курсив мой Г. М-К.), что армянский народ обращается к нему «с полным доверием в столь роковой для него момент», – курсив мой Г. М-К).

Заявляя о том, что германское правительство имеет настойчивое желание, чтобы в тех областях в Турции, где живут армяне, они вновь обрели спокойствие и порядок, ответ утверждает, что германское правительство убедилось (на основании чего?), что и оттоманское правительство разделяет это пожелание, причём оно (т.е. оттоманское правительство) решило «мягко обращаться с армянами» (*sic!*). Это выражение, а также то место, где говорится, что оттоманское правительство «решило в ближайшие дни обнародовать амнистию живущим в восточно-анатолийских провинциях армянам и возместить ущерб потерявшим имущество» не могло не вызвать у нас чувство глубокого возмущения. В одной этой фразе был весь яд ответа. После того, как Турция из военно-политических целей истребило всё армянское население в шести пограничных с Россией вилайетах, оказывается, эта самая Турция в виде особой милости решила дать нескольким десяткам тысяч уцелевших армян «амнистию» и обещает «мягко обращаться с ними». Что же касается «возмещения потерь», то надо только удивляться, что германское правительство могло в угоду Турции повторить эту явную и лицемерную ложь, которая преподносилась ему, очевидно, стереотипно состряпанная турецким послом в Берлине. Ибо не могло подлежать какому-либо сомнению для мало-мальски знакомого с турецкими порядками, что такого «возмещения» во всей истории Турции никогда не было. Нельзя было не обратить внимание, что германское правительство территорию Турецкой Армении (как мы её называли в наших меморандумах) называло «восточно-анатолийскими провинциями», употребляя в угоду Турции излюбленное название турецкого правительства при всех режимах. Это название поэтому давало так себя чувствовать, что если раньше, до мировой войны, оно было жгучим вопросом политической терминологии в отношениях между армянской нацией и оттоманской идеей, то после гибели армянского населения в Турецкой Армении, оно действительно отвечало реальности, стало фактом.

Относительно бесчинств, учинённых армянами в районе Эрзинджана, как указано в «Сообщениях», мы твёрдо ничего не знали. Но если это и имело место, то в этом не только не было ничего удивительного, принимая во внимание настроение армянских добровольческих отрядов, в которых надо полагать, большинство составляли турецкие армяне, бежавшие из Турции, но и заключалась разумная предохранительная мера от возможных новых погромов. Ибо армянское население и воинские отряды отлично знали, что с приближением турецких войск, местное мусульманское население набирается «мужества» и из фанатизма и в целях грабежа устраивает армянам погромы. Это прекрасно подтверждается тем местом «Сообщений» германского правительства, где оно отмечает: «если возникли бы между различными элементами населения столкновения при приближении турецких войск, то они не могут считаться за это ответственными».

Возможно, и даже можно в этом не сомневаться, что под давлением германской дипломатии, действовавшей, в свою очередь, под давлением мирового общественного мнения, турецким войскам было вменено в обязанность соблюдать, наконец, воинскую дисциплину и не позволять себе бесчинств и насилий над мирным населением в областях, которые они, продвигаясь, занимали. Особенно это показательно в отношении Батума, где насилия не могли бы остаться в секрете или отрицаемы, как отрицалось турецким правительством всё, что творилось турецкими войсками или мусульманским населением в отдалённых и захолустных провинциях Турецкой Армении. Тому может служить доказательством Константиннополь. Когда младотурецкий комитет партии «Единение и прогресс» решил ликвидировать всё армянское население Османской империи и осуществил это, он не тронул значительного армянского населения Константинополя, доходившее до 200 тысяч человек, и удовлетворился внезапным выселением из города и уничтожением лучшей и влиятельной части армянской интеллигенции в лице писателей, учёных, общественных деятелей и других. Таким образом ни европейское население Константинополя, ни послы некоторых держав, ни представители европейской печати никакого массового истребления армянского населения здесь не могли констатировать⁹³.

---

⁹³ Доказательством «дисциплинированности» турецких войск являются ужасные погромы, имевшие место в Баку в сентябре 1918 г. при взятии города турецкими войсками. Да, турецкие войска здесь сами не грабили и не убивали армян. Но как только войска вошли в город бакинские мусульмане, а также нахлынувшие в город мусульмане из пригородных деревень стали громить армянские дома, убив до 30 тысяч армян и награбили их имущество. Одновременно мусаватистская власть чинила расправу над армянами расстрелами. И весь этот кошмар бакинских сентябрьских дней происходил во время пребывания турецких войск и их главнокомандующего Нури-паши, не сделавшего ничего, чтобы остановить грабежи и массовые убийства. Наоборот, когда начальник штаба главнокомандующего «Восточной группы армии» Халила-паши немец Паракен проявил своё отрицательное отношение к позиции, занятой Нури-пашой, Халил-паша уволил его с должности со следующей формулировкой (перевод с немецкого): «Ваше поведение и вчерашние слова против Его Превосходительства Нури-паши, командующего армией ислама перед толпой иностранной

Поэтому прокламация Энвера-паши к армянам Карса, Ардагана и Батума, призывающая их оставаться на своих местах (хорошие заложники!), так как он, Энвер-паша (один из главных авторов уничтожения армян в Турции), является поручителем их безопасности, свободы и имущества, как сказано в Сообщениях германского правительства, не могли не вызвать в нас смешанного чувства брезгливости и возмущения, как один из наглых актов издевательства над армянами, на которых, как уверяет ответ германского правительства, «эта прокламация уже повлияла успокаивающим образом».

Наконец, не менее возмутительна была угроза в последнем абзаце ответа германского правительства, несомненно, просуфлированная турецкой стороной, мол армяне должны без сопротивления пропускать турецкие войска к новым границам, установленных Брестским миром и прекратить всякую пропаганду за границей против Турции и это при отсутствии каких-либо твёрдых гарантий, что турецкие войска дальше этих границ не пойдут. При этом, как в ответе германского правительства, так и в заявлениях Гёперта, армянские войска (быть может, и как войска непризнанного суверенного государства) названы «бандами».

Обращает на себя внимание в ответе вежливое указание, что Армянский Национальный Совет должен проводить свои пожелания через Закавказское правительство, причём чтобы положить конец всяким колебаниям и сомнениям, указывалось, что в Закавказье образовалось новое правительство, признавшее Брест-Литовский договор. Точно также, чтобы устранить всякие попытки с армянской стороны возбуждения таких вопросов, как армянский вопрос или устройство армян в Турции, указывалось, что в Собещении между Турцией и закавказским правительством, которое открывается в Батуме, армяне могут «свои пожелания, касающиеся оформления их жизни в Карсе, Ардагане и Батуме проводить через закавказское правительство». Так германское правительство ограничивало требование армян самоопределения этих областей!

Много времени у нас ушло на споры, в каком тоне следует ответить министерству иностранных дел. Я, собственно, не знал, зачем нам непременно надо ответить? Ответ германского правительства является завершающим моментом, мы в последний раз высказались, уходя от товарища министра фон-дем Буше. Уезжая из Германии, мы имели бы основание реагировать в письменной форме только в том случае, если бы выразили возражения по существенному вопросу. Такие, правда, были, но при создавшихся условиях этого нельзя было сделать. Штир и д-р

дружественной страны и жалоба Его Превосходительства Нури-паши обязывают меня окончательно положить предел Вашей роли в качестве начальника штаба при мне». Сентябрьские события в Баку, имевшие место после нашего возвращения из Берлина в Тифлис, хронологически не могли служить для нас доказательным фактом. Но они красноречиво подтверждают, насколько основательно было наше недоверие к Турции и наши опасения, что каждый шаг вперёд турецких войск к закавказским границам, будет и далее сопровождаться массовыми убийствами и грабежами армян, а «дисциплинированность» турецких войск была лишь уступкой общественному мнению цивилизованного мира

Гринфельд настаивали, чтобы мы, как гости германского правительства, покидая Германию, должны во чтобы то ни стало отреагировать вежливо

Геворк Мелик-Карагёзьян – министр народного образования и искусств РА в своем кабинете. Ереван 1918.

вым письмом на добрые пожелания и усилия, высказанные в ответе германского правительства. Это мнение в наших спорах возобладало. И тут битых три дня мы бились между необходимостью в той или иной форме выразить нашу благодарность и нашим возмущением вышеупомянутым пунктом в ответе германского правительства. Невозможно было сделать вид, что мы ничего не заметили и не реагируем.

С другой стороны, все попытки выразить наше недовольство и неудовлетворённость скатывались в полемику. Д-р Гринфельд настаивал на редакции ответа, в которой были бы обойдены все волновавшие нас вопросы или, в крайнем случае, затронуты исключительно в мягкой форме. Не могло не оказывать на нас влияние соображение, что германское правительство бесспорно фактически желало быть нам полезным и принимало во внимание наши интересы, конечно если они не противоречили интересам её союзницы – Турции. Мы думали, что иногда германское правительство даже оказывало на неё некоторое давление. Следовательно, нам не стоило расхолаживать такое к нам отношение германского правительства. При той грозной опасности, перед которой оказалось Закавказье, мы не должны были, как нам казалось, раздражать Турцию откровенными выпадами против неё и тем самым создавать трудности для примиряющей роли Германии. Вместе с тем, мы не теряли из виду, что наш ответ должен быть написан с достоинством.

Результатом волновавших нас чувств и вышеприведённых соображений явилась редакция нашего ответа. Мы не обошли в нём ни одного пункта ответа германского правительства, осторожно и достаточно ясно высказав своё понимание по каждому вопросу.

5.7. Ответ Министерству иностранных дел

Берлин, 14 мая 1918 г.

В Минстерство иностранных дел Германской империи

За ценные «Сообщения» германского правительства, любезно сделанные нам 8 мая Его превосходительством заместителем статс-секретаря Фрейером фон дем Буше Тагенгаузеном, мы почтительно выражаем благодарность.

Мы просим верить, что умеем ценить во всём его значении желание германского правительства положить конец страданиям армянского народа. С удовлетворением мы принимаем к сведению, что турецкое правительство разделяет это желание и серьёзно решило прекратить преследование наших соотечественников и возместить им их потери. Доставляет нам также удовлетворение, что турки приостановили своё продвижение и не намереваются перейти границы, установленные Брестским договором, и мы надеемся, что Германия ни под каким видом не потерпит перехода наших границ.

Армянская пропаганда была естественным выражением горечи, вызванной жестоким обращением, которым подвергались армяне в последние годы. И мы настоятельно желаем, чтобы турецкое правительство справедливым обращением устранило бы основание для жалоб.

Мы издали не в состоянии ни подтвердить, ни опровергнуть бесчинства, произведённые, согласно утверждению турецкого правительства, армянскими отрядами. Но мы хотели бы обратить внимание на то, что армянские боевые силы входили в регулярные армии, соблюдающие строгую воинскую дисциплину. Известно также, что Армянский Национальный Совет издал строгий приказ без снисхождения крать всякие бесчинства, совершаемые над магометанами. Жестокость и резня не в натуре армян кроме того они достаточно зрелы политически, чтобы не понимать, что применение таких мер может только навредить их делу и интересам. Если имели место единичные случаи отщизнения со стороны армян, мы об этом очень сожалеем. Но необходимо принять во внимание, что это – безгранично огорчённые люди, чьи родные убиты, опозорены, изгнаны, чьё имущество разграблено, чьё существование нарушено.

Покидая Германию, считаем своим долгом выразить нашу благодарность высокому германскому правительству за любезный приём оказанный нам и за то благорасположение, с которым оно шло навстречу нашим пожеланиям.

В момент самого тяжёлого кризиса, который переживает наша нация, исход которого имеет решающее значение для её будущей судьбы, для её бытия или небытия, мы направляем наш взор на могущественную Германию с полным доверием. В наших меморандумах от 28 и 29 апреля и 4 мая мы представили наши нужды и заботы и указали на средства, которые только и могут предотвратить бедствие, сильнейшим образом угрожающее кавказской части нашей нации, этому последнему неповреждённому остатку нашего народа и которое помимо того может иметь роковые последствия для всего Кавказа.

Представитель нашей нации – Армянский Национальный Совет послал нас сюда проникнутый убеждением, что наши заботы встретят в германском правительстве полное понимание. Мы возвращаемся на родину подкреплённые надеждой, что германская империя не предоставит культурный христианский народ на произвол судьбы.

Делегация Армянского национального совета

Покончив с этим письмом, мы отправили ряд других писем: Гёпперту, д-ру Лепсиусу, пастору Штиру, Шрейбергу и Аксенфельду. Большому ценителю армян – д-ру Лепсиусу, которого знал с 1897 г. я предложил послать денежное вспомоществование, тем более, что он был болен и из-за нас, армян вынужден был жить в эмиграции (в Голландии). Мы

выделили ему 5000 марок. Пастору Штиру, которого мы в день нашего приезда выписали из юга Германии и продержали в Берлине более месяца – 3000 марок, Германно-Армянскому обществу – 5000 марок специально на издание сборника об армянах и Армении⁹⁴. Тому же обществу, в пользу депортированных турецких армян – 10000 марок. А Рорбаху, вернее его жене мы решили преподнести вязаную скатерть для круглого стола.

5.8. Встречи в Берлине 16–18 мая 1918 г.

Берлин, 16 мая 1918 г.

Сегодня вместе со студентом Мелик–Оганджянц поехал с визитом к проф. Макварту. Макварт живет в предместье Берлина, куда ходит трамвай. Здесь я жил в 1909 г., но Боже, какая разница за 9 лет! Теперь это место – прямое продолжение Берлина. Макварт был предупреждён Мелик–Оганджянц о моём посещении.

Макварт – типичнейший немецкий профессор, каким изображаются в юмористических журналах, крайне рассеянный.

Поздоровавшись со мной, он подошёл к своей библиотеке и стал вытаскивать оттуда книги, главным образом, свои сочинения и стал в них искать страницы, посвященные болгарам, и всё говорил мне о них. Я не мог понять, зачем он пристал ко мне с этими болгарскими? Так продолжалось минут двадцать, когда он спросил меня:

– Как могло случиться, что Вы, как болгарский лектор?..

Тут вмешался Мелик–Оганджянц

– Но, господин профессор, этот господин армянин, о котором я говорил Вам, что он посетит Вас сегодня. . .

Я, невольно улыбаясь, чтобы помочь профессору путём ассоциации понять в чём дело, добавил, что я один из тех, у которых он обедал в Hotel Continental.

– Ах да, ах да! Простите, прошу Вас. Я ждал сегодня также одного болгарского лектора.

Профессор видимо был очень сконфужен, но благодаря своему живому темпераменту, сейчас же завязал разговор. Он перешёл на армянские темы. Говорил без умолку, высказывая разные соображения, касающиеся исторических данных глубокого прошлого Армении, в которых я не много смыслил. Его особенно интересовал вопрос об армянской колонизации в древности, которая, по его мнению, имеет огромное значение для оценки текущих событий на Ближнем Востоке. Он уверял, между прочим, что армяне распространялись и расширяли свои владения не столько завоеванием, сколько колонизацией.

---

⁹⁴ Через несколько лет такая книга вышла под редакцией д-ра Лепсиуса.

Конечно, таких учёных и сильно переживавших нашу судьбу иностранцев армянам следовало бы всячески поддерживать морально и материально, хотя бы посредством издания их трудов. Узнав, что у него есть неизданные сочинения по древней истории Армении, я спросил, во что обойдётся издание одного из них (в частности, истории Армении IV–V веков). Но я так и не смог добиться от него ответа. Сознательно или по своей рассеянности, он прямого ответа не дал и только твердил, что необходим очень опытный наборщик.

Берлин, 17 мая 1918 г.

Сегодня телефонировал Максимилиану Гардену, популярному в мои студенческие годы, редактору известного еженедельника «Die Zukunft».

Вчера прочёл в журнале статью Гардена *Gordische Knoten* (Гордиевы узлы), конец которой посвящён России и Украине. Статья эта резко отличалась от всего того, что я читал за моё последнее пребывание в Германии. Она проникнута критицизмом к немецкой ненависти к Франции и Англии и высказывает мысль, что у Австрии может быть интерес отделиться от Германии. Эта мысль несомненно вызвана нашумевшим письмом австрийского императора Карла с предложением мира Франции.

В своё время журнал «Die Zukunft» имел особый успех у молодёжи. У самого Гардена своеобразный стиль. Социал-политическое направление его мне было малопонятно. Вернее, такового и не было. Но было заметно, что он был ревностным поклонником экс-канцлера Бисмарка и противником Вильгельма II. Это обстоятельство и, как говорили мне тогда (в 90-х годах) судебные процессы, устроенные против него властью, создали ему некий ореол оппозиционера против прусско-вильгельмовского режима. Казалось, что нам следовало использовать его и потому я спросил, может ли он нас принять? Узнав кто я и какова моя цель, Гарден спросил: «полагаете ли Вы, что я могу быть Вам полезен?» Я ответил, что не сомневаюсь, если он пожелает встретиться. Он назначил мне час на завтра.

Ходил сегодня в российское дипломатическое представительство на *Unter den Linden, 7*. Здание, после долгих препирательств, недавно было занято первым представительством Советской России во главе с Адольфом Иоффе.⁹⁵ В углу на лестнице – большой красный флаг, очевидно для торжественных случаев. Приёмная. Входит девица лет 20-ти, называется личным секретарём посла. Спросила, кто я и по какому делу хочу видеть посла? Она вышла, и минут через десять появился молодой человек, назвал свою фамилию (Якубович) и спросил, в чём моё пожелание. Я сказал, что уезжая в Тифлис, хотел лично поговорить с Иоф-

---

⁹⁵ Ходили слухи, что это здание было построено Николаем Первым, принадлежало династии, и Советская Россия не вправе была требовать его себе.

фе, как одним из главных участников переговоров в Бресте, где решалась судьба важнейших интересов Закавказья. Я думал, что достаточно ясно определил задачу моего посещения. Но Якубовича это видимо не удовлетворило, и он всячески старался выудить, что собственно мне нужно. Любопытства его я не удовлетворил, находя, что не обязан всё содержание моих вопросов ему выкладывать.

На самом деле я хотел перед отъездом информироваться у Иоффе, как могло случиться, что русская делегация в Бресте не воспользовалась формальным правом протестовать против требования о сдаче Карса, Ардагана и Батума, как не содержащегося в ультиматуме Германии от 21 февраля 1918 года? Я также хотел узнать его точку зрения на то, что Турция, получив в Бресте Карс, Ардаган и Батум, продолжает вести сепаратные переговоры с Закавказьем и после перерыва продолжит их вести в Батуме.

– Для чего приехала сюда армянская делегация? По нашим сведениям – не с политическими целями? – спросил Якубович. Я ответил, что с политическими, но только в отношении Турции.

– Видите ли, посол Иоффе только что уехал в Министерство иностранных дел. Позвоните завтра, – под конец сказал Якубович.

Вернувшись в гостиницу, зашёл в украинское дипломатическое представительство, помещающееся в нашей же гостинице. Самого представителя – Севрюка не было. Говорил с первым секретарём Василием Косаченко Косаковичем по поводу предстоящего нашего возвращения через Киев. Разговорились о политике. Дипломатическая миссия со дня последнего переворота, устроенного немцами в Украине, никакой связи с Киевом не имеет. Прервали связь немцы. Хорошее посольство!

На мой вопрос, будет ли Украина тяготеть к России или к Германии, первый секретарь ответил:

– Если немцы будут продолжать так себя вести, то, конечно, скорее к России. Когда мы призвали немцев, мы опирались на них против большевиков. Теперь немцы разогнали Раду, а между тем, Рада была умеренно революционная. Теперь с новым правительством – другая крайность в сравнении с тем, что было до Рады. И новое правительство, как не соответствующее настроениям масс, долго продержаться не может.

– Вы снабжаете Германию хлебом? – спросил я.

– Да, мы обязались поставлять Германии один миллион тонн зерна. И это можно было сделать через земельные комитеты. А между тем, гетман Скоропадский празднил все земельные комитеты.

– А в каком положении ваша военная сила?

– Её теперь уже нет. Наше войско распущено. Вся Украина оккупирована германскими войсками. Полным хозяином положения является фельдмаршал Эйхорн. Гетман окружил себя офицерами и юнкерами.

Уходя, я взял у Косаченко Косаковича справку о руководящих общественно-политических деятелях Украины.

Берлин, 18 мая 1918 г.

Сегодня в назначенный час ездил к Максимилиану Гардену в Груневальд. Он живёт в собственной маленькой вилле, как раз напротив того санаториума, где я недавно был. Вилла Гардена буквально утопает в зелени.

Вхожу в дом. В вестибюле – большой портрет железного канцлера, кумира Гардена. Вхожу в первую комнату. Это очевидно рабочий кабинет. Посередине стол, до того заваленный книгами и бумагами, что почти не был виден сидевший за ним человек. В тот момент, как я сделал несколько шагов в его сторону, он встал и пошёл мне навстречу. В нём я тот час же опознал Максимилиана Гардена по портрету, виденному мною в студентческие годы. Но какое разочарование! Мне казалось, что я увижу перед собою хотя немного состарившегося, но высокого человека сильной боевой внешности. Передо мной стоял скорее низенького роста, тщедушной фигуры человек с совершенно чёрными волосами при старчески сморщенным лицом. Гарден, очевидно, красил свои волосы. У него не немецкое лицо, скорее южного интеллигента. Темнокожий, глаза – чёрные, немного женственные.

Я представился. Пожимая мне руку, Гарден как-то слащаво улыбался. Я сказал ему, что будучи со студентческих лет знакомым с его протестующим духом, решил, что было бы очень важно, чтобы такой человек пера, как он, был правдиво осведомлён во всех обстоятельствах дела. Он, в знак признательности, несколько театрально наклонил голову.

Я изложил сжато и обстоятельно о том, что произошло с турецкими армянами, о событиях в Закавказье и о проделанном нами в Берлине.

Гарден сказал, что всегда очень интересовался армянским вопросом, уделял ему внимание и всегда сочувствовал положению армян и возмущён тем цинизмом, с каким правительство и правящие круги Германии относятся к ужасной судьбе армян. Но, к сожалению, цензура не разрешает писать об этом.⁹⁶

– Я думаю так же, как и Вы. Турки решили истребить армян, имея на это согласие свыше. Это всё делает Энвер-паша. Я думаю, что если бы союзницей Турции была бы Англия, она не позволила бы ей это сделать. Недавно был у меня представитель министерства финансов Турции в здешнем посольстве. Я ему сказал, что вы это сделали с армянами? На что он только и ответил: Ja, es sind schivere jachen vorgeschommen⁹⁷. Я возмущён, ибо, как Вы верно говорите, история идёт вспять. Надо поскорее освободиться от турок и Турции. А им ещё новые области дают. Я говорил Адольфу Иоффе, как Вы могли отдать Армению Турции?

– Что же он ответил? – прервал я его.

⁹⁶ На это жаловался и проф. Макварт.

⁹⁷ Да, произошли ужасные вещи.

– Ничего не ответил, А что он мог ответить? Преступление ужасное налицо. Ах, вообще эта дружба наша с Турцией ужасна. Теперь у нас ещё говорят, что следует Египет отдать Турции. Для чего? Для того, чтобы всё что есть хорошее в Египте погибло? Требуют, чтобы мы ненавидели Англию. Англию, которая показала миру образец государственного и общественного устройства. Мы же сами у них учились, учимся сейчас.

Гарден советовал вести пропаганду за границей, как это не было бы неприятно министерству иностранных дел Германии и её союзников. Он думает, что было бы хорошо дать понять и фон дем Буше, что если армяне и грузины будут уничтожены, Германия лишится возможности выставить против Турции силу, как противовес, тем более, что Турция с каждым днём нагнетает и предъявляет всё новые финансовые требования, Он также советовал обратиться к германской императрице с позиции христианского человеколюбия.

Во второй половине беседы я отвечал Гардену на вопросы о современной России. Я был в повышенном настроении и, очевидно, поэтому совершенно свободно изъяснялся на немецком языке. Он слушал меня с живым интересом. Я высказал мнение, что если большевизм в России продлится, он обернётся и на Германию. Если же на смену совестской власти придут новые люди, патриотически настроенные, они не простят Германии ни войны, ни насаждению в ней большевизма.

Беседа наша длилась более часа. Я оставил ему один экземпляр печатного меморандума, составленный нами для общественных деятелей. На прощание он сказал, что не думает, что при создавшихся сложных обстоятельствах его выступление принесёт нам существенную пользу, но обещает переговорить с некоторыми влиятельными лицами и даже им написать. Я сказал на это, что слава нации покоится не только на силе оружия, но и на доблести отдельных её граждан, которые выступают в защиту правого дела.

Пожимая на прощание руку Гардена, чтобы доставить ему удовольствие, я сказал, что 18 лет тому назад провел лето в санаториуме «Груневальд», который стоит напротив его виллы и там быстро сошёлся с доктором Хризандером.

– Ach? Mit dem sekretar des Bismark? Ach was! – сказал он, блеснув глазами.

Несмотря на очень сочувственное отношение, которое проявил Гарден к нашему вопросу, общее впечатление о нём неблагоприятное. Он человек рисовки, позы, Его оппозиционность, видимо, того же происхождения. Несоответствие внешности моему представлению тоже играло роль в неблагоприятном впечатлении. Я думал, что увижу фигуру борца, а оказался тщедушный человечек с крашенными волосами с очень слащавыми манерами и дикцией, с театральным подыманием глаз к небу при каждом слове об ужасах армянской трагедии или о германской политике.

Мои впечатления о Гардене видимо были правильны. Через несколько дней, когда я рассказал Рорбаху о моём визите и спросил его отзыва о нём он сказал:

– Ах, он во всех вопросах старается быть оригинальным. Его уже не читают. Он не имеет никакого влияния и ищет новые темы для оппозиции. Вначале войны он выступал противником, а затем горячим сторонником уничтожения врагов.

– А какого происхождения его поклонения Бисмарку, – спросил я.

– Бисмарк в своё время приблизил его к себе и, используя, скоро бросил. После этого он стал носиться с Бисмарком и поэтому встал в оппозицию Вильгельму II.

На этом в моём дневнике заканчиваются записи о наших официальных и неофициальных сношениях с представителями германского правительства и общественно-политических кругов. С 15 мая, когда я сделал визит Гардену и до 30 мая, когда мы выехали из Германии мы были предоставлены нашей личной жизни. Собственно говоря, после приёма, состоявшегося у товарища министра иностранных дел фон-дем Буше 8 мая и после написания наших прощальных писем официальным и другим лицам (14 мая), мы должны были уже выехать, тем более, что Министерство иностранных дел в лице советника Гёперта всячески давали нам понять, чтобы мы более не задерживались. На выданном нам Министерством иностранных дел по приезде в Берлин, удостоверении личности (взамен паспорта) срок пребывания в Берлине был указан 10 мая⁹⁸. На том же удостоверении имеются отметки о неоднократном продлении срока: до 15 мая, 22 мая и, наконец, до 31 мая. Объясняется это тем, что мы под разными предлогами старались оттянуть наш отъезд. Побуждали нас тому доходившие до нас из неизвестных источников слухи, что в скором времени в Берлин должны прибыть новые делегации – одна от армян, другая – от грузин. Естественно, мы не хотели покидать Германии, не войдя в контакт с этими делегациями для взаимного формирования.

6. Впечатления от Германии военного времени

Эти две недели, так сказать, неделового пребывания в Германии я посвятил ознакомлению с теми политическими вопросами, которые вытекали из отношения Германии к России. К числу таких вопросов относились: дальнейшие отношения Германии и России, прогноз прочности большевистской власти, польский вопрос, роль окраинных государств России в политических расчётах Германии. Кроме того, меня интересовала ярко проявленная германская ориентация грузин, направленная

---

⁹⁸ Несомненно, день приёма у фон-дем Буше был приурочен к сроку нашего выезда, указанному в выданном нам удостоверении ещё задолго до нашего выезда, что, кстати, свидетельствует об удивительном порядке в германских деловых отношениях.

против России. Наконец, центральным вопросом, который неустанно занимал и поглощал меня – роль и позиция германского правительства в истреблении армянского населения в Турции. Это был и есть очень большой и очень сложный вопрос. Роль эта могла быть во всех нюансах диапазона от явного потворствования до бессильного порицания. Чтобы разобраться в этом, было необходимо ознакомиться со всей перепиской германского правительства с Портой, что было, конечно, недоступно для меня и вообще для кого бы то ни было при тогдашних военных условиях. Может быть путём устных бесед с соответствующими с немецкими общественно-политическими представителями, я кое-что себе уяснил в этой трудной проблеме. Но у нас для этого не было ни достаточного времени, ни свободы общения. Поэтому я не углубился в этот вопрос, считая, что полное выяснение его будет возможно после войны и по опубликованным документам.

Кроме указанных вопросов был ещё один, который всё время стоял между нами, настойчиво требуя ответа: откуда черпает Германия те колоссальные силы, которыми она удивила весь мир? Тайна эта, как известно интересовала всех и чем дольше затягивалась война – тем больше. Нас же она не покидала ни одного дня с тех пор, как мы пересекли российско–германскую границу, ибо мы трое, достаточно долго прожившие в Германии в довоенный период и знакомые с внешним и внутренним порядком, царившими во всей германской жизни, не могли воочию не убедиться насколько слабо был расшатан этот порядок, несмотря на глубокое расстройство народного хозяйства Германии. Поезда ходили с замечательной пунктуальностью и с обычно скоростью. То же самое – с трамваями и омнибусами. В некоторой степени был замечен беспорядок в уличном движении. Многие ходили по проезжей части улиц, а не по тротуару. По вечерам, в особенности в воскресные дни, встречались группы молодых людей и девиц, держа друг друга за руки, шедших с пением ивприпрыжку, чего бы раньше не допустил пресловутый немецкий Schutzmann (городовой). Но в том то и дело, что таких городских, известных всем атлетической внешностью, строгими лицами и внушительной каской уже не было в Берлине. Их заменили, как я заметил, простенькие и мало внушающие страх городовые в фуражках и плащах, старавшиеся быть незаметными. Они не стояли на перекрёстках в грозной позе, как бывшие городовые, а как-то в стороне. Я видел их иногда, стоявших у ворот или подъездов домов. Не знаю, насколько это верно, но мне говорили, что былой состав германской полиции был на фронте, и полицейская служба была поручена инвалидам войны, способным нести эту службу.

Прекрасно было организовано снабжение по карточкам хлебом картофелем и мясом. Мясные блюда в ресторанах подавались два раза в неделю в очень ограниченных порциях. И, насколько помнится, в рубленном виде. Масла, сахара, молока не было. Эти продукты давались только больным, раненым и детям. Однако, в двух-трёх местах Берли-

на я видел магазины, где продавался только сахар по 10 марок за фунт, причём из него изготавливались леденцы с приплатой одной марки. Я не помню, сколько стоил сахар в Германии в мирное время, но 10 марок за фунт считалось тогда очень дорого, и лишь немногие покупали его. Вся Германия была посажена на сахарин.

Очередей я нигде не видел. Только кое-где застал очереди перед сигарными магазинами в 20–25 человек. По внешнему виду они наводили на мысль, что это перепродавцы или по-нашему – спекулянты.

Значительно сократилась торговля в универсальных магазинах Вертгейма и других, где публики было очень мало и продавщицы (мужской персонал, вследствие войны, значительно был сокращён) разгуливали по своему отделению и переговаривались с соседними. Шерстяную мануфактуру и бельё можно было купить только по карточкам, шёлковые товары, платья, юбки, продавались свободно. Значительно сократилась торговля галантерейными изделиями и предметами роскоши и вообще предметов не первой необходимости вследствие падения покупательной способности и сокращения доходов населения.

В заключение позволю остановиться на ряде факторов хозяйственной и культурной жизни, которые, как о них много писалось и распространялось, обуславливали проявленную немецким народом мощь в грозной схватке государственных гигантов. На эти факторы постоянно указывалось в отдельных книгах и статьях в периодической печати. Они зачастую приводились в цифровом выражении и в сравнении с другими государствами. Этим была насыщена вся печать и это указывало, что немецкий народ сознавал всю силу своей организованности, материального богатства и духа.

Уже тогда, когда мы были в Берлине, во враждебном отношении к Германии было 25 или 27 больших и малых государств. Тогда же к этому списку врагов присоединилось ещё одно государство, о чём некоторые газеты как бы с гордостью и пренебрежением сообщали под заголовками: «ещё один враг» или «28-й враг».

К этому сознанию немцев о неукротимости силы присоединялось также сознание, что на Германии лежит всё бремя исполинской борьбы, а не на её союзниках – Австрии, Болгарии, Турции, которые вместе взятые, конечно не стоили одной Германии, которой приходилось вести борьбу на два фронта: вооружённую против Антанты и внутреннюю моральную против свех проявлений уныния, слабости, расхлябонности.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Захаров В.А. Провозглашение Армянской республики

Говорить о первой Армянской республике, не вспомнив историю, нельзя. Она родилась в очень сложной и трагической мировой ситуации. И все началось с революции в Российской империи. Как писал известный западный историк Ричард Пайпс, «царский режим, утвердившийся в России с четырнадцатого века, пал поразительно быстро и бесповоротно в февралемарте 1917 года, когда шла Первая мировая война. Причины его крушения многочисленны и брали начало в глубоком прошлом, но одной из самых значительных было недовольство общественности ходом войны»⁹⁹.

Однако эта точка зрения нуждается в дополнениях, о которых историк умалчивает. А дополнения эти сводятся к большому и всестороннему заговору, который в полной мере можно назвать мировым, ведь в нем приняли участие не только пограничные с Российской империей государства. Создавали заговор масонские лидеры, которых было к этому времени немало не только в Америке, Европе, Азии, но и в самой России. При этом зачастую в тени остается интересный факт: в Турции масонство было самым важным и сильным идеологическим движением, в ложи входили сотни и сотни весьма непростых жителей Османской империи. А руководство главной ложи – Великого Востока Турции состояло сплошь из дёнме – так в Османской империи называли евреев, принявших мусульманство. Из их числа были и все младотурки, устроившие революцию в этой стране. И последующий руководитель Турции – Мустафа Кемаль Ататюрк тоже был дёнме, вероотступник, исламизированный еврей¹⁰⁰. Но в то же время было бы ошибкой отождествлять дёнме с евреями. Дёнме – еврей по происхождению, но уже не еврей. В турецких государствах (Османской империи и Турецкой Республике) дёнме хоть и не воспринимались как полноправные мусульмане, тем не менее, не

---

⁹⁹ Пайпс Ричард. Русская революция: В 3 кн. Кн. 3. Россия под большевиками. 1918–1924. – М., Издательский дом: Захаров, 2005. С. 5.

¹⁰⁰ Владимир Захаров: В Турции масонство было самым важным идеологическим движением. // Владимир ДАРБИНЯН. «Голос Армении». 2011. Май; Celil Layiktez//The History of Freemasonry In Turkey Pietre-Stones Review of Freemasonry. URL: <http://www.freemasons-freemasonry.com/layiktez.html>

считались евреями¹⁰¹. Это укоренилось не только в силу обычая, но и было закреплено на законодательном уровне. Если бы не им принадлежала идея геноцида, Израиль давно бы уже признал факт геноцида. 90 с лишним лет прошло, но для них не было геноцида армянского народа. Разве это не позор...

Младотурки довольно быстро определили для себя образ врага – ими стали армяне, проживавшие на территории Турции и входившей в ее состав Западной Армении (условно – «шесть вилайетов»).

Младотурки вели тонкую и хитрую игру, пытаясь вовлечь в свою антиармянскую политику другие народы. Уговаривать бывшее руководство империи не пришлось долго. Все было подготовлено и озвучено довольно быстро. Ведь еще с середины XIX в. турецкие власти решили не только переименовать или сменить названия армянских вилайетов, провинций, поселений, но и в корне уничтожить название «Армения». Эта политика стала особенно ощутимой после русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Правительство султана Абдул Гамида II (его мать была армянкой) заменило название Армения на вымышленные термины «Курдистан» или «Анатолия»¹⁰².

Начиная с 1880 г. в официальных диванах Турции было запрещено упоминание названия Армения. Тем самым Высокая Порта давала западным державам понять, что армянского вопроса не существует. Нет Армении – нет и армянского вопроса. Турецкий государственный деятель британской ориентации времен Абдула Гамида, великий визирь Кямиль-паша развил в этой связи следующие положения:

«Ежели мы взрастили змею на своей груди в Европе (имея в виду балканские народы. – В.З.), ту же самую глупость мы не должны повторять в Азиатской Турции. Логика требует убрать с пути все те элементы, которые однажды представят повод для международного вмешательства и станут орудием в руках этих сил. Ныне, по крайней мере сегодня, в наших интересах, как и в интересах Англии, чтобы на наших территориях в Малой Азии были искоренены источники, способные дать повод для внешнего вмешательства. Мы и Англия не признаем слова «Армения», и следует разбить ту челюсть, которая осмелится произнести это

---

¹⁰¹ См.: *Jacob M. Landau*. The Dönmes: Crypto-Jews under Turkish Rule // *Jewish Political Studies Review* 19:1-2 (Spring 2007)/

¹⁰² *Саакян Лусине*. Отуречивание топонимов в Османской империи и Республиканской Турции. – Монреаль: Изд-во Arod Books, 2010. С. 49–70.

слово. Следовательно, для достижения этой цели необходимо стереть эту армянскую нацию с лица земли, безжалостно уничтожить»¹⁰³.

Османе не теряли время, в империи продолжалось системное отуречивание топонимов, именно с этой целью был принят еще 13 мая 1913 года документ «Инструкция к заселению беженцев» (İskân-ı Muhacirin Nizamnâmesi).

Последующий шаг был предпринят 5 января 1916 г. военным министром Энвер-пашой.

Вот сокращенный перевод подписанного Энвером приказа (Emirname):

«1. В Османской стране переименование всех принадлежащих армянскому, греческому, болгарскому и прочим немусульманским народам наименований вилайетов, провинций, поселений городского типа, сел, гор, рек..., а также всех прочих имен в турецкие обязательно.

2. Необходимо составить соответствующие списки совместно с военным руководством и административными властями...

3. Необходимо, чтобы новые наименования выражали историю нашей прославленной и воспеваемой армии. Необходимо помнить славные эпизоды, выявленные как в нынешних, так и в прошлых военных обстоятельствах. Если нет такой возможности, то следует упомянуть лиц высочайшей морали и лиц, отдавших жизнь во благо своей страны.

И, наконец, преподающие в школах в разных уголках нашей страны учителя должны уметь выявлять для учеников героические темы данного региона и предпочтительные темы, соотносимые с его климатом, искусством, торговлей... А ежели не удастся найти имя согласно этому принципу, в таком случае следует, к примеру, Эрегли назвать Эрикли или же Эраклы; Галиболу – Велиболу, тем самым основа прежнего принятого имени не будет нарушена.

Заместитель главнокомандующего,
военный министр Энвер, 1916 г.»¹⁰⁴

Известный турецкий военный историк Хусейн Авни (Алпарслан)-бей, автор статей о турецком языке и культуре, писал: «Если мы хотим стать хозяевами нашей страны, то обязаны отуречить название даже самой маленькой деревушки, а не оставлять на армянском, греческом, арабском. Тем самым мы окрасим нашу страну в наши краски». Известно, что

¹⁰³ Новая история Армении в трудах современных зарубежных авторов. – Ереван, 1993. С. 17.

¹⁰⁴ Yüksel A. Doğu Karadeniz Araştırmaları – İstanbul, 2005. S. 21–22.

на территории Западной Армении наименования территорий, переселенных курдами, в подавляющем большинстве были армянские – со следами воздействия местных диалектов или чуждых языков. После Геноцида армян эти топонимы до сих пор приписываются курдам.

Так, президент Турции <http://news.am/ru/news/5990.html> Абдулла Гюль во время своего визита в Битлис в августе 2009 года заявил, что якобы настоящее название нынешней провинции **Гюроймак** – это курдское **Норшин**¹⁰⁵. Гюль врал, как писала исследователь из Ереванского университета Люсине Саакян, он умышленно акцентирует курдское происхождение этого заведомо армянского топонима. Отуречивание и курдизация армянских топонимов, то это отнюдь не новое явление в Турции. Что касается Норшина, то это исконно армянский топоним как по своим компонентам Нор (**новый**) + шин (**строение, село, населенный пункт**), так и по структуре топонимической модели. Причем, топонимы с компонентом -шен сугубо армянские, как **Мартунашен, Васакашен, Геташен, Ванкшен, Амшен, Веришен** и т.д.¹⁰⁶

Ну, это исторические аналогии, без которых вспоминать трагедию армянского народа 1915 года в Османской империи невозможно, без этих фантазий современная Турция не делает ничего, чтобы исключить любое упоминание жизни армянского народа на захваченной ими территории.

Первая мировая война и произошедший в 1915 году геноцид лишили Османскую империю армянского населения. Вместе с тем, Первая мировая война вызвала разбалансирование государственно-административной структуры Закавказья и небывалое обострение социальных, межнациональных и религиозных конфликтов, преодолеть которые кавказские национальные элиты попытались созданием независимых государств. Однако в среде образованного среднего класса закавказских губерний России были популярны все же автономистские идеи, в основном не выходявшие за рамки планов создания национальных автономий в составе Российского государства. С подобными программными требованиями выступали: в Грузии – социал-демократы (меньшевики), национал-демократы, социал-федералисты, в Ширванской области – тюркская демократическая партия «Мусават».

---

¹⁰⁵ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.co.uk/turkce/haberler/2009/08/09>. (Дата просмотра: 01.08.2012).

¹⁰⁶ Саакян Люсине. Отуречивание топонимов в Османской империи и Республиканской Турции. [Электронный ресурс]. URL: <http://blog.ararat-center.org/?p=331#respond>

Армянский народ и его основная политическая партия – Дашнакцутун в 1917 г. были категорическими противниками любых анархических и сепаратистских тенденций на Кавказе. Они верили, что судьба армянского народа неразрывно связана с единой и неделимой демократической Россией.

Революции в России в феврале-марте, а затем в октябре 1917 года, приведшие к распаду империи и последующим драматическим событиям, имели различные последствия для Закавказья и региона в целом. Правительство Османской империи использовало войну как наиболее подходящий и удобный повод для решения «раз и навсегда» армянского вопроса. Первым шагом для достижения данной доктрины стало выселение западных армян с их тысячелетней родины. Осуществленный несколькими годами ранее впервые в новейшей истории на государственном уровне геноцид армянского народа продолжался.

Пока в Петрограде сохранялась власть Временного правительства, и даже после захвата власти 25 октября 1917 г. большевиками, ни один мало-мальски известный кавказский политик не мыслил отделять свой народ от России. Обсуждались многообразные проекты будущего устройства России на федеративных или автономных началах, но не выход из состава государства. На Кавказе достаточно спокойно прошли выборы во Всероссийское Учредительное собрание, принеся победу меньшевикам, социалистам-революционерам и национальным партиям.

Однако в конце 1917 года, пользуясь развалом фронта, учиненным большевиками, Кавказ наводнили турецкие и германские агенты, разрабатывавшие главным образом панисламистские, пантюркистские идеи и возбуждавшие сепаратистские настроения. Только тогда, когда политики Кавказа убедились, что России как государственного целого больше нет, а заседавшие в Петрограде и Москве большевики для сохранения своей власти готовы отдать полцарства австрийцам, немцам и туркам, по предательскому Брест-Литовскому договору, они ради самосохранения стали думать об отделении от советизированной России.

В январе 1918 года окончательно рухнул Кавказский фронт и турецкие войска, до того оттесненные до линии Тиреболу – Эрзинджан – Сирт, начали, не встречая сопротивления, контрнаступление церемониальным маршем.

Идея создания парламента в Закавказье возникла в начале 1918 года сразу после разгона Учредительного собрания. В резолюции, принятой на заседании Краевого центра Советов, говорилось: «Жизненные интересы края требуют в ближайшие дни созыва собрания депутатов,

выбранных в Учредительное собрание от Закавказья и Кавказского фронта, которое и должно в первую очередь создать сильную авторитетную власть, способную поддержать в стране революционный порядок и провести в жизнь назревшие реформы»¹⁰⁷.

В то время Закавказье составляло значительную территорию, в которую входили Бакинская, Елизаветпольская, Эриванская, Тифлисская и Кутаисская губернии, а также Батумская и Карсская области, Закатальский и Сухумский округа. К маю 1918 года турки не только вернули все освобожденные русскими войсками земли Западной Армении, но и оккупировали значительную часть русского Закавказья – Карсскую и Батумскую области, часть Эриванской и Тифлисской губерний.

Стараясь как-то организовать власть на пространствах, свободных от большевиков, в разных частях России создавались временные правительства и законодательные собрания. В Закавказье таким правительством стал Закавказский комиссариат, начавший в Трапезунде собственные переговоры с турками о перемирии, так как старая русская армия совершенно развалилась и более не желала держать фронт. В качестве законодательного органа этой временной закавказской власти был образован «Закавказский сейм», который, в частности, должен был одобрить пункты перемирия. 10 апреля Закавказским сеймом была объявлена Закавказская республика как временно независимое, из-за захвата власти в столицах большевиками, образование.

Чудовищный варварский геноцид армянского народа, совершенный турецким правительством в Западной Армении был запланирован турками и в Восточной Армении, входящей в состав Российской империи.

Воспользовавшись таким своеобразным «отделением» от России, турецкое правительство решило повторить свой чудовищный варварский план геноцида армянского народа, совершенного в Западной Армении. Турки планировали его провести и в Восточной Армении. Военный министр Турции Энвер-паша в секретной инструкции от 27 февраля 1918 года давал следующие предписания командирам турецких военных частей, начавших интервенцию:

«Нынче благодаря счастливому стечению обстоятельств Его Императорское Величество приказал истребить всю армянскую нацию»¹⁰⁸.

Оккупировав Карс, Сарыкамыш, Нахичеван, Александрополь и другие города и районы Восточной Армении, турецкие войска только за не-

---

¹⁰⁷ Цит.: Саркисян А.З. Великий Октябрь и непролетарские партии Закавказья. – Ереван, 1990. С. 89.

¹⁰⁸ Бадалян Х.А. Турецко-германская экспансия в Закавказье. – Ереван, 1980. С. 43.

сколько месяцев 1918 г. истребили более 300 тыс. мирных армянских жителей (более 100 тыс. – в Карсском округе, 60 тыс. – в Александропольском уезде, около 25 тыс. – в Нахичеванском уезде, более 30 тыс. – в Баку и т.д.)¹⁰⁹. При этом турецкие войска привлекали к разбою и резне банды мусаватистов.

Когда мы говорим о созданных в 1918 г. административно-политических новообразованиях, то понимаем, что все они были воздушными замками, собиравшиеся на съезды политические деятели занимались говорильней, в то время как международная политическая ситуация в Закавказье становилась все более и более нестабильной. Нежизнеспособный, формально созданный так называемый «Закавказский Сейм» не решал ни политические, ни экономические, ни военные вопросы в Армении. Грузия находилась под покровительством Германии, Мусаватистский Азербайджан под покровительством Турции. Армения была одна, вот почему ее представители и вынуждены были искать поддержку в далеких от свеих территорий государствах. Именно об этом рассказывает в своих интереснейших воспоминания Г. Мелик-Карагёзьян.

Мы видим, что политика управления Закавказского комиссариата и его правопреемника – Закавказского сейма была глубоко противоречива, и цели представленных там двух из трех больших наций – грузин и кавказских татар – были строго эгоцентрическими.

22 апреля 1918 года созданный в Тифлисе Закавказский сейм провозгласил все эти административные единицы «демократической федеративной республикой». Официально название государства установлено не было и в документах название «Закавказская Демократическая Федеративная Республика» не использовалось. Герба и флага это государство не имело. Правительство Закавказской Демократической Республики не признало Брестский мир 3 марта 1918 г., по которому Турции отошла часть Закавказья (округа Ардаган, Карс и Батум). Но, не имея сил для отпора наступающим турецким войскам, оно пошло на переговоры с германо-турецким командованием в Батуме. Провозглашение государства произошло в условиях развернувшейся германо-турецкой интервенции в Закавказье.

Политическая целостность Закавказья под эгидой «Закавказского Сейма» в 1918 году раз и навсегда была упразднена.

Русский политик Б. Байков вспоминал: «В Кавказском сейме пришлось выслушивать речи татарских представителей, дышавших ненави-

---

¹⁰⁹ Грант Е. Армянский вопрос вчера и сегодня. – М., 1992. С. 13.

стью к России и недвусмысленно намекавших на будущий союз закавказских татар с Турцией, с которой Азербайджан в 1918 году, исполняя приказания Германии, собирался окончательно соединиться, отделившись от России»¹¹⁰.

Видимо, поэтому это нежизнеспособное государствовподобное образование просуществовало чуть больше месяца. После распада Закавказской Федеративной Республики центробежные политические силы активизировались. Если основной задачей грузинских лидеров было присвоение приграничных территорий, то кавказские татары откровенно стремились объединиться с родственным народом – турками, а для этого необходимо было убрать вклинившееся между ними основное препятствие – Армению.

На помощь Азербайджану пришли турецкие войска, руководствуясь вышеприведенной директивой. Нарушив договоренность о временном прекращении военных действий, в начале мая они перешли Аракс и двинулись по трем направлениям вглубь Закавказья.

В мае 1918 года Грузия и Мусаватистский Азербайджан объявили себя независимыми государствами.

В том же мае на Батумской конференции с закавказским сеймом, Командующий турецкими войсками на Кавказском фронте Вехиб паша недвусмысленно заявлял, что Турция не может оставаться безразличной к судьбе кавказских мусульман: «Наша цель, чтобы мусульмане Восточного Кавказа имели бы с нами реальную связь»¹¹¹. Но для этого необходимо наличие между Россией и Турцией сильного Кавказа со своим правительством, способным управлять и защищать себя.

Руководствуясь данной директивой, турецкие войска, нарушив договоренность о временном прекращении военных действий, в начале мая перешли Аракс и двинулись по трем направлениям вглубь Закавказья.

Армения и армянский народ оказался под угрозой физического уничтожения, исчезновения с карты мира. 15 мая турецкое войско ворвалось в Александрополь (ныне Гюмри), уничтожая мирное население. Турки направлялись по всем трем направлениям. Главной силой рвущейся к Еревану турецкой армии была хорошо вооруженная 36-я дивизия. Здесь действовали также кавалерийский полк, курдский конный отряд и нерегулярные соединения местного мусульманского населения.

---

¹¹⁰ Воспоминания о революции в Закавказье (1917-1920 гг.) – Б. Байкова. // Архив Русской Революции. Т. IX. – Берлин, 1923. Гл. V.

¹¹¹ Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. – Тифлис, 1919 (переиздано в 1990). док. № 98. С. 199.

Им противостояли несколько обескровленных на турецком фронте полков, народное ополчение, женские отряды и беженцы.

Армянский народ находился в исключительно тяжелом положении. Закавказский сейм развалился. Главнокомандующий армянским войском, генерал-лейтенант Товмас Назарбеков считал дальнейшее сопротивление бесполезным. И все же во всех слоях народа, среди представителей всех политических партий нашлись люди, верящие в чудо. Но тут во главу Сардарapatского отряда встал Даниелбек Пирумян.

Первое сражение произошло 22 мая. Враг был выбит из Сардарапата и Армавира. Победа воодушевила армянских бойцов. Большие и малые успехи последующих дней стали основой решающего боя, который должен был состояться 26 мая, в день Аварайрской битвы.

О Сардарapatской битве командующий турецкой армией генерал Вахиб-паша сказал: «Это была величайшая битва в этой войне. Армяне показали, что они способны быть лучшими воинами в мире!»

Не выдержав натиска, смятые с флангов турки начали отступать, оставляя на поле боя тысячи убитых и раненых. Удар армянской конницы с тыла довершил полный разгром турок: отступление перешло в паническое бегство. Потеряв более половины армии, Вахиб-паша откатился назад и сумел собрать остатки своих войск только под Карсом. На поле боя остались вся турецкая артиллерия, пулеметы и обозы, десятки тысяч винтовок и патронов. Впоследствии Вахиб-паша спрашивал у одного из армянских офицеров: «Почему вы меня не преследовали? Вы же могли занять и Карс». Он не знал, какими малыми силами была разбита его армия и как мала была армянская конница.

Разгромленные на поле боя турки предложили мирный договор. Утром 28 мая Армянский Национальный совет Тифлиса собрался на заседание в доме промышленника Адамянца, чтобы решить, что же делать дальше нации в условиях, когда она, предоставленная самой себе, должна была найти свой путь к спасению.

В 12 часов здесь было оглашено следующее заявление, составленное Аветисом Агароняном, Александром Хатисяном, Ованесом Качазнуни и Николом Акбаляном:

«В связи с новой ситуацией, возникшей с упразднением политической целостности Закавказья и провозглашением независимой Грузии и Азербайджана, Армянский Национальный совет объявляет себя верховной и единственной властью армянских областей».

28 мая Армянский Национальный совет объявил независимость Армении, а 29 мая заседание Западного и Восточного бюро АРФ Дашнак-

цютюн назначило архитектора Ованеса Качазнуни первым премьер-министром независимой Армении и выбрало Ереван столицей нового государства.

Итак, 28 мая 1918 года на территории российской Армении была создана независимая Республика Армения в составе территорий бывших Эриванской губернии и Карсской области Российской империи. Ее главной внешнеполитической задачей стало освобождение оккупированных турками земель, «собрание» всех армянских земель.

26 мая 1918 года, после распада Закавказского сейма и провозглашения Грузией своей независимости, районное собрание основной действующей на тот момент армянской национальной партии – Армянской Революционной Федерации Дашнакцютюн передало Армянскому Национальному совету в Тифлисе полномочия правительства с правом диктатуры во всех областях национальной жизни.

Первая республика появилась после почти тысячелетнего отсутствия национальной государственности на исторических армянских землях. В тяжелые годы армянскому народу, пережившему геноцид в Османской империи, удалось восстать из пепла и создать независимое армянское государство со столицей в Ереване.

Историческое значение Сардарapatской битвы трудно переоценить. Именно эта победа ознаменовала восстановление армянской государственности на территории Армении, образование Армянской республики 28 мая 1918 года.

Военное поражение центральных держав принципиально изменило ситуацию на русском Кавказе. 30 октября 1918 года капитулировала Турция, 3 ноября – Австро-Венгрия, 11 ноября – Германия. По условиям капитуляции все войска потерпевших поражение держав выводились из пределов России. Во второй половине ноября они действительно покинули Кавказ. В Закавказье вошли войска Антанты, главным образом британские. Стало ясно, что без этого, практически «абсолютного хозяина положения» не могут быть установлены новые границы не только Армении, но и других закавказских республик.

Еще год назад, до октябрьской революции 1917 года, Россия и Великобритания выступали как союзники, хотя последняя никогда не забывала, что Россия является ее потенциальным соперником, и после завершения войны политика Великобритании в Закавказье строилась именно на этом основании. Речь шла об окончательном отделении Закавказья от России. Вполне естественно, что руководство Республики Армения было вовлечено в антибольшевистскую борьбу в надежде, что

Однако тенденциозность британской дипломатии и игнорирование насущных интересов Армянской республики стали наблюдаться уже в первые месяцы после вхождения британских войск в Закавказье. Особенно это проявилось в армяно-грузинском и армяно-азербайджанском приграничных спорах. В этих территориальных столкновениях британское правительство защищало в большей степени интересы Грузии и Азербайджана в ущерб интересам Республики Армения.

Великобритания проводила, по сути, «протурецкую» политику, стремилась передать Нагорный Карабах и Зангезур под «временное» управление Азербайджану. И здесь заключалась главная ошибка армянских деятелей, которые строго подчинялись распоряжениям британского командования и шли на большие уступки, надеясь на то, что вопрос Карабаха получит мирное и справедливое решение.

Необходимо отметить, что на момент провозглашения независимости Армении значительная часть ее территории была оккупирована турецкими войсками, которые находились уже в непосредственной близости от Эривани. Победы, одержанные армянской армией в сражениях под Сардарапатом, Баш-Абараном и Караклисом, позволили на некоторое время приостановить продвижение турок и устранить нависшую над армянским народом угрозу физического уничтожения. Однако в сложившихся условиях Армения была вынуждена подписать 4 июня 1918 года Договор о мире и дружбе с османским имперским правительством.

Турция признала независимость Армении в пределах той территории, которую к этому времени контролировало правительство Республики Армения, в 1918 г. она ограничивалась только Эриванским и Эчмиадзинским уездами, что составляло 12 тыс. км² с населением ок. 1 млн. человек (включая беженцев).

Армянская государственность была восстановлена.

30 октября Великобритания и Турция подписали так называемое Мудросское перемирие, ознаменовавшее поражение Турции в Первой мировой войне. Оно, в частности, предусматривало вывод турецких войск из Закавказья. В ноябре 1918 г. Турция уведомила Армению о том, что ее войска покидают территории, расположенные вне границ, обозначенных Брестским миром 1918 г. В ноябре армянские войска вступили в Караклис, в начале декабря в Александрополь. В апреле-мае 1919 г. правительство Армении установило контроль над Карсом, Олту, Кагызваном. Правительство Республики Армения оказывало поддержку армянскому населению Карабаха и Зангезура.

Но Мудросское перемирие показало, что в нем не нашли отражения основные интересы Армении и армянского народа. Появление британских войск в Закавказье и их размещение в Баку, Батуме, Тифлисе не принесло облегчения Армянской республике. Британское командование «утешало» армян надеждой, что Парижский мирный конгресс решит все спорные вопросы.

Первая половина 1919 года занимает особое место в истории Республики Армения. Это был очередной «период надежд», которые армянский народ связывал с Парижской мирной конференцией. Он полагал, что страны-победительницы уделят достойное внимание решению территориальных проблем молодой Республики Армения.

Заявлений британских политиков накануне и в ходе Парижской конференции о своем желании решить армянский вопрос было много, однако действия Англии, к сожалению, «огорчили и разочаровали» армян. Правда, одно положительное решение для Армении все же было принято на конференции 14 мая 1919 г. – это решение о передаче США мандата на Армению.

В мае 1919 г. Армения, наконец, была провозглашена объединенной и независимой республикой. Усилия объединенной республики в территориальном самоопределении также не принесли ожидаемых результатов. И все же признание де-факто Республики Армения (19 января 1920 г.) сохраняло надежду для армянского народа. Не хватало главного – международного, юридического признания и определения национальных границ республики. В который раз армянский народ свои надежды возлагает на великие страны. Территориальные проблемы Армении рассматривались, так или иначе, не только на конференции союзников в Париже, но и в Лондоне (февраль-март 1920 г.), и в Сан-Ремо (19–26 апреля 1920 г.).

Судьбоносным для возрожденной государственности Армении, разгромившей турок, был Севрский договор.

10 августа 1920 г. в Севре – небольшом городке недалеко от Парижа, был подписан Севрский мирный договор. Подписантами были с одной стороны страны Антанты, к которым присоединились: Италия, Япония, Бельгия, Греция, Польша, Португалия, Румыния, Королевство сербов, хорватов и словенцев, королевство Хиджаз (провозгласившее независимость от Османской империи в 1916 г.), Чехословакия и Армения. С другой стороны было только правительство султанской Турции.

Севским мирным договором Турция и союзные державы признали независимость Армении. Согласно документу, Турция заявляла, что

«признает Армению, как то уже сделали союзные державы, в качестве свободного и независимого государства». Согласно разделу «Армения», к Республике Армения переходила территория некоторых вилайетов Турции. На третейское решение президента США Вудро Вильсона, который был назначен арбитром, представлялось определение границ между Арменией и Турцией и принятие всяких мер относительно выхода Армении к морю и демилитаризации оттоманской территории, прилегающей к этой границе. Границы Армении в Закавказье должны были устанавливаться на Парижской мирной конференции. Содержались в договоре и положения, связанные с геноцидом 1915 года и устранением его последствий: «Чтобы исправить в наиболее широкой мере зло, причиненное лицам во время зверств, совершавшихся в Турции во время войны, оттоманское правительство обязуется оказать всяческую поддержку, свою и оттоманских властей, – розыску и освобождению всех лиц всякой расы и всякой религии, исчезнувших, похищенных, интернированных или лишенных свободы после 1 ноября 1914 года» и «торжественно обязуется облегчить в пределах возможности оттоманским гражданам нетурецкого племени, насильственно изгнанным после 1 января 1914 года из своих очагов либо страхом перед зверствами, либо в силу всякого иного способа принуждения, возвращение к своим очагам, а также возобновление своих дел».

Вильсон внес на рассмотрение союзников 22 ноября 1920 г. В. предложение, согласно которому к Армении переходили две трети вилайетов Ван и Битлис, почти весь вилайет Эрзрум, значительная часть вилайета Трапезунд, включая и порт (около 100 тысяч кв. км). В результате территория этой «вильсоновской» Армении имела бы около 150 тысяч кв. км и получала выход к Черному морю.

Подписание договора первоначально вызвало восторг и ликование в Армении, но неожиданно быстро оно закончилось разочарованием и новыми сложностями. Мнения многих авторов, исследовавших данный документ, предысторию его подписания и нереализованные возможности, сходятся в одном – договор давал армянскому народу «исторический шанс для национального возрождения, который, к сожалению, остался на бумаге из-за противодействия Турции и усилившихся противоречий между союзниками». Но насколько исчерпывающей является подобная оценка? И для каких целей были включены в Севрский договор столь многообещающие, но заведомо труднореализуемые положения? Лишь один человек в Армении внимательнейшим образом изучил этот вопрос. Речь идет о генерал-майоре запаса Давиде Оганяне. В своей статье

«Иллюзии Севрского договора» он попытался по-новому взглянуть на многие традиционные положения этого международного документа и высветить настоящие, хотя и скрытые действия союзников.

Как известно, еще в конце апреля 1920 г. в Сан-Ремо состоялась конференция, главными участниками которой стали Франция, Англия, Италия, Япония. США были представлены наблюдателями. В ходе данного международного форума были утверждены некоторые территориальные и иные условия относительно Турции. В последующем многие из пунктов принятых в Сан-Ремо решений легли в основу Севрского мирного договора. Но многие забывают, что в Сан-Ремо прозвучало и мнение британского правительства, высказанное премьер-министром Ллойд Джорджем относительно Армении и армян. Они были вполне определенными и крайне характерными для дипломатии империалистических государств во все времена. Ллойд Джордж не скрывал своего раздражения: «Если армяне не могут защитить свои границы, то... от подобного народа нет никакой пользы, и ни одно союзное государство не будет готово помочь им хоть одним батальоном». Слова весьма неприятные для народа Армении, если вспомнить, что именно Англия сделала тогда все возможное, чтобы ослабить Армению – политически, территориально, экономически... Безусловно, высказывание британского премьера является «высоким» образцом подлинной политики, проводившейся Западом в конце XIX – начале XX вв. по отношению к Армении.

По этому договору территория Турции сокращалась на четыре пятых. Наконец, Турция, по договору, обязалась признать самостоятельность Армянского государства, предоставив ему выход к морю. Согласно договору, подразумевалось также включение значительной территории в Эрзрумском, Трапезундском, Ванском и Битлисском вилайетах в состав независимой Армении: целый раздел Севрского договора назывался «Армения». Он включал статьи с 88-й по 93-ю, Армения вместе с восточной частью превышала 150 тыс. кв. км. Турки обязались компенсировать материальные потери армян в размере 19 млрд. золотых франков.

Правительство США получило право определить границы Турции и Армении. Общая площадь будущей Армении достигала 160 тысяч кв. км. Турция заранее отказывалась от всяких прав на передаваемую Армении территорию.

Однако уже тогда было ясно, что Севрский договор изначально носит чисто декларативный характер. Он задумывался державами-победительницами как формальное «наказание» султанской Турции, о

чем свидетельствует, в частности, Д. Ллойд-Джордж в своих мемуарах, указывая, что державы «...заведомо не могут и не собираются привести его в жизнь»¹¹².

По свидетельству участников конференции в Сан-Ремо, отмечает армянский исследователь Р. Казанджян, уже тогда было ясно, что «союзным державам будет очень трудно создать Армению, способную защитить и отстоять себя»¹¹³. Об этом прямо сказал и Ллойд-Джордж: «великие державы, безусловно, не смогут оказать Армении действенную поддержку», «не могут послать никаких войск на помощь армянам»¹¹⁴.

Член Американского комитета помощи Армении Пакстон Хиббен писал: «В те дни речь шла исключительно о наказании турок... и никто тогда не дал армянам понять, что они в решительный момент могут быть выброшены за борт, как лишний дипломатический-багаж»¹¹⁵. Впоследствии, когда кемалисты вторглись в сентябре 1920 года на армянскую территорию, ни одно из государств, подписавших Севрский договор, не пришло на помощь армянам.

Турция тем временем не дремала. Весной 1920 года она сконцентрировала крупные силы на границе и готова была начать вторжение в Армению. Как справедливо считал генерал-майор Давид Оганян, лишь позиция Советской России, выступавшей в то время против этого и предложившей свои услуги в качестве посредника, предотвратила войну, вернее – оттянула ее на некоторое время. В конце лета начались переговоры в Москве. Нарком иностранных дел России Чичерин предложил армянской делегации отказаться от европейской дипломатии и передать разрешение армяно-турецкого спора Москве. Согласившись на подобное посредничество, представители Республики Армения не увидели никакого подвоха. Шок скорее был у союзников: ведь им было хорошо известно об уже начавшемся сближении Турции и советской России, что в свою очередь вело к потере ими Передней Азии¹¹⁶.

И союзники не стали ожидать результатов, которые они предвидели. 10 августа 1920 г., когда переговоры в Москве еще продолжались, под-

---

¹¹² Ллойд-Джордж Д. Правда о мирных договорах, т. 2. – М., 1957. С. 432.

¹¹³ Цит. по: Рем Казанджян. Большевики и младотурки. История любви и новые документы. URL: http://ardvin.do.am/news/bolsheviki_i_mladoturki_istorija_ljubvi_i_novye_dokumenty/2011-07-12-52

¹¹⁴ Ллойд-Джордж Д. Правда о мирных договорах... С. 428, 429 и др.

¹¹⁵ The Nation, 1922, 22 июня.

¹¹⁶ Оганян Давид. 1) Иллюзии Севрского договора // Новое время. 2008. 29 мая; 2) Мандат США на Армению – очередной блеф Вильсона. URL: http://karabah.h18.ru/press2008/06/0603_mandat.html; 3) Стереотипы армянской историографии. – Ереван, 2010. С. 20–43.

писывается Севрский мирный договор, по сути, разделявший Турцию. Реакция преемников Османской империи была, конечно же, прогнозируема – война с Арменией. К этому времени у ангорского правительства были полностью развязаны руки. Позиция европейских держав, представленная, в частности, вышеприведенными словами Ллойд Джорджа, была всем известна. Вот еще одна его цитата, из его книги «Правда о мирных договорах»: «...У держав нет средств добиться осуществления договора», и они «заведомо не могут и не собираются привести [договор] в жизнь». А проекты Вильсона, предложенные в 1919 г., оказались простой видимостью. Никто в США не собирался направлять вооруженные силы для поддержания мира в Армении и снабжать армянскую армию оружием. Жаль, что в сегодняшней Армении не желают знать о подлинном поведении Америки. Оно всегда было и есть весьма, мягко говоря, двусмысленно. Соединенные Штаты преследуют только свои собственные интересы в каждом конкретном регионе, для чего могут пойти на любые ухищрения, на любые обещания и заверения, оказывающиеся на поверку банальной политико-дипломатической «пустышкой»¹¹⁷.

После подписания Севрского договора агрессивные планы турецкого правительства Мустафы Кемала Ататюрка в отношении Республики Армения не прекращались. Он преследовал свои собственные цели – заставить Республику Армения отказаться от Севрского договора, имея секретную поддержку со стороны советского правительства и его первых лиц.

Однако главные союзные державы (Франция, Англия и Италия) не только не привели в исполнение Севрский мирный договор, но и воспротивились вступлению Армении в Лигу наций, заявив, что не могут взять на себя гарантию ее границ, к которой, в случае принятия Армении в Лигу, обязывала бы всех членов Лиги знаменитая 10-я статья пакта.

Армения, не получив ожидавшейся поддержки от англичан, стала возлагать надежды на США. Однако решительной поддержки Армении США тоже не оказали, они отказались от мандата на Армению.

В мае 1920 г. Сенат США утвердил лишь резолюцию, позволяющую президенту направлять военные корабли и морскую пехоту в Черное море, но для спасения американцев, а вовсе не армян. А 1 июня Сенат окончательно отклонил идею о взятии США мандата на Армению. Таким образом, американское неказание военной помощи Армении было га-

---

¹¹⁷ Ллойд-Джордж Д. Правда о мирных договорах... С. 431.

рантировано на законодательном уровне. Запад чуть ли не буквально подталкивает Турцию к войне с Арменией. И в сентябре 1920 г. Турция начинает крупномасштабное вторжение в Армению. В Стамбуле видимо забыли, как в конце мая 1918 г. плохо вооруженная армянская армия в составе 40 тысяч разбила наголову 100-тысячную турецкую армию генерала Вехиб-паши.

«Армяне показали, что они способны быть лучшими воинами в мире! – писал после этого Вехиб-паша. – Это было величайшее сражение в этой войне»¹¹⁸.

Осенью 1920 г. в Армении была 80-тысячная хорошо вооруженная армия, которая, как тогда писали английские газеты, могла бы «пройти победным маршем от Арарата до Босфора».

Зная все это, Сталин вооружил Кемаля и в сентябре 1920 г. бросил турецкий корпус Карабекира против Армении. Корпус состоял из 33-х тысяч плохо вооруженных солдат, набранных в основном из крестьян. Сталин сделал ставку на большевиков и в воинстве Карабекира действительно были переодетые в турецкую форму красноармейцы. Однако никакого сражения, по сути дела, не было. Большевистские террористы убивали армянских командиров, а в армянских воинских частях агитировали за развал фронта.

В результате Карс был сдан в октябре 1921 г. без боя. Также без боя турки вошли в Гюмри. Согласно сталинскому «сценарию» с востока в Армению вошли без всякого сопротивления части XI Красной Армии, а в Джавахк (Северная Армения) вторглись несколько отрядов грузинских меньшевиков.

После этого Сталин 29 ноября 1920 года объявил в Армении Советскую власть и посоветовал пришедшим к власти армянским большевикам во главе с Касьяном и Бекзадяном приехать в Москву для заключения «мирного договора» между большевистской Арменией и Кемалистской Турцией!

Когда в феврале армянская делегация под руководством Бекзадяна оказалась в Москве, Сталин дал указание 13 февраля 1921 г. частям XI Красной Армии оставить Ереван, удалиться на расстояние 10-15 км. и сдать власть дашнакам. Бекзадяну Сталин в Москве заявил:

---

¹¹⁸ Цит.: *Ростованов А.Е.* Правда о Сардарapatской битве, разгроме турецкой армии, победе армянских воинов, народных ополченцев, женских отрядов и беженцев в мае 1918 года. Восстановление Армянской государственности 28 мая 1918 года. – Сочи, 2008. С. 12.

– В Армении свергнута Советская власть. Заключать договор с Турцией вы уже не можете. Здесь Вам больше делать нечего...

Руководителю турецкой делегации Джебесою Сталин сказал:

– Будем заключать договор о дружбе между Россией и Турцией. Вы получите все, что хотите...

Так, 16 марта 1921 г. был заключен Московский договор, касающийся Армении, но без представителя Армянского Правительства.

Разумеется, уже через неделю части XI Красной Армии снова вошли в Ереван, а «дашнакское правительство» снова бежало в Иран.

...Мясникян и Бекзадян, взбешенные условиями Московского договора, лишившими Армению значительных территорий, приехали в Москву и обратились к Ленину:

– Как Вы могли допустить заключение такого грабительского договора, Владимир Ильич?!

Присутствовавший тут же Сталин сказал:

– Надо было отдать Армению туркам, чтобы турки пришли к социализму. Через три месяца вся Турция станет Советской! Мустафа - молодец! Он за социализм..! А вы же, армяне, - интернационалисты. Посмотрите, сколько среди вас большевиков?!

– Вот видите, Сталин говорит, что вы, армяне, - интернационалисты,- вставил Ленин.

Выйдя из кабинета, Сталин дружески обнял за плечи Бекзадяна:

– Слушай, я тоже армянин, но надо, понимаешь?..

о возвращении в Тифлис по дороге в Ереван бывшего секретаря ЦК Компартии Белоруссии, а в 1921 г. секретаря ЦК Компартии Армении Александра Мясникяна армянские большевики спросили прямо на вокзале:

– Ну как? Что сказал Ленин?

Мясникян помолчал и мрачно произнес:

– Обе руки мне отсекли...

Это означало отняли армянские земли и Западной и Восточной Армении, т.е. не только Ван, Арзрум, Карсе, Ардаган, но и Джавахк, Нахичеван, Карабах¹¹⁹.

В сложной международной обстановке руководство Армении, полагавшее, что только западные державы в состоянии принудить Турцию соблюдать условия Севрского договора, допустило роковой просчет.

---

¹¹⁹ Айвазян Сурен. Открытое письмо Ген. сексу ООН, Президенту России и Армении – О недействительности Московского договора. 2 августа 2002 г. URL: <http://maxpark.com/community/1804/content/699953>

Между тем, именно в этот период Советская Россия – в силу сближения с кемалистской Турцией, – пожалуй, более, чем другие страны, могла действительно влиять на неокрепшее еще кемалистское движение. Правительство же Армении упорно игнорировало эту возможность.

Правительство Армении не стало дожидаться вступления Севрского договора в силу. 20 сентября 1920 г. армянские войска численностью около 30 тыс. чел. вошли в Турецкую Армению и заняли город Олту.

24 сентября начались широкомасштабные военные действия турецких войск под командованием Кязым Карабекир-паши, которому удалось отразить удар армянских войск. 28 сентября турки перешли главными силами (до 50 тыс. чел.) в контрнаступление по всему фронту и нанесли поражение слабо вооруженным армянским войскам. 29 сентября турецкая армия заняла Сарыкамыш и Кагызман, 30 сентября Мерденек. 8 октября правительство Армении обратилось «ко всему цивилизованному миру» с просьбой принять меры для прекращения турецкого наступления. Однако армия Карабекир-паши, развивая наступление, 30 октября захватила Карс, 7 ноября оказалась в Александрополе и начала развивать наступление на Эривань.

Потеряв за два месяца две трети довоенной территории Армении, дашнакское правительство 18 ноября было вынуждено заключить перемирие, а 26 ноября 1920 года объявить об отказе от Севрского договора, а значит, и от определенных территорий.

Мы видим, что Геноцид армян продолжался и в 1919 и в 1920 гг. В конце марта 1920 г. столица Нагорного Карабаха – город Шуша, была предана огню и мечу – сожжена армянская часть, зверски были убиты тысячи мирных жителей. Губернатор мусаватистского правительства Султанов, воодушевляя погромщиков, заявлял: «Убивайте... уничтожайте... Отвечать буду я...»¹²⁰.

Георгий Орджоникидзе, вспоминая свое посещение г. Шуши после освобождения Нагорного Карабаха частями XI Красной Армии в мае 1920 г., говорил: «Мы были свидетелями ужасной картины — развалин этого города и болтавшихся в колодцах трупов женщин и детей», «позорное уничтожение армянского города Шуши, изнасилование, резня, бросанье колодцы и пропасти детей и женщин...»¹²¹.

Не могу не заметить, что в книге азербайджанского профессора М.Дж. Гасымлы «Анатолия и Южный Кавказ в 1724–1920 гг.» все, о чем написал непосредственный свидетель шушинской резни Орджоникид-

¹²⁰ Грант Е. Армянский вопрос вчера и сегодня... С. 16.

¹²¹ Орджоникидзе Г.К. Статьи и речи. Т. I. – М., 1965. С. 201, 210.

зе, то, что он видел своими глазами, называется этим бакинский псевдоученым обманом. По его мнению, участниками резни названы армяне, которые убивали «беззащитных азербайджанцев»¹²². Вот как беззасенчно лгут азербайджанские авторы, устраивая профонацию исторических событий, закрывая глаза на документально подтвержденные факты. И это всего лишь один пример их тысячи¹²³.

2 декабря Армения и Турция подписали Александропольский договор, согласно которому территория Армении сокращалась до Эриванского и Гокчинского (озеро Севан) районов, численность армянской армии ограничивалась 1,5 тыс. чел., а ее вооружение – 20 пулеметами и 8 орудиями. Закончился последний период безрезультатных попыток армянских властей решить территориальные проблемы.

Александропольский мирный договор, подписанный между делегациями Республики Армении и Турции в ночь со 2 на 3 декабря, по окончании Александропольской конференции 1920. Официально назывался «Мирным договором между Турцией и Арменией». Состоял из 18 статей. По его условиям территория Армении ограничивалась районами Еревана и озера Гокча; нахичеванский округ передавался под протекторат Турции; фактически протекторат устанавливался и над остальной частью Армении; вооружённые силы Армении не должны были превышать 1 500 бойцов при 8. орудиях и 20 пулемётах; турецкие военные власти могли «принимать военные меры» на территории Армении; турецкий посланник в Ереване получал право производить «инспекцию и расследование» по вопросам договора; анкарское правительство за это обязывалось предоставить дашнакам вооружённую помощь, «когда того потре-

---

¹²² Гасымлы М.Дж. Анатолия и Южный Кавказ в 1724–1920 гг. в поисках исторической истины. / АНО ИИЦ «Инсан». – М., 2014. – С. 460 и др.

¹²³ См.: Захаров В.А. 1) Искажение истории в Азербайджане на рубеже XX–XXI вв. и его влияние на перспективы развития страны // Регион и Мир. – Ереван. 2010. № 2. С. 71–86; 2) Искажение истории в Азербайджане на рубеже XX–XXI вв. // Нагорно-Карабахской республике 20 лет (к годовщине провозглашения независимости). Доклады Института к юбилейной секции 20 мая 2011 г. город Степанакерт. – М., Центриздат, 2011. С. 130–1503) Служанка политики. Новая азербайджанская история // Сборник Русского исторического общества. Т. 11 (159): Правда истории / Составитель и отв. Ред. И.А Настенко. – М.: «Русская панорама», АНО «Русское историческое общество», 2011. С. 162–180; 4) Азербайджанские историко-географические фальсификации. Историко-культурное и картографическое исследование // Карабахский курьер. 2014. № 2 (44). – С. 59–60; 5) Фальсификация истории геноцида армян в Османской Турции турецкими и азербайджанскими авторами. // Геноцид как духовно-нравственное преступление против человечества Тезисы докладов международной конференции 23–24 октября 2015 г. Москва. – М., 2015. – С. 53–54; и др.

бует внешняя или внутренняя опасность и когда республика Армении обратится к нему с указанным ходатайством».

Надежда дашнаков на то, что Александропольский договор спасёт их от назревавшей революции, не осуществилась. 29. XI 1920, т.е. ещё до подписания Александропольского договора, образовался Революционный комитет Армении, провозгласивший советскую власть. А 2 декабря в Эривани было подписано соглашение между РСФСР и Республикой Армения, по которому Армения была провозглашена советской республикой. А Александропольский договор был подписан через несколько часов после того, как представители дашнакского правительства заключили соглашение с полпредом РСФСР Леграном об установлении советской власти в Армении. Дашнакское правительство было свергнуто, и тем самым подписанный дашнакским правительством, которое фактически уже не имело ни власти, ни законных полномочий Александропольский договор ни юридически, ни фактически не вступил в действие.

4 декабря 1920 г. в Ереван вступила Красная Армия. Советское правительство Армении отказалось признать договор и объявило его аннулированным.

С декабря во всем Закавказье шло установление новой власти, власти большевиков. В апреле 1920 г. в Азербайджане была установлена советская власть, и XI Рабоче-крестьянская Красная Армия, вошедшая в Азербайджан, вскоре заняла территорию Карабаха и Нахичевана. К середине июня было подавлено сопротивление армянских вооруженных отрядов в Карабахе. 28 июля была провозглашена Нахичеванская Советская Республика. 10 августа 1920 г. в Тифлисе представители РСФСР и Армении подписали соглашение о перемирии, согласно которому Карабах, Нахичеван и Зангезур временно оставались под контролем Красной Армии.

16 марта 1921 г. правительство Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и правительство Великого Национального Собрания Турции – эти два никем в то время не признанные правительства кемалистской Турции и РСФСР – за спиной Армении решили судьбу армянского народа, подписав Московский договор. И тем самым лишили армянский народ, претерпевший всего несколько лет назад геноцид, унесший свыше полутора миллионов мирных жителей армянской национальности, большей части его исторической территории¹²⁴.

---

¹²⁴ Подробно см.: *Захаров В.А.* 1) Карс и Карский договор 1921 года в истории Армении: материалы к обсуждению книги А. Тонконоженко «Карс: проклятая память». –

А 13 октября 1921 года, по Карсскому договору между Турцией – с одной стороны, и Грузией-Арменией-Азербайджаном – с другой, Турции отошли: исконно армянские земли: Артвин, Артаани, Эрзерум; провинция Карс с городом Кагызман и Сурмалинский уезд Эриванской губернии с горой Арарат; а под протекторат Азербайджана перешел Нахичеванский уезд Эриванской губернии. По Карсскому договору, где подробно описана граница Турции от Сарпи до Нахичевани, сюзеренитет над Батуми передавался Грузии – при условии, что за вышеперечисленные три закавказские республики, пользующиеся по Карсскому договору статусом одной стороны, гарантом выступит Россия (РСФСР).

Несмотря на то, что срок заключенного на 100 лет Карского договора истекает 21 октября 2021 года, Россия и Турция могут его денонсировать в одностороннем порядке, а Грузия, Армения и Азербайджан, пользующиеся в документе статусом одной стороны, выйти из Карского договора по отдельности не имеют права. Да и не хотят, ведь от денонсации Карского договора выиграет только Армения, которой Турция будет обязана вернуть 30% территории, а Азербайджан – Нахичевань. Грузии же придется отдать Турции Аджарию.

Только через 73 года после подписания Карского договора Армения вновь восстановила свой суверенитет.

М.: Центриздат, 2010; 2) Современный взгляд на Московский и Карский договоры 1921 года: проблемы и перспективы. – М.: Центриздат, 2015.